
А.В. Акопян

К ПУБЛИКАЦИИ ДИССЕРТАЦИИ А.П. НОВОСЕЛЬЦЕВА
«ГОРОДА АЗЕРБАЙДЖАНА И ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ
В XVII–XVIII вв.» (1959 год)

Статья предваряет собой первую публикацию диссертации А.П. Новосельцева «Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII–XVIII вв.», которая была защищена в Институте истории АН СССР в 1959 г. Обсуждается содержание работы, вкратце охарактеризованы особенности методологии авторского исследования, показано сохранение актуальности работы и ее выводов для изучения городов Ближнего Востока. В силу своей неопубликованности, во многих аспектах пионерская работа А.П. Новосельцева оставалась совершенной неизвестной востоковедам, что существенным образом сказалось как на последующих исследованиях ближневосточного города, так и на работах, посвященных более общим вопросам истории Закавказья и Ирана. В конце статьи приведены разъяснения, связанные с подготовкой машинописного текста диссертации к публикации.

Ключевые слова: Азербайджан, Армения, город, домен, Иран, Сефевиды, структура населения, торговля Ирана

Изучение феномена города, его структуры, функций и особенностей производства городского пространства является одним из магистральных направлений современного исторического исследования. Важность города как явления ставит перед исследователями вопрос о методологии определения города как такового, о его типологии, о семиотике городских пространств. В свою очередь, изменение роли городов продолжает служить важнейшим маркером для определения различных стадий общественного развития, изменений в экономике и социальных отношениях. Наблюдающееся ускорение процессов урбанизации в XX–XXI вв. реактуализирует изучение города, инкорпорируя в исследовательское поле урбанистики социологическую, демографическую, экологическую и топографическую историю городов.

Социально-экономические исследования городов средневекового Востока достигли максимальной теоретизации во второй половине XX в. благода-

ря работам Г.Э. фон Грюнебаума (von Grunebaum 1955), Н.В. Пигулевской (1956), К. Каэна (Cahen 1959) и О.Г. Большакова (Беленицкий, Бентович, Большаков 1973; Большаков 1984). Однако проходившее на протяжении всего XX столетия обогащение теоретической, источниковой и методологической базы исторических исследований опережало сами исследования, так что, по выражению О.Г. Большакова, «к сожалению, востоковедение, начавшее серьезное исследование экономической истории менее полувека назад, еще не может быть равным партнером медиевистике Европы» (Большаков 1984. С. 6). Наблюдавшаяся реактуализация ближневосточной урбанистики привела к появлению работ, посвященных не столько интегральным макрорегиональным особенностям, дифференцирующим «восточный город» от античного или европейского, сколько к исследованиям, сконцентрированным на конкретных — и в том числе *живых* — городах. Такой подход используется, например, и в недавней коллективной монографии «Город в мусульманском мире» (The City in the Islamic World 2008), в самом названии которой предлагается отказ от непродуктивного дискурса «мусульманского города» и связанных с ним коннотаций.

Исследование городов Закавказья, как известно, сопряжено с определенными трудностями: практически все они насчитывают не одну сотню лет активной жизни и продолжают жить до сих пор, что подчас делает невозможным их системное археологическое изучение. Особенно это касается позднесредневекового периода — богатство предшествующей материальной культуры региона традиционно смещает фокус исследовательской оптики с событий двухсот-трехсотлетней («недавней») истории на глубокую древность или, по крайней мере, на раннее средневековье, по умолчанию считая достаточным для изучения более поздних эпох только данные письменных источников. Таким образом, исследователю, посвятившему свою работу изучению городов Закавказья в позднесредневековый период, по преимуществу достается анализ исторических хроник, существенно затрудняемый двумя факторами — во-первых, маргинальностью искомым данных в позднесредневековом историческом нарративе, а во-вторых, его разноязыковостью (писали и говорили здесь на персидском, тюркском, армянском и грузинском, вдобавок к которым необходимо было владение европейскими языками, на которых составлялись путевые записи).

Такой комплексный подход смог осуществить в своей диссертации «Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII–XVIII вв.» в 1959 г. А.П. Новосельцев, который был в это время молодым, 26-летним аспирантом Института истории СССР. В аспектах изучения структуры городского населения Азербайджана и Восточной Армении в XVII–

XVIII вв., роста и упадка местных городов, ключевых практик городской повседневности, городского самоуправления, особенностей цеховых организаций и внецеховых ремесленников, диссертация была новаторским исследованием для своего времени. При этом нужно отметить, что к середине XX столетия вовсе не существовало работ по системному изучению феномена города познесредневекового Закавказья или Ирана¹ и его социальных структур. На актуальность исследования указывает и тот факт, что вышеуказанные работы Г.Э. фон Грюнебаума, К. Каэна и Н.В. Пигулевской, посвященные раннесредневековым («классическим») восточным городам, выходили тогда же, во второй половине 1950-х гг. Дискуссия о характеристиках и признаках города наберет силу позже, поэтому в работе А.П. Новосельцева мы видим только «источниковедческий» подход, отличающийся, однако, внутренней логикой. Этот подход основан на доверии к источникам в части разделения населенных пунктов на «города» (*k'alak' / šehr / balād / balādah*), «торгово-ремесленные поселения» (*giwłak'alak' / qašabah*) и «селения» (*giwl / kend*) (с. 139–140 рукописи диссертации) и базируется на укорененности этих понятий в изучаемом регионе, характеризующемся длительной традицией городской жизни.

Важное значение для кавказоведения и иранистики сохраняют все составляющие диссертационного исследования А.П. Новосельцева — подбор источникового материала, методика работы с ним, авторские выводы. По-прежнему актуален выбор исследовательской оптики, свидетельствующий, говоря словами О.Г. Большакова, об отходе автора от филологического направления востоковедения, что сопровождается переходом от представления города как сцены, на которой разворачивается историческое полотно, к высвечиванию роли городского населения как действующей силы истории (Большаков 1984. С. 7). Сохраняют важность и приведенные в диссертации историко-экономические обзоры городов Армении и Азербайджана, по многим из которых все еще нет монографических работ². В ряду таких обзоров обращает на

¹ Только в 1960–1970-х гг. стали выходить первые, в основном географические по своему духу работы по иранскому городу: монографии П.У. Инглиша «Город и деревня в Иране. Поселение и экономика в бассейне Кирмана» (English 1966) и В.Ф. Костелло «Кашан. Город и регион Ирана» (Costello 1976), статьи Ж. Обена «Сведения к изучению городских поселений в средневековом Иране» (Aubin 1970) и М.Е. Бонина «Морфогенез иранских городов» (Bonine 1979). Идеи последней были развиты в монографии «Йезд и его хинтерланд. Главная система доминирования на Центрально-иранском плато» (Bonine 1980).

² Из более поздних работ по истории (в первую очередь, политической и культурной) городов Армении и Азербайджана этого времени надо указать на монографии,

себя внимание уверенное выделение автором роли Акулиса как крупнейшего торгового центра не только в пределах Закавказья, но и всего Ирана (с. 142). В последующих региональных исследованиях экономическая значимость Акулиса так отчетливо не артикулировалась, и специалисты в своем большинстве отождествляли экономические центры с административными — как беглербекств, так и будущих ханств. К сожалению, объем диссертации и археологическая неизученность не позволили остановиться подробнее на исторической топографии исследуемых городов, однако обилие в ней конкретного материала будет существенным подспорьем в дальнейших исследованиях закавказского и иранского города.

Значительная часть работы посвящена изучению типологии городов, структуре городского населения и движущим силам, определившим развитие городов Закавказья. Автором проделана огромная работа как в определении социальной стратификации города, так и в выяснении ее влияния на организацию городского пространства. Внутри городского населения выделены «шесть категорий: 1) светские военно-землевладельческие феодалы, 2) духовенство (мусульманское и христианское), 3) купечество, 4) ремесленники, 5) крестьяне, 6) прочие слои городского населения» (с. 184). В тесной связи с исследованием городских страт находится определение статусной иерархии внутри городской светской знати. Автор показывает (с. 186), что наивысшее положение среди городских феодалов занимала кызылбашская военно-кочевая знать, ниже которой находились местные землевладельцы и духовные феодалы, в первую очередь, мусульманские, а во вторую — армянские (с. 186, 188, 201–222), причем последние присутствовали почти во всех городах с армянским населением, в которых они выступали в роли этнархов.

Влиятельными стратами были духовенство, купечество и ремесленники, отличавшиеся существенной внутренней имущественной неоднородностью. Ремесленники образовывали одну из важнейших градообразующих социальных групп, причем армянские ремесленники организовывались в автономные цеха (чей генезис прослеживается с периода армянских царств XI–XIII в. (с. 237–238))³, в отличие от ремесленников северного Азербайджана XVI–XIX вв., не объединявшихся в цеха

посвященные Акулису (Айвазян 1984), Баку (Ашурбейли 1992), Дербенту (Кудрявцев 1982), Еревану (Акопян 1977), Ордубаду (Фараджев 1970), Шеки (Саламзаде, Исмаилов, Мамед-заде 1988) и Шемахе (Джидди 1981). По Гяндже, Нахичевану, остальным городам северного Азербайджана и по всем городам южного Азербайджана наиболее актуальными до сих пор остаются статьи *Encyclopaedia Iranica*.

³ Об армянских цехах см. также работу В.А. Абрамян: Абрамян 1973.

(с. 232–233)⁴. В связи с исследованием регионального купечества А.П. Новосельцевым были выяснены внешнеторговые и внутренние экономические связи региона, а также формы и нормы налоговой эксплуатации. Особое внимание было уделено городскому самоуправлению и военной роли городов в Сефевидском государстве. Показано нарастание финансовой и политической автономии областей Сефевидского государства на протяжении XVII–XVIII вв., завершившееся формированием полусамостоятельных ханств после смерти Надир-шаха в 1747 г.

Помимо магистральной темы исследования, связанной с городами региона, автор не смог обойти стороной характеристики фундаментальных явлений в истории позднесредневекового Ирана — процесса зарождения и упадка державы Сефевидов, природы «джедвалиев» в иранском историописании (с. 89–97), динамики формирования шахского домена (*хассе*) и др.

Исключительно важной выглядит постановка и решение проблемы образования земель шахского домена (*хассе*), характеризующего узловой для Сефевидов период централизации и стабилизации государства. Сейчас можно уточнить положения автора, и видеть в оформлении домена в 1590-х гг. при Аббасе I (с. 67) наивысшую точку процесса централизации сефевидского государства, начало которого возможно отнести ко времени Тахмаспа I, при котором начался процесс ограничения региональных властей, выразившийся в лишении их права выпуска медной монеты и доходов от нее (Акопян 2021).

А.П. Новосельцев аргументированно преодолевает историографические стереотипы, в том числе сложившиеся после публикации работ крупных советских иранистов (И.П. Петрушевского, В.Н. Левиатова и др.). К кругу такого рода проблем относятся вопросы о сущности политики и значении Фатх-Али-хана Кубинского в истории Ширвана, об «азербайджанском» характере Сефевидского государства, о наличии сложной разноуровневой иерархии мусульманских и христианских феодалов в регионе, о «персидской гражданской бюрократии», набравшейся при Аббасе I (с. 78) и иные, важность решения (или подходов к решению) некоторых стоит отдельного упоминания.

Реактуализации в сегодняшней историографии идеи об «азербайджанском государстве Сефевидов» противостоит сохраняющий актуальность анализ А.П. Новосельцевым исторических источников, ясно

---

⁴ Цеховым организациям на Ближнем Востоке посвящена специальная работа Г. Бэра: Ваер 1970.

показывающий (с. 68–74) преднациональный характер кызылбашской племенной конфедерации, в своем генезисе типологически схожей с кочевыми конфедерациями Ак-Коюнлу и Кара-Коюнлу, но сумевшей развить в своей среде этноконсолидирующее начало (с. 69, 186–187). Автором высказано интересное предположение о различной доле местного и кызылбашского элементов в формировании северных и южных азербайджанцев (с. 186–187), не получившее, по-видимому, дальнейшего развития в отечественной этнографии (Народы мира 1988. С. 42–44; Азербайджанцы 2017. С. 93–94).

Любопытна авторская хронология поисков внешнего покровительства христианскими народами Закавказья, которые отсчитываются в сефевидскую эпоху начиная с посольства грузинских, армянских и карабахских феодалов к Аббасу I в 1605 г. (с. 88), что явилось незаслуженно забытой увертюрой к известным сношениям карабахских и сюникских сгнахов с Петром I в 1720-х гг.

А.П. Новоселцев дает взвешенную оценку личности Ираклия II, в характере которого наряду с так наз. «прогрессивными» действиями (под которыми подразумевается пророссийская ориентация) не затушевываются и обычные для феодальных правителей этого времени стремления к расширению своей территории (с. 126), утверждение своих креатур во главе Гянджинского и Ереванского ханств (с. 127), а также захватнические набеги на соседние ханства, в том числе с угонном христианского населения (с. 128–129). Такой анализ, несомненно, многограннее принятых в то время простых описательных конструкций, применявшихся для характеристики политических деятелей по критерию их ориентации на Россию («прогрессивный» vs «реакционный»), что в сегодняшней историографии зачастую механически меняется местами при неизменности дихотомической простоты). Внимание ко всем аспектам сложных исторических процессов сохраняется у автора и в исследовании армянского восстания 1720-х гг. — справедливо указывается на его сложный характер, сочетавший освободительную войну с, например, разорением города Ордубада (с. 180). Сохраняет актуальность объяснение отсутствия предпосылок к объединению ханств в 1790-х гг. под управлением Фатх-Али-хана Кубинского (с. 53) или под властью Ахмед-хана Хойского (с. 134, 139), усугублявшееся незавершившимся процессом этнической консолидации мусульманского населения северного и южного Азербайджана.

Конечно, некоторые сопутствующие исследованию аспекты не были детально разработаны ко времени написания диссертации, поэтому их трактовка должна быть несколько уточнена как в отношении общих,

так и частных вопросов. К кругу первых относятся следующие сведения: о монетной системе Сефевидов (с. 59, 256), которой посвящена новая обзорная работа (Акопян 2021); об анализе российско-персидской торговли, которое необходимо дополнить исследованиями отечественных исследователей (Куканова 1977; Юхт 1994), о торговле Ирана с Голландской, Британской и Французской Ост-Индскими Компаниями (Matthee 1999; Floor 2005), сравнение показателей которой с российским направлением торговли может скорректировать положения Гл. III. Ко вторым можно отнести, например, замечание о существовании «калantara для иноплеменных» (с. 302), которого упоминает не только Лео (А.Г. Бабахян), но и католикос Абраам Кретацци в своем «Повествовании» (Абраам Кретацци 1973. С. 128, 249).

К сожалению, диссертация А.П. Новосельцева не превратилась в монографию и поэтому осталась практически неизвестной исследователям. Публикация ее сегодня видится весьма важной в том числе и для заполнения «историографического провала», последовавшего за генерализирующей работой И.П. Петрушевского «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в.», выпущенной в 1949 г. Труды И.П. Петрушевского очень повезло — он не только был отпечатан существенным тиражом в 3 000 экземпляров, так что до сих пор встречается в продаже, но и в начале 2000-х годов был оцифрован и размещен на сайте Президентской библиотеки Азербайджанской Республики в виде распознанного текста⁵. Такая доступность привела к стабильному интересу к этой работе со стороны современных исследователей и ее регулярному цитированию, что создало впечатление отсутствия других работ по этой тематике. В свою очередь, то, что работа А.П. Новосельцева не была напечатана, стало причиной сохранения в магистральных исследованиях позднесредневековой истории Закавказья и Ирана сомнительных с научной точки зрения (еще с 1960-х гг.) построений, которые в 1960–1970-х гг. вошли в учебные курсы истории, а начиная с 1980-х гг. и в общественный дискурс. Цена «забвения» работы А.П. Новосельцева оказалась очень чувствительной для кавказоведения и иранистики.

При подготовке текста диссертации к печати были сохранены авторские написания персидских слов, фраз и племенных названий, а также восточных и европейских имен и фамилий. Поскольку неясно, какую из употреблявшихся форм выбрал бы сам автор при печати текста, в пу-

---

⁵ URL: http://www.ebooks.az/book_knpBQyL8.html (последнее обращение 18.06.2020).

бликации сохранен авторский разноречивой русскоязычной транслитерации. Также сохранены авторские выделения (подчеркивания) и авторское написание *нисб* с прописных букв — как географического происхождения (ардебили, туси и т. д.), так и племенного (афшар, зенд и т. д.). Однако в целях удобочитаемости текста раскрыты сокращения («т.» — туман, «д.» — динар, «пол.» — «половина», «г.» — «город» и т. д.), а также приведены полные формы числительных («первый» вместо «1-й», «второй» вместо «2-й» и т. д.), инициалов хронистов и инициалов современных авторов (в некоторых местах А.П. Новосельцев вписывал их от руки в уже напечатанный текст). Были исправлены грамматические, орфографические и пунктуационные ошибки. Некоторые излишне тяжеловесные конструкции были облегчены причастными оборотами. Такая корректура несомненно была бы проведена при подготовке рукописи диссертации к печати, и поэтому в тексте никак не отмечается. Все же добавления от издателя (пропущенных союзов, слов и пр.), а также небольшое число поясняющих примечаний приводятся в квадратных скобках, а в примечаниях с пометкой «примеч. А. А.». В публикуемом тексте отражена пагинация рукописи диссертации.

Наиболее существенные изменения коснулись внешней формы ссылочного аппарата. Дело в том, что в самой диссертации содержание ссылок не имело какой-либо внутренней системы, которая собственно и не требовалась в 1959 г. Оставлять ссылки в таком виде при переиздании было невозможно, поэтому они были унифицированы по своему внешнему виду со ссылками в остальных работах сборника и изменены с подстрочных на внутритекстовые. Сокращения ссылок типа «см. библиографию» по возможности были раскрыты. Была сохранена авторская рубрикация библиографического списка, а сам список был дополнительно размечен — издания, ссылки на которые были только в примечаниях, были добавлены в библиографию и отмечены (*), а издания, на которые в тексте нет конкретных ссылок, были отмечены знаком (–). Ссылки на конкретные хроники в сборниках летописей (например, собранные в двухтомнике «Мелкие хроники XIII–XVIII вв.») уточнены и приведены в соответствие с авторским списком литературы.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Абраам Кретацци. Повествование. Критический текст / Пер. и коммент. Н.К. Корганяна. Ереван, 1973. [*Abraham Kretac'i. Povestvovanie. Kriticheskij tekst* (Narration. Critical text) / Ed. and komment. by N.K. Korganyan. Erevan, 1973.]

- Абрамян В.А.* Ремесла в Армении IV–XVIII вв. и цеховые организации армян-ремесленников в городах Закавказья с XVIII по начало XX веков. Дисс. на соиск. уч.ст. д.и.н. Ереван, 1973 (на арм. яз.). [*Abramyan V.A.* Remesla v Armenii IV–XVIII vv. i cehovye organizacii armyan-remeslennikov v gorodah Zakavkaz'ya s XVIII po nachalo XX vekov (Crafts in Armenia in 4th–18th centuries and guild organizations of Armenian artisans in the cities of Transcaucasia from the 18th to the beginning of the 20th centuries. Phd Dissertation in History. Erevan, 1973 (in Armenian).]
- Азербайджанцы / Отв. ред. А. Мамедли, Л.Т. Соловьева. М., 2017. [*Azerbajdzhancy (Azerbaijanis)* / Ed. by A. Mamedli, L.T. Solov'eva. Moscow, 2017.]
- Айвазян А.* Агулис: историко-культурные памятники. Ереван, 1984 (на арм. яз.). [*Ajvazyan A.* Agulis: istoriko-kul'turnye pamyatniki (Agulis: historical and cultural monuments). Erevan, 1984 (in Armenian).]
- Акопян А.В.* Нумизматика сефевидского Ирана (краткий обзор) // Восток (Oriens). 2021 (в печати). [*Akopyan A.V.* Numizmatika sefevidskogo Irana (kratkij obzor) (Numismatics of the Safavid Iran (Short Review)) // Vostok (Oriens). 2021 (in print).]
- Акопян Т.Х.* Очерк истории Еревана. Ереван, 1977. [*Akopyan T.H.* Ocherk istorii Erevana (Study on the History of Yerevan). Erevan, 1977.]
- Ашурбегли С.А.* История города Баку. Баку, 1992. [*Ashurbejli S.A.* Istoriya goroda Baku (History of the City of Baku). Baku, 1992.]
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. [*Belenickij A.M., Bentovich I.B., Bol'shakov O.G.* Srednevekovyj gorod Srednej Azii (The Medieval City of Central Asia). Leningrad, 1973.]
- Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в.: Социально-экономические отношения. М., 2001. [*Bol'shakov O.G.* Srednevekovyj gorod Blizhnego Vostoka. VII — seredina XIII v.: Social'no-ekonomicheskie otnosheniya (Medieval City of the Middle East. 7th — mid-13th century: Socio-Economic Relations). Moscow, 2001.]
- Джидди Г.А.* Средневековый город Шемаха (IX–XVII века). Историко-археологическое исследование. Баку, 1981. [*Dzhiddi G.A.* Srednevekovyj gorod Shemaha (IX–XVII veka). Istoriko-arheologicheskoe issledovanie (Medieval City of Shemakha (9th–17th centuries). Historical and Archaeological Research). Baku, 1981.]
- Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. М., 1982. [*Kudryavcev A.A.* Drevnij Derbent (Ancient Derbent). Moscow, 1982.]
- Куканова Н.Г.* Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII — первой половине XIX века (По материалам русских архивов). Саранск, 1977. [*Kukanova N.G.* Ocherki po istorii russko-iranskikh torgovyh otnoshenij v XVII — pervoj polovine XIX veka (Po materialam russkih arhivov) (Studies on the History of Russian-Iranian Trade Relations in the 17th — first

- half of the 19th Century (Based on Materials From Russian Archives)). Saransk, 1977.]
- Народы мира. Историко-этнографический справочник / Гл. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1988. [Narody mira. Istoriko-etnograficheskiy spravochnik (Peoples of the World. Historical and Ethnographic Guide) / Ed. by Yu.V. Bromley. Moscow, 1988.]
- Пигулевская Н.В.* Города Ирана в раннем средневековье. М., 1956. [*Pigulevskaya N. V.* Goroda Irana v rannem srednevekov'e (Cities of Iran in the Early Middle Ages). Moscow, 1956.]
- Саламзаде А.Р., Исмаилов А.И., Мамед-заде К.М.* Шеки. Историко-архитектурный очерк / Под ред. М.А. Усейнова. Баку, 1988. [*Salamzade A.R., Ismailov A.I., Mamed-zade K.M.* Sheki. Istoriko-arhitekturnyj ocherk (Historical and Architectural Study) / Ed. by M.A. Usejnov. Baku, 1988.]
- Фараджев А.С.* Ордубад. Историко-экономический очерк. Баку, 1970. [*Faradzhev A.S.* Ordubad. Istoriko-ekonomicheskij ocherk (Historical and Economic Study). Baku, 1970.]
- Юхт А.И.* Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е гг. XVIII в.). М., 1994. [*Yuht A.I.* Torgovlya s vostochnymi stranami i vnutrennij rynek Rossii (20–60-ye gg. XVIII v.) (Trade with Eastern Countries and the Domestic Market of Russia (20–60's of the 18th century)). Moscow, 1994.]
- Aubin J.* Elements pour l'étude des agglomérations urbaines dans l'Iran médiéval // The Islamic City / Ed. by A.H. Hourani, S.M. Stern. Oxford, 1970. P. 65–75.
- Baer G.* Guilds in Middle Eastern History // Studies in the Economic History of the Middle East from the Rise of Islam to the Present Day / Ed. by M.A. Cook. L., 1970. P. 11–30.
- Bonine M.E.* The Morphogenesis of Iranian Cities // Annals of the Association of American Geographers. 1979. Vol. 69, № 2 (Jun.). P. 208–224.
- Bonine M.E.* Yazd and Its Hinterland: A Central Place System of Dominance in the Central Iranian Plateau. Marburg; Lahn, 1980.
- Cahen C.* Mouvements populaires et autonomisme urbain dans l'Asie musulmane du moyen âge. Leiden, 1959.
- Costello V.F.* Kashan. A City and Region of Iran. L., 1976.
- Ehlers E.* Iran. Grundzüge einer geographischen Landeskunde. Darmstadt, 1980.
- English P.W.* City and Village in Iran. Settlement and Economy in the Kirman Basin. Madison (WI), 1966.
- Floor W.* Dutch Trade in Afsharid Iran (1730–1753) // Studia Iranica. 2005, № 34. P. 43–93.
- von Grunebaum G.E.* Die islamische Stadt // Saeculum. 1955. Vol. VI. P. 138–153.
- Matthee R.* The Politics of Trade in Safavid Iran: Silk for Silver, 1600–1730. Cambridge, 1999.
- The City in the Islamic World / Ed. by S.K. Jayyusi, R. Holod, A. Petruccioli, A. Raymond. Leiden; Boston, 2008.

ON THE PUBLICATION OF THE PHD THESIS OF A.P. NOVOSELTSEV
THE CITIES OF AZERBAIJAN AND EASTERN ARMENIA
IN THE 17TH–18TH CENTURIES (1959)

The article precedes the first publication of the PhD thesis of A.P. Novoseltsev “The Cities of Azerbaijan and Eastern Armenia in the 17th–18th centuries,” which was defended at the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR in 1959. The content of the work is discussed, the peculiarities of the author’s methodology are briefly described; the preservation of the relevance of the work and its conclusions for the modern studies of the Middle East city is shown. In many aspects the pioneering work of A.P. Novoseltsev remained completely unknown to orientalists (since it has not been published), that significantly affected both subsequent studies of the Middle East city and works devoted to more general issues of the history of the South Caucasus and Iran. At the end of the article, explanations related to the preparation of the typewritten text of the PhD thesis for publication are given.

Keywords: Azerbaijan, Armenia, city, domain, Iran, Safavids, structure of population, Iranian trade

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-622-632

Академия наук СССР
Институт истории

Новосельцев А.П.

ГОРОДА АЗЕРБАЙДЖАНА И ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ В XVII–XVIII вв.

*Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук.
Научный руководитель: доктор исторических наук А.В. Фадеев.
Москва, 1959.*

ВВЕДЕНИЕ

а) Цели и задачи работы, историография вопроса

История городов Азербайджана и Армении до сих пор является едва ли не наименее изученной из всего круга проблем, связанных с историей азербайджанского и армянского народов. В значительной мере это объясняется немногочисленностью источников — немногочисленностью не в смысле их количества, а скудностью данных, относящихся к городам и городской жизни, разбросанных по многим летописям, документальным материалам, мемуарам и описаниям путешественников, дипломатов, миссионеров, купцов, принадлежавших к различным народам Переднего Востока и Европы и написанных на различных современных и древних языках. К тому же большинство этих и без того немногочисленных данных относятся к политической и военной истории городов, в то время как сведения о социальном составе городского населения, экономике городов, классовой борьбе встречаются (в них) несравненно реже. Этим и объясняется то, что имеющиеся труды по истории отдельных городов (Ганджи (Альтман 1949), Еревана (Шахазиз 1931) и Тебриза (Надир-Мирзā 1323/1905–1906)) посвящены главным образом политической и военной истории этих городов. Из них сочинение Надир-Мирзы по истории и географии Тебриза, благодаря наличию /с. 1/ в нем многих данных, взятых из недошедших до нас более ранних источников, само имеет для нас в настоящее время скорее значение источника, нежели монографического труда.

Из старых дореволюционных работ, имеющих отношение к истории городов Восточного Закавказья, следует упомянуть монографию С.А. Егиазарова (1891). Автор ее на примере цехов Тифлиса, Ахалциха, Еревана и некоторых других городов попытался показать организацию и сущность цехов (в основном армянских) Закавказья, главным образом на материалах XIX в. Благодаря привлечению большого числа первоисточников и прекрасному знанию С.А. Егиазаровым имевшегося тогда в распоряжении исследователя материала (относящегося прежде всего к структуре армянских амкарств), эта работа сохранила в основных чертах свое значение и до настоящего времени. Однако в оценке социальной роли цехов С.А. Егиазаров, являвшийся типичным представителем юридической школы, допускал существенную ошибку, идеализируя эти отживавшие свой век организации и пытаясь сгладить социальные противоречия внутри самих амкарств.

В 1958 г. в Институте истории АН Азербайджанской ССР защищена диссертация Ф.М. Алиева «Города Северного Азербайджана во второй половине XVIII в.», основы которой изложены в автореферате (Алиев 1957а) и статье (Алиев 1957б; 1957в; 1957г) указанного автора. /с. 2/

Наряду с достоинствами эта работа содержит и ряд существенных недостатков. Прежде всего это касается почти совершенного игнорирования армянских, грузинских и западноевропейских источников. Поэтому автор вынужден был во многих случаях привлекать данные более позднего времени, которые в ряде случаев с успехом могли бы быть заменены современными или хронологически более близкими источниками из числа вышеупомянутых. Наконец, некоторые положения Ф.М. Алиева вызывают возражения и могут быть оспариваемы. Тем не менее, ввиду наличия вышеупомянутой работы Ф.М. Алиева, в настоящей работе наибольшее внимание уделяется истории городов XVII — первой половины XVIII в., но вместе с тем в необходимых случаях привлекаются данные второй половины XVIII в., прежде всего из тех первоисточников, которые не использованы в диссертации Ф.М. Алиева.

Наконец, для истории городов Восточной Армении важное значение имеет книга В.А. Абрамян «Ремесла в Армении IV–XVIII вв.» (1956). Работа посвящена в основном изучению производительных сил армянского средневекового города и основана на большом количестве материальных и письменных источников. /с. 3/ Несмотря на то, что большая ее часть относится к периоду раннего средневековья (до XIII в.), тем не менее и состояние ремесла в позднесредневековый период (главным образом, на примере городов Западной Армении) охарактеризовано достаточно полно. Специальная глава монографии (пятая) посвящена анализу цеховых организаций армянских ремесленников. Кроме того, в приложении к указанной работе дан текст устава ремесленников

XVIII в., выявленного В.А. Абрамян в фондах ереванского Матенардана (Там же. С. 253–258). Наличие в распоряжении исследователя этого документа тем более важно, что до сих пор не было известно ни одного армянского ремесленного устава этого времени и исследователи базировались либо на раннесредневековых ремесленных уставах, либо на статутах XIX в.

Задачей настоящей диссертации является попытка на основании опубликованных и архивных источников осветить вопросы социально-экономического положения, классовой борьбы и управления городов Азербайджана и Восточной Армении в XVII–XVIII вв. Большой хронологический отрезок времени (два столетия) взят потому, что, во-первых, сведения источников по рассматриваемым вопросам крайне скудны и, во-вторых, потому что при данной постановке вопроса имеется некоторая возможность дать ряд явлений социально-экономической жизни городов в их развитии. По тем же причинам рассматриваются вместе Северный (советский) и Южный (иранский) Азербайджан, а также восточная Армения, /с. 4/ т. е. та часть исторической Армении, которая в XVII–XVIII вв. совместно с Азербайджаном входила в состав кызылбашского государства и политические судьбы которой были общи в рассматриваемый период с судьбами Азербайджана, кроме того Северный и Южный Азербайджан необходимо изучать вместе «так как в позднем средневековье их социально-экономическая структура одинакова, а исторические судьбы тесно связаны» (Али-Заде 1956. С. 9). С некоторыми оговорками это положение может быть применено и к Восточной Армении XVII–XVIII вв., тогда как история Западной Армении, захваченной Турцией в XVI в., имела ряд специфических особенностей.

Центральной проблемой диссертации является изучение городской экономики и социального состава городского населения. Этим вопросам и посвящена основная, вторая глава работы. Необходимость первой главы, в которой ставится ряд общих вопросов истории Азербайджана и Армении XVII–XVIII вв., вытекает либо из их слабой изученности, либо ввиду несогласия с существующими точками зрения. Раздел о классовой борьбе в городах помещен также в первой главе, совместно с разделом о классовой борьбе в целом. Последнее обстоятельство объясняется прежде всего недостаточной изученностью этой проблемы, ввиду чего было бы нецелесообразно искусственно разделять историю классовой борьбы на две части, а также тем, что целесообразнее излагать политическую историю Восточного Закавказья на общем фоне социальной борьбы. /с. 5/

б) Обзор источников

Источники по истории городов Азербайджана и Восточной Армении можно разделить на две большие группы:

- 1) Актовые материалы
- 2) Нарративные (повествовательные) источники.

Ввиду количественно большого числа источников нарративного характера, мы коснемся в последующем обзоре лишь важнейших из них и в как можно более краткой форме. Укажем, что часть использованных нами источников охарактеризована более полно И.П. Петрушевским (1949а. С. 7–56; История Ирана 1958. С. 266–271, 300–306).

1. Актовые материалы

Местных архивов XVII–XVIII вв. в Азербайджане и Армении не сохранилось. Единственное исключение представляет архив Эчмиадзинских католикосов, в настоящее время находящийся в ереванском Матенадаране. Архив содержит исключительно богатую и уникальную коллекцию документов. Документы эти в основном четырех категорий. Во-первых, это фирманы (указы) шахов, местных правителей, турецких султанов и местных пашей (для Западной Армении, а также отчасти и для Восточной Армении в периоды ее оккупации османами). Фирманы адресованы католикосам, армянским монастырям, церквям и частным лицам. /с. 6/

Во-вторых, это различного рода купчие, так же в большинстве своем связанные с армянским церковным престолом или духовенством.

К третьей группе можно отнести переписку Эчмиадзинских католикосов с главами армянского духовенства на местах, местными правителями и т. д.

Наконец, в архиве Матенадарана имеется довольно большое число различных хозяйственных документов, вроде отчетных книг монастырей и церквей. Последние до сих пор почти не использовались исследователями. Документы написаны в основном на фарсидском, древнеармянском и среднеармянском языках. Часть документов на турецком и азербайджанском языках и, наконец, отдельные документы представлены в поздних (XIX в.) русских переводах.

Лишь очень небольшая часть документов Матенадарана издана. Наибольшая часть таковых была опубликована в большом, так и незавершенном в связи с начавшейся Первой Мировой войной, издании «Архив армянской истории» (*Դրվան հաշոյս ցառոմոսթեան*), издававшемся в Тифлисе с 1891 по 1914 г. Всего в этой серии вышло 13 томов. В них

вошла переписка и дневники армянских католикосов XVIII — первой половины XIX в.

В 1941 г. А. Абрамян издал в одном томе серию армянских хозяйственных документов (1941), имеющих большое значение не только для истории Армении, но и для истории Азербайджана. В их числе /с. 7/ есть документы, относящиеся к городам Еревану, Тебризу, Нахичевану, Акулису, Дербенту и др.

Наконец, совсем недавно А.Д. Папазян издал первый выпуск шахских фирманов (XVI в.) из архива Матенадарана (Персидские документы Матенадарана 1956)¹.

Основная же часть документов Архива католикосов не издана до сих пор.

Из документов Матенадарана, важных для настоящей темы, прежде всего следует упомянуть различного рода купчие и вакфные грамоты, относящиеся к городам Закавказья. Документы этого рода позволяют выяснить имущественное положение высших и средних слоев городского общества, составить представление о взаимоотношениях между различными категориями феодалов (духовных и светских), а также в ряде случаев и о взаимоотношениях между низшими, эксплуатируемыми слоями городского населения, и феодалами, купцами. Эти документы незаменимы при исследовании социально-экономических отношений в феодальном обществе рассматриваемого времени. Их общая ценность и значимость увеличиваются еще и тем, что другие источники (главным образом, /с. 8/ летописи и источники мемуарного типа) именно по этим вопросам дают сравнительно немного. С другой стороны, невозможно и изолированное изучение актовых документов в отрыве от источников нарративного характера. Это тем более важно отметить, ибо общая тематика актовых документов, дошедших до нас, узка и по ряду важных вопросов они дают крайне ограниченные сведения.

Материалы русских средневековых архивов, главным образом, так называемые армянские и «персидские» дела ЦГАДА, ввиду своей специфики дают немного для настоящей темы. Документы этих архивов относятся в основном либо к дипломатическим отношениям Русского государства с Ираном и Закавказьем, либо освещают торговые отношения между этими странами. Поэтому те немногие сведения о внутренней жизни городов восточного Закавказья, которые имеются в

---

¹ В настоящее время А.Д. Папазян подготовил к изданию вторую серию фирманов (пер. пол. XVII в.). Пишущий эти строки во время своей работы в фондах Матенадарана получил от А.Д. Папазяна любезную возможность ознакомиться с переписанными начисто фарсидскими текстами этой серии, что значительно облегчило их использование в настоящей работе. В данном случае имеется ввиду серия фирманов, относящихся к городу Акулису, точнее к акулискому монастырю.

статейных списках послов и других документах этого рода, как правило, могут быть заменены сведениями местных актовых и нарративных источников. Бóльшее значение имеют архивные документы АВПР (Архива внешней политики России). Документы фонда «Сношения России с Персией», представляющие из себя переписку русских властей на Северном Кавказе и царского правительства из Петербурга с местными закавказскими владетелями, а также донесения русских консулов и представителей в Баку, Сальянах, Реште очень важны для изучения политической обстановки в Закавказье в XVIII в. и, особенно, торговых связей России с Закавказьем и Ираном. Однако, следует иметь ввиду, что, если, например, для истории Северо-восточного Азербайджана /с. 9/ второй половины XVIII в. документы этого рода являются одним из основных источников, то ценность их для ханств Южного Азербайджана этого же времени меньшая; это объясняется прежде всего тем, что сведения по внутреннему Азербайджану брались не непосредственно на местах, а, как правило, из вторых или третьих рук.

Из изданий персидских документов упомянем серию «Нахичеванские рукописные документы» (Тбилиси, 1936 г.) и «Указы кубинских ханов» (Тбилиси, 1937 г.). Из них наибольшую ценность для исследуемой темы представляют Нахичеванские документы, связанные главным образом с знатью племени кенгерлу, господствовавшего в Нахичеванском крае.

Ряд важных документов, прежде всего тиульные и союргальные грамоты, опубликованы И.П. Петрушевским в приложении к его монографии «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в.». Большая группа документов, среди которых для нас наиболее важные документы, относящиеся к городу Еревану из архива Матенадарана, приложена А.Д. Папазяном к его кандидатской диссертации (Папазян 1954. Приложение).

Английский востоковед А.К. Лэмбтон в 1952 г. издал две союргальные грамоты эпохи поздних Сефевидов (Lambton 1952. P. 44–45), позволяющие в ином /с. 10/ свете рассматривать этот институт. Ценные персидские документы XVII–XVIII вв., относящиеся к Южному Азербайджану, приведены в монографии Лэмбтона «Landlord and peasant in Persia» (Lambton 1953). Наконец, несколько важных фирманов XVIII в. изданы Надир-Мирзой в его историко-географическом описании Тебриза (Надир-Мирзā 1323/1905–1906. С. 240–293). Среди них особую ценность представляют фирманы Надир-шаха, относящиеся к южному Азербайджану.

Наконец, целесообразно упомянуть об одном интересном и оригинальном источнике второй половины XVIII в., единственная рукопись которого хранится в ереванском Матенадаране. Имеется в виду так называемая «Китаб-е Хусейн-Али хан сардаре-Ирвани» («Книга Хусейн-али-хана сардара ереванского»). Рукопись датирована 1782 г. и содержит

в себе главным образом дипломатическую переписку Хусейн-Али-хана с соседними владетелями (ханами хойским, ганджийским, царем Грузии Ираклием II и др.). Источник малоизвестный и почти не использован исследователями, хотя по истории взаимоотношений государств Закавказья конца семидесятых годов XVIII в. — 1782 г. может являться основным.

Наряду с документальными, первостепенное значение для исследуемой темы, имеют источники нарративного характера. Трудность их использования заключается, главным образом, в том, что они написаны на различных языках людьми, принадлежавшими к различным народностям и нациям. В настоящем обзоре мы кос/с. 11/немся важнейших из них. В целях большего удобства будем рассматривать их по языковым группам.

II. Армянские источники

Известно большое число армянских хроник XVII–XVIII вв. В подавляющем большинстве это небольшие сочинения от двух-трех до нескольких десятков страниц, написанные либо духовными лицами, либо горожанами. Большинство этих хроник в настоящее время изданы или в 10 томе старого дореволюционного собрания «*Դրևան հայոց պատմութեան*» («Архив армянской истории») или в двухтомном собрании хроник, собранных и опубликованных с подробными комментариями и примечаниями В.А. Акоюном (Мелкие хроники 1951; 1956). Хроники содержат богатый материал по истории городов Армении; однако, поскольку они писались за немногим исключением в Западной Армении, то и сведения, сообщаемые ими, относятся в основном к городам этой части страны (Вану, Багешу и др.). Для истории Восточной Армении и Азербайджана эти хроники имеют гораздо меньшее значение, хотя и в них мы находим ряд данных, не встречающихся в других источниках.

Из более крупных армянских исторических сочинений XVII в., к тому же написанных в восточной части страны, прежде всего следует упомянуть известную «Историю» Аракела Даврижеци (Тавризского), крупнейшего армянского историка XVII в. Аракел жил в городе Тебризе, где имелось значительное армянское на/с. 12/селение, часть которого сама переселилась туда во время большого голода и войн конца XVI — начала XVII в., другую же часть его переселил Аббас I в 1604 г. Свой исторический труд он начал писать в 1651, а закончил в 1663 г.

В своей «Истории» Аракел описал события с начала XVII столетия до 1662 г. По богатству фактического материала по истории Южного Азербайджана, Ереванской области и даже северо-западного Ирана труд Аракела в ряде случаев превосходит даже такие подробные хроники как «Тарих-е алам арай-е Аббаси». В отличие от этих хроник

«История» Аракела более наглядно и живыми красками рисует картину бедствий, постигших страну в начале XVII в. Именно эта часть труда Аракела наиболее важна для нас, ибо в последующем изложении этот хронист основное внимание уделяет церковной и культурной истории армян, не только закавказских, но и иранских, польских и т. д. Труд Аракела издан несколько раз. Мы пользовались армянским изданием 1884 г. и французским переводом академика М.И. Броссе (Arakel de Tauriz 1874; Арак'ел Даврижеци 1884).

Другим крупным армянским историком XVII в. является Захарий Саркаваг Канакерци. Он жил во второй половине XVII в. и составил трехтомную историю важнейших событий своего времени (Зак'ареа Саркаваг 1873; Zakaria Diacres 1876). Не все тома этого труда одинаковой ценности. Особенно критически следует относиться к данному первого тома, тем более, что и сам Захарий Саркаваг писал, что эта часть его труда неоригинальна и содержит сведения слышанные от других лиц «достоверные /с. 13/ или ложные», тогда как второй и третий тома написаны им на основании личных наблюдений или по сведениям, полученным от заслуживающих доверия лиц (Zakaria Diacres 1876. P. 59). Поэтому в первом томе содержится ряд фактических неточностей. В частности, это относится к рассказу о карабахском беглярбеке Давудхане, где перепутана хронология событий (Ibid. P.²).

Одним из ценнейших источников XVII в. является «Дневник» акулисского купца Захарии. Источник издан еще в тридцатых годах XX в. в подлиннике на армянском языке и в русском переводе (Дневник Захария Акулисского 1939), но до самого последнего времени использовался недостаточно. Между тем, это едва ли не самый ценный источник XVII в. В «Дневнике» нашли отражение не только события, связанные с городком Акулисом, являвшемся крупным купеческим центром в XVII — первой половине XVIII в., но имеется немало данных по городам Еревану, Тебризу и др. Только по материалам «Дневника» можно составить конкретное представление о имущественном и правовом положении купечества в кызылбашском государстве XVII в. Значительный материал содержится в «Дневнике» и по организации управления городов, о системе и методах сбора налогов, о положении низших слоев городского населения и т. д.

Видный армянский деятель первой трети XVIII в. агванский католикос Есай Джалалянц написал подробную и обстоятельную исто/с. 14/рию событий, происходивших главным образом в Северном Азербайджане в первой четверти XVIII в.³. Наиболее ценными частями этого сочинения

² Пропущено. — *Примеч. А. А.*

³ Мы пользовались французским переводом академика М.И. Броссе (Hassan Dchalalians 1876).

является характеристика налоговой политики шаха Султан-Хусейна (1694–1722), а также обстановки в Северном Азербайджане этого времени, восстаний в Дагестане и прилегающих округах Азербайджана и нашествий дагестанских феодалов на Ширван и Карабах. По этим вопросам ни один другой источник не дает таких сведений как сочинение Есаи. Нам кажется, что оценка В.Н. Левиатовым той части труда Есаи, которая касается событий в Ширване и Карабахе в начале 20-х гг. XVIII в. (Левиатов 1948. С. 72) едва ли правильна. Конечно, Исай католикос был представителем своего класса и естественно был враждебно настроен ко всякого рода антифеодальным движениям. Однако подвергать на этом основании сомнению ценность его сведений о грабительском характере нашествий дагестанских феодалов, выступавших под самыми реакционными мусульманско-суннитскими лозунгами, навряд ли правильно, тем более, что все прочие армянские и неармянские источники, современные или близкие к этим событиям, сообщают аналогичские сведения.

Событиям 20-х–30-х гг. XVIII в. посвящено несколько исторических сочинений современных армянских авторов. В сочинениях Авраама Ереванци, Петроса Гиланянца и Акопа Шамахеци (Авраам Ереванци 1939; Петрос ди Саргис 1870; Походы Тамас-Кули-хана 1932) отражены /с. 15/ главным образом события политической истории этого времени. В отличие от них труд Авраама Кретаци дает немало сведений и по социально-экономической истории 30-х гг. XVIII в., а анонимная «История Давид-бека» (Энтир патмут'ивн Давит' Бёгин 1871)⁴ посвящена знаменитому восстанию армянского населения Кафана в 20-х гг. XVIII в. против азербайджанских ханов и османских войск.

Из армянских источников второй половины XVIII в. прежде всего необходимо отметить «Джамбр» католикоса Симеона Ереванского (Симеон кат'уликос Ереванци 1873)⁵. Симеон Ереванский, видный общественный и культурный деятель 60-х–70-х гг. XVIII в. изложил в этом сборнике содержание большого количества фирманов шахов, султанов, местных ханов, различного рода документов, отражающих хозяйственную жизнь Эчмиадзинского и других армянских монастырей в XVII–XVIII вв. Поэтому сочинение это является ценнейшим источником не только для изучения армянского церковного землевладения, но и для истории городов Армении и Азербайджана, главным образом, конечно, городских владений армянских монастырей. Источник этот тем более ценен, что некоторые документы приводимые в нем, до нас не дошли. Кроме «Джамбра» для истории 60-х–70-х гг. XVIII в. большую ценность

⁴ Тоже французского перевода академика М.И. Броссе во втором томе «Collection d'histoires arméniens» (Davith-Beg 1876).

⁵ В 1958 г. вышел русский перевод этого источника С.С. Малхасянца (Симеон Ереванци 1958).

представляет Дневник католика Симеона Ереванци, опубликованный в собрании «Архива армянской истории» (Симеон кат'уликос 1894; Симеон кат'уликос 1908; Симеон кат'уликос 1913). /с. 16/

Для событий последней четверти XVIII в., в частности ереванского восстания 1779 г., ценны источники мемуарного типа (Артемий Араратский и Оскерджан).

Наконец, ряд данных, не встречающихся в других источниках, главным образом по политической и церковной истории, содержит третий том большой «Истории армян» Микаэла Чамчана, оконченной в 1786 г.⁶

III. Источники на языке фарси⁷

Наряду с армянскими источниками первостепенное значение для истории Закавказья в период позднего средневековья имеют источники, главным образом историко-хроникальные сочинения, на языке фарси (персидском). XVII–XVIII вв. изобилуют историческими летописями. Однако, используя их, приходится учитывать тот факт, что почти все они писались вне территории Азербайджана и Армении, хотя авторы многих из них хорошо знали эти страны, сами бывали в них и были прекрасно осведомлены о событиях своего времени. По своему характеру персоязычные исторические сочинения в большинстве однотипны. Это как правило погодные летописи, излагающие события, в основном военно-политической истории, за время правления какого-либо шаха или целой династии.

Приступая к краткой характеристике источников этого рода, отметим сразу, что специфика изучаемой темы, особенно в тех случаях, когда приходится затрагивать явления, зародив/с. 17/шиеся в более ранний период, требует в ряде случаев привлечения источников более раннего времени, и не только источников XVI в. вроде «Ахсан ат-таварих» Хасана Румлу, «Шереф-наме» Шереф-хана Бидлиси и др., но и источников XIII–XIV вв., таких как «Трактат о финансах» Насир ад-Дина Туси, «Нузхат ал-кулюб» Хамдуллаха Казвини и др.

Из персоязычных источников изучаемого времени на первом месте стоит знаменитая «Тарих-е алам арай-е Аббаси» («Мир-украшающая история Аббаса») Искандер-бека туркемана Мунши (1560–1634 гг.), придворного историографа шахов Аббаса I и Сефи I. Имеются два издания этого огромного труда — старое литографированное издание 1314 г. х. (1896/97 гг.) и новое, переизданное со старого, вышедшее в Тегеране в 1956/57 гг. в двух томах, из которых первый включает весь

⁶ Имеются два издания сочинения М. Чамчана в Венеции, в 1787 и 1811 гг.

⁷ Номер этого раздела в диссертации ошибочно дан как II. — *Примеч. А. А.*

первый и половину второго тома «Тарих-е алем ара», а второй — другую половину второго и весь третий том сочинения Искандера Мунши. Мы пользовались как старым, так и новым изданиями.

Для второй половины XVI и первой трети XVII в. сочинение Искандера Мунши является незаменимым источником. Имеющиеся труды, посвященные времени Аббаса I (1587–1629), основаны почти исключительно на сочинении Искандера Мунши (Bellan 1932; de Rhodes 1956; ‘Абд ал-Қасим 1325/1946, Фалсафй 1335/1956). /с. 18/

Монументальная «Мир-украшающая история Аббаса» неоднократно являлась предметом специального исследования⁸. Последним, лучшим и наиболее годным исследованием этого труда и биографии его автора является статья советского азербайджанского историка Рахмани «Искандер Муншини һаят вә ырычылыгы» («Жизнь и творчество Искандера Мунши») (Рахмани 1957).

В настоящем обзоре мы не будем вдаваться в специальный анализ труда Искандера Мунши в целом, а остановимся лишь на вопросе, что же дает этот источник для исследуемой темы.

Общей особенностью всех персоязычных нарративных источников XVII–XVIII вв. является ограниченность в них сведений социально-экономического порядка. Основное внимание их авторы уделяют военной, дипломатической истории или событиям, происходившим при шахском дворе, смене феодальных правителей и т. д. Поэтому и сведения по городам относятся, главным образом, к городским крепостям и их военно-стратегическому значению. Так, и в труде Искандера Мунши мы находим ряд интереснейших данных о городских крепостях Закавказья, системе их укреплений, стратегической ценности их, главным образом, как оплота против османских вторжений. Например, в «Тарих-е алем ара» имеются ценные описания Ереванской, Шемахинской (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 446–455, 513–515, 457) и ряда других крепостей. /с. 19/

Другая группа сведений, благодаря которым «Тарих-е алем ара» является незаменимым источником по истории городов, — это данные о политике Аббаса I по отношению к городам Азербайджана и Армении в целом, к населению их и отдельным категориям его в частности. Здесь мы находим указание на определенный классовый союз шахской власти и кызылбашской знати с местной городской знатью не только в городах Южного Азербайджана, где он существовал и в XVI в., но с начала XVII в. и в большинстве северной части страны. Наиболее яркое проявление его мы видим в активной просефевиденной ориентации в городах Баку, Дербенте и Нахичеване (Там же. С. 516, 446).

---

⁸ См. библиографию.

Наконец, из данного источника мы получаем и ряд сведений об имущественном положении городского населения, главным образом, городской знати (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 145, 150, 153).

Достоверность сведений Искандера Мунши — факт общепризнанный. Классовая и политическая ориентация этого автора, являвшегося выразителем интересов средней кызылбашской знати, проявлялась, главным образом, в некоторой односторонности изложения, а не в искажении исторических фактов, а современность излагаемым событиям позволяла ему во многих случаях давать живые и подробные описания событий, происходивших на территории Закавказья в первой трети XVII в.

После смерти Аббаса I (1629 г.) Искандер Мунши начал писать историю его преемника Сефи I (1629–1642), но успел довести ее лишь до 1634 г., когда смерть прервала его работу. /с. 20/

Этот неоконченный труд Искандера Мунши издан в Тегеране в 1939 г. в качестве первой части истории Сефи I под названием «Зейл-е тарих-е алем арай-е Аббаси» («Продолжение Тарих-е алем арай-е Аббаси»).

Для настоящей темы этот источник ценен главным образом, во-первых, изложением указа Сефи I об изменении условий закупок шелка и, во-вторых, описанием Казвинского городского восстания 1633 г., в котором активнейшее участие приняли азербайджанские народные массы.

По истории дальнейшего царствования Сефи I известны два труда. Один из них, представляющий собственно шестую часть восьмого тома большого труда историка XVII в. Мухаммед Юсуфа «Хульде барин», издан в качестве продолжения предыдущего источника в тегеранском издании «Зейл-е тарих-е алем ара». Язык этого сочинения резко отличается от языка Искандера Мунши своей вычурностью и сложностью. По истории Закавказья содержит главным образом сведения военно-политического порядка.

Другой труд по истории царствования Сефи I — «Хулясат ас-сийяр» («Экстракт жизнеописаний») Мухаммед Мас'ума, чиновника в городе Гандже, сохранился в одной из рукописи с вышеупомянутым неоконченным трудом Искандера Мунши, принадлежащей ленинградской ГПБ. Для настоящей темы в этом сочинении представляют интерес краткое описание /с. 21/ г. Ганджа (Мухаммад Ма'сум. Л. 1236).

Следующим по времени персоязычным источником является «Аббас-наме» («Аббасова история»), посвященная царствованию Аббаса II (1642–1667), написанная после 1664 г. придворным историографом этого шаха, Мухаммед Тахир Вахидом. Труд этот издан в 1951 г. в городе Арак (Иран). Для периода 1642–1664 гг. труд этот является ценнейшим источником по политической истории Азербайджана и Армении,

а также Грузии и Дагестана⁹. Для нас этот труд важен не только для выяснения общеполитической обстановки этого времени, но во многих случаях помогает уяснению терминологии, сообщает ряд сведений о социально-экономической жизни городов (например, о городских эснафах), а также по городскому управлению.

Ценнейшим источником по административному устройству городов XVII — начала XVIII в. является «Тазкират-оль-мулук» («Памятная записка для царей») — инструкция по управлению Сефевидской державой, составленная неизвестным чиновником по приказу афганского шаха Махмуда около 1725 г.¹⁰. Кроме вопросов, /с. 22/ связанных с городским управлением, «Тазкират-оль-мулук» сообщает немало важных данных о ремесленных организациях в городах. Однако к данным этого источника в ряде случаев следует относиться критически, учитывая то, что этот трактат составлен в качестве официального руководства по сефевидскому управлению, между тем как официальная оценка смысла тех или иных институтов и должностей сильно отличалась иногда от реальной их сущности, ко времени же падения Сефевидской династии такое расхождение стало еще большим. Так, сомнительны данные «Тазкират-оль-мулук» о суммах денежных доходов и количестве воинов с отдельных областей Кызылбашской державы (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 107 [перс. текст]). Сравнение с другими источниками конца XVII — начала XVIII в. (Сансоном, Крусинским, А. Волинским, Беллом и др.) позволяет усомниться в точности этих данных. Точно также и списки доходов отдельных чинов администрации отражают за немногим исключением лишь официально установленные и зарегистрированные в дафтар-хане (канцелярии) суммы и виды их доходов. Тем не менее ценность «Тазкират-оль-мулук» для нашей темы очень велика, особенно если учесть уникальность источника этого рода.

Известный источник мемуарного типа «Тарих-е ахвал-е шейх Мухаммед Хазин» («История жизни шейха Мухаммед Хазина»)¹¹, относящийся к 40-м гг. XVIII в., для истории городов Закавказья дает немного. Автор его, сам выходец из Гиляна, описывает, однако, в основном события, происходившие в Западном и /с. 23/ Восточном Иране. Особенно интересны эти мемуары для изучения ирано-турецких войн 20-х–30-х гг.

⁹ Мухаммед Тахир, например, подробно рассказывает о большом антикызылбашском восстании в Дагестане в 1070 г.х. (1659/60 гг.), которое, насколько нам известно, совершенно не исследовано (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 271–277).

¹⁰ «Тазкират оль-мулук» впервые издан в Лондоне (персидский текст и английский перевод с комментариям) В.Ф. Минорским в 1943 г. Другое издание, перепечатанное с вышеуказанного, вышло в 1954 г. в Тегеране; там же издан персидский перевод комментариев В.Ф. Минорского.

¹¹ Труд этот издан в Лондоне в 1830–1831 гг. в оригинале и с английским переводом (Sheikh Mohammed Ali Hazin 1831).

XVIII в. и борьбы народных масс Западного Ирана и Южного Азербайджана против османских завоевателей (Sheikh Mohammed Ali Hazin 1831. P. 137–140, 153–154 [перс. текст]). Заслуживают интереса и данные Мухаммед Хазина о русской оккупации Прикаспийских областей в 20-х гг. XVIII в. (Ibid. P. 103, 123–124 [перс. текст]).

Знаменитая «Надирова история» («Тарих-е Надири») Мухаммед Мехди-хана, ценнейший источник по политической истории времени Надир-шаха, — для настоящей темы важен описанием восстаний в Закавказье в 40-х гг. XVIII в.

Другая история Надир-шаха — «Тарих-е алем арай-е Надири» («Мирукрошающая история Надира») ¹² Мухаммед Казима, мелкого чиновника надировой администрации. Несравненно более подробная, нежели история Мехди-хана и написанная не в таком панегирическом стиле, как предыдущий источник, история Мухаммед Казима является ценнейшим источником по истории Закавказья 20-х–40-х гг. XVIII в. Кроме данных о политике Надир-шаха по отношению к изучаемым странам, большую ценность для нас имеют сведения об отношении городской знати к Надир-шаху, о разорении Закавказья полчищами этого завоевателя и ряд других. Однако не всем сведениям Мухаммед Казима можно доверять; это особенно касается тех случаев, когда он приводит цифровые данные. Критически следует относиться, кстати сказать, почти /с. 24/ ко всем «статистическим» данным персоязычных источников, ибо очень немногие из них брались из официальных, точных источников.

Из источников второй половины XVIII в. упомянем о хронике Мирза Мухаммед Халила «Маджма-ат-таварих» («Собрание историй»). Автор ее, по матери потомок Сефевидов, изложил события от нашествия афганцев (1722 г.) до 1793 г. Труд этот издан в Тегеране в 1328 г. х. солн. (1950 г.) [и] совершенно, насколько нам известно, не использован советскими востоковедами. Источник — очень важен для политической истории XVIII в., при изучении нашей темы помогает главным образом в уяснении терминологии.

Другой источник XVIII в. «Моджмел-ат-таварих» («Краткая история») Абуль-Хасана Голестане. Труд этот особенно ценен для истории периода со смерти Надир-шаха (1747 г.) и по первые годы правления Керим-хана Зенда. Имеется ряд ценных данных по истории Азербайджана, в частности, относящихся к Фетх-Али-хану кубинско-дербентскому.

Кроме вышеназванных трудов, нами использованы (хотя и в значительно меньшей степени) такие источники XVII–XVIII вв. /с. 25/ как «Сильсияте-ан-насаб-е Сефевийе» («Родословная фамилии Сефе-

---

¹² Единственная рукопись этого труда в трех больших томах находится в рукописном отделе Института востоковедения АН СССР в Ленинграде, № Д-430.

видов») шейха Хусейна Захиди¹³, «Рузнаме» («Дневник») Мирза Мухаммада, калантара Фарса — малоизвестный источник конца XVIII в.¹⁴, «Тарих-е гити-гушай» («История покорителя вселенной») Мухаммед Садыка (Мухаммад Сәдиқ 1317/1899–1900) и некоторые другие.

IV. Западноевропейские источники¹⁵

Свидетельства европейских путешественников имеют очень большое значение именно для изучения городов Закавказья позднего средневековья. В настоящем обзоре мы коснемся лишь важнейших европейских путешественников и миссионеров XVII–XVIII вв.

Кызылбашское государство с самого начала своего существования привлекало к себе внимание европейских держав. Торговые интересы в самом Иране и Закавказье, отчасти также и интересы транзитной торговли с более далекими восточными странами, наконец, общие политические интересы, обусловленные борьбой с экспансией Османской Турции — все это способствовало возникновению и развитию связей между европейскими государствами и Кызылбашским государством.

Побывавшие в Иране уже в XVI в. итальянские путешественники д'Алессандре, анонимный венецианский купец и другие оставили интереснейшие описания, во многом дополняющие слишком односторонние свидетельства восточных летописей. С начала /с. 26/ же XVII в. уже не представители переживавших упадок итальянских республик, а купцы, дипломаты и миссионеры окрепших морских держав Англии, Франции и Голландии являются одним из важнейших источников нашей информации о социально-экономическом положении Кызылбашского государства. Кроме представителей этих трех национальностей, в нашем распоряжении имеются записки немецких путешественников и дипломатов, отчасти испанских и португальских. Рассмотрим вкратце важнейшие из них.

Пьетро делла Валле (1586–1652) — итальянский путешественник, родом из Неаполя, оставивший подробные письма, написанные им разным лицам из Ирана в период с 1617 по 1627 г. Имеется французский перевод 1745 г., тома со второго по пятый которого посвящены Ирану и Закавказью. Наблюдательный очевидец, делла Валле сообщает ряд важнейших сведений не только по политической истории, но и по городскому управлению, по организации шахских мастерских-кархане. Знание местных условий делают сообщения этого автора важным дополнением к свидетельствам других источников.

¹³ Мы пользовались изданием «Iranschähr», Берлин, 1924 г. (Hossein fils de Cheik Abdāl Zāhedī 1924).

¹⁴ Издан в Тегеране в 1946 г. (Мйрзә Мухаммад Калантәр 1946).

¹⁵ Номер этого раздела в диссертации ошибочно дан как III, с исправлением от руки на IV. — *Примеч. А. А.*

Знаменитый Адам Олеарий — секретарь голштинского посольства 1636–1638 гг. в Иран, проезжая вместе с этим посольством через Азербайджан, оставил ценные описания Шемахи, Ардебилля и других городов Закавказья. Очень важно для нас и общее описание Кызылбашского государства в труде Олеария, расширяющее наши знания об организации городской администрации, о природных богатствах страны и других вопросах.

Из описаний французских путешественников XVII в. наиболее ценностью представляют записки купцов Тавернье (40-е–60-е гг. XVII в.)¹⁶ и Шардена¹⁷ (60-е–70-е гг. XVII в.), миссионеров дю Мана (du Mans 1890) (прожившего в Иране 50 лет и умершего в Исфагане в 1696 г.), Шинона (de Chinon 1671) и Сансона¹⁸ (80-е гг. XVII в.). Описания этих авторов можно разделить на две части: 1) общее описание Кызылбашского государства (у дю Мана и Сансона оно составляет почти весь текст записок), 2) конкретное описание пути следования каждого из этих авторов (эта часть наиболее содержательна у Тавернье и Шардена). Обе части представляют большую ценность для настоящей работы, все пять вышеназванных авторов хорошо знали страну и ее условия, знали восточные языки (в частности, все они знали персидский язык, а Сансон знал армянский и турецкий). К тому же именно истории городов эти авторы уделяли значительно больше внимания, нежели, например, персидские хроники. Наконец, в трудах Шардена, дю Мана и других нередко дается сравнительно-иллюстрированный материал; например, сравниваются условия XVII в. в Иране и Закавказье с условиями Западной Европы, и на конкретном материале проводятся параллели или различия между экономической и политической обстановкой в Иране и Европе. /с. 28/

Из других путешественников XVII в. наиболее важными являются описания голландца Я. Стрейса и немца Энгельберга Кемпфера (Стрейс 1935; Kämpfer 1712). У Стрейса, посетившего Закавказье в 70-х гг. XVII в., наибольший интерес представляют описания Дербента, Шемахи и Ардебилля. Э. Кемпфер (1651–1716) был в составе шведского посольства в Иране и Закавказье с 1684 по 1688 гг. Хорошо зная персидский язык и являясь образованным для своего времени человеком, Кемпфер составил на латинском языке подробное и обстоятельное описание Кызылбашского государства. Западноевропейские ориенталисты считают это описание, наряду с описанием Шардена, лучшим европейским источником по истории Ирана XVII в. Однако для нашей темы сведения Кемпфера более

¹⁶ Имеются два старых полных издания (Tavernier 1677; Tavernier 1681). Первый том посвящен Кызылбашскому государству.

¹⁷ Лучшие издания: амстердамское 1735 г. в пяти томах (Chardin 1735) и парижское 1811 г. в десяти томах (Chardin 1810).

¹⁸ Имеется старое издание XVII в. (Sanson 1694).

важны при изучении общих вопросов экономического и политического состояния этой страны, тогда как конкретно по городам Закавказья Кемпфер дает немного. Известное описание Баку в сущности больше говорит о нефтяных источниках этого города, нежели о самом городе.

Для периода упадка Сефевидского государства лучшими европейскими источниками являются описания К. Брюна, Турнефора, Белла и иезуита И.Ф. Крусинского. Все они сами бывали в Закавказье и Иране и являлись очевидцами событий, которые описывали. Описания Брюна и Турнефора относятся к самому началу XVIII в. и рисуют в общем еще почти ту же картину, что и записки авторов конца XVII столетия. Но записки Крусинского, написанные во время афганского нашествия, рисуют обстановку страшного разоре/с. 29/ния страны, продажность и вымогательства центральной и местной администрации, беззастенчивое ограбление податного сословия. Описание Белла, участника русского посольства в Иран в 1717 г., дополняет известный дневник А.П. Волынского.

Истории государства Надир-шаха в Западной Европе уже в первой половине XVIII в. был посвящен ряд сочинений (du Cerceau 1729; du Cerceau 1744; Pithander 1738; Fraser 1742; Claustre 1758 и др.), основанных на многочисленных в то время сообщениях католических миссионеров и купцов. Однако основное внимание авторы этих сочинений уделяли завоевательным походам Надир-шаха и личности этого завоевателя, хотя попутно иногда описывали с состояние городов и торговли в Закавказье и Иране.

Из европейских путешественников первой половины XVIII в. наибольшую ценность представляет четырехтомное сочинение англичанина Дж. Ханвея¹⁹ и описание путешествия из Москвы в Мешхед Томсона (Thomson 1742). Оба эти автора, купцы по профессии, в то же время служили активными проводниками экспансионной политики Англии в Иране и Закавказье в 30-е–40-е гг. XVIII в.

Огромное сочинение Ханвея ценно главным образом своими сведениями о состоянии торговли в Закавказье и южном Прикаспии в 30-е–40-е гг. XVIII в. Кроме того, для нас важно описание Ширвана в 40-е гг. XVIII в., заимствованное Ханвеем из журнала русского посольства 1746 г. /с. 30/

Для конца 40-х — начала 50-х гг. очень ценным является анонимное сочинение, вышедшее во Франкфурте-на-Майне в 1755 г. под названием «Geschichte der Unruhen in Persien und Georgien».

По подробности изложения и количеству приведенных фактов этот источник превосходит все остальные европейские и восточные

---

¹⁹ Имеются английские издания 1753 (Hanway 1753) и 1754 гг. и немецкий перевод 1754 г.

источники этого времени. Особенно ценны данные о разорении Восточной Армении и Азербайджана в результате кровопролитных войн грузинских царей Теймураза II и Ираклия II с азербайджанскими ханами, о состоянии торговли в середине XVIII в. и т. д.

Из европейских описаний Закавказья второй половины XVIII в. наибольшую ценность представляют сочинения М. Биберштейна (von Bieberstein 1798) и французского дипломата Ферьер-Совбефа (Ferrières de Saubeœuf 1790). Описание Биберштейна, как и многие другие сочинения этого времени, не является оригинальным в такой степени как, например, записки путешественников XVII в. Шардена, Сансона и др. или XVIII в. (Ханвея). Многие данные он заимствовал у своих предшественников, например, русского путешественника проф. С.Г. Гмелина. Однако, несмотря на это, труд Биберштейна очень ценен для нас, благодаря наличию в нем ряда сведений, заимствованных им из источников, до нас не дошедших, а также частично лично собранных этим автором на Кавказе. В сочинении Ферьер-Совбефа особенно интересно описание Тебриза и Ардебиля во второй половине XVIII в.

Записки доктора Райнегса, бывшего до 1783 г. русским представителем в Тифлисе, содержат ряд интересных данных по северо-восточному Азербайджану второй половины XVIII в. /с. 31/

В ряде необходимых случаев нами привлекались и записки европейских дипломатов и путешественников начала XIX в. (Мориер, Гардан, Жубер, Друвиль и др.), поскольку хронологические их описания непосредственно примыкают к предыдущим и во многих случаях отражают условия, аналогичные тем, которые существовали в конце XVIII в.

*V. Русские источники*²⁰

Для внутренней социально-экономической истории Азербайджана и Армении XVII в. русские источники имеют сравнительно ограниченное значение. Для исследуемой темы интересны записки купца Ф.А. Котова, посетившего в 1623 г. Закавказье и Иран и оставившего описание городов Дербента, Шемахи и Ардебиля (Котов 1852).

Но уже в первой половине XVIII в., в связи с активизацией русской восточной политики и увеличившимся непосредственным практическим интересом к Закавказью, русские дипломаты и ученые проявляют гораздо больший интерес к землям, лежащим за Главным Кавказским хребтом и особенно к Прикаспийским территориям, к присоединению которых с начала XVIII в. толкали Россию главным образом ее интересы в торговле шелком, основная масса которого производилась в Гиляне и Закавказье. Поэтому уже записки А.П. Волинского (1717 г.)

---

²⁰ Номер этого раздела в диссертации ошибочно дан как IV. — *Примеч. А. А.*

являются обстоятельным описанием, в котором отражены наблюдения этого видного дипломата над политическим и экономическим состоянием страны. Из содержания записок А.П. Волинского ясно видна одна из основных целей его посольства — /с. 32/ выяснение внутренней обстановки в Кзылбашском государстве начала XVIII в.

Поэтому А.П. Волинский подметил то, что выпустил из своего поля зрения другой участник этого же посольства Белл (см. выше), а именно внутренние неурядицы в стране и всю призрачность верховной власти Сефевидов над северными территориями своего государства.

Для истории северо-восточной части Азербайджана 20-х–30-х гг. XVIII в. первостепенное значение имеют описания Ф.И. Соймонова (1763), И. Лерхе (1790) и И.Г. Гербера (1760), в которых отражено положение северо-восточных ханств в сложной политической обстановке этого времени и имеются ценные данные по городам Дербенту, Шемахе, Баку и др.

Лучшим источником для истории северо-восточного Азербайджана 50-х–60-х гг. XVIII в. (не исключая и архивные материалы) остается описание профессора С.Г. Гмелина (1771). Никакие другие источники не дают столько сведений по экономическому положению этой части страны в указанные года. В записках С.Г. Гмелина к тому же имеются подробные описания городов северо-восточного Азербайджана, причем большое внимание в них уделяется экономической роли городов, приводится ряд ценнейших данных о городском ремесле, внутренней торговле и, наконец, о политике местных ханов (особенно Фетх-али-хана кубинского-дербентского) по отношению к городам Ширвана. /с. 33/

Для характеристики общего политического положения в Азербайджане и Армении и особенно военного потенциала ханств в 80-х гг. XVIII в. первостепенное значение имеет краткое описание русского военного представителя при дворе Ираклия II полковника Бурнашева (1793).

Для истории городов восточного Закавказья XVIII — начала XIX в. важны описания П. Зубова (1834–1835), С. Броневского (1823), В.С. Легкобытова (1832–1836) и ряда других, а также опубликованные в приложении к недавно вышедшей книге Г.Б. Абдуллаева выдержки из описания Азербайджана 1796 г., находящегося в ЦГВИА (1958. С. 191–200).

Кроме того, нами был привлечен и ряд других трудов первой половины XIX в., которые благодаря своей близости к изучаемому времени содержат немало сведений, отсутствующих в источниках XVIII в., и потому сами являются в настоящее время скорее источниками, нежели монографическими исследованиями²¹.

---

²¹ Имеются в виду сочинения П.Г. Буткова, И. Шопена и др. (см. библиографию).

*VI. Турецкие источники*²²

Из турецких источников в настоящей работе использована «Книга путешествий» турецкого дипломата и путешественника XVII в. Эвлия Челеби. Имеется старое стамбульское издание этого сочинения, вышедшее с 1314 г. х. (1896/97 гг.) до конца /с. 34/ 30-х гг. XX в. В 1944–1949 гг. в Стамбуле вышло новое сокращенное издание «Книги путешествий», однако за исключением описаний Урмии и Ардебиля в IV томе, все прочие разделы, относящиеся к Азербайджану и Восточной Армении, в этом издании выпущены. Поэтому мы пользовались т. 2 старого издания «Дар ас-саадат» (Стамбул), 1314 г. х. и т. 4 нового издания 1944–1949 гг. Описание Эвлия Челеби имеет исключительную ценность для истории Азербайджана и Армении XVII в. В сущности это единственное современное географическое описание, подобного которому нет ни по XVI, ни по XVIII в. К тому же до настоящего времени оно не использовано, насколько известно, ни одним историком Закавказья для периода XVII в. У Эвлия Челеби имеются краткие, но содержательные описания почти всех городов, существовавших в Азербайджане и Армении в XVII в. Конечно, цифры, приводимые в его книге, не являются точными, а представляют приблизительную оценку количества домов того или иного города, число тех или иных строений (мечетей, бань и т. п.), количество лавок и т. д. Однако уже и подобного рода данные имеют исключительную важность, поскольку до самого конца XVIII в. в нашем распоряжении почти нет такого рода данных других источников.

*VII. Грузинские источники*²³

В грузинской летописи «Картлис цховреба» («Жизнь Картли») имеется немало не только отдельных сведений, но и целых экскурсов в историю соседних областей Армении и Азербайджана. Особенно же незаменимыми становятся для исследователя истории армянского и азербайджанского народов грузинские летописи, повествующие о событиях начиная с 40-х гг. XVIII в. С этого времени объединенное Картло-Кахетинское царство постепенно подчиняет себе в борьбе с азербайджанскими ханами западный Азербайджан и Восточную Армению (Ереванское ханство), а в начале 50-х гг. делает попытку захватить южный Азербайджан, где грузинские цари имели поддержку, например, со стороны городской знати и купечества. Поэтому современные грузинские хронисты немало внимания уделяли истории и этих частей Закавказья, а ввиду того, что азербайджанских хроник XVIII в. в нашем

²² Номер этого раздела в диссертации ошибочно дан как V. — *Примеч. А. А.*

²³ Номер этого раздела в диссертации ошибочно дан как VI. — *Примеч. А. А.*

распоряжении нет, то грузинские летописи наравне с армянскими источниками становятся нашими основными источниками и по истории Азербайджана. Немало ценного материала дают эти летописи и для истории классовой борьбы в Азербайджане и Армении XVIII в.

*VIII. Азербайджанские источники*²⁴

Как уже отмечалось выше, в нашем распоряжении нет ни одного источника XVII–XVIII вв., написанного на азербайджанском языке. Лишь в XIX в. в северном Азербайджане появились первые историки, писавшие на родном языке. Но и крупнейший азербайджанский историк первой половины XIX в. Аббас-кули Бакиханов (1794–1846) свое историческое сочинение по истории северного Азербайджана «Гюлистан-ирам» написал на персидском языке (Мирза-Адигезаль-бек 1950. С. 77). А. Бакиханов /с. 36/ был образованнейшим человеком своего времени, хорошо знал не только восточные (персидский, арабский, турецкий и армянский), но и русский и французский языки. Его труд основан на большом количестве первоисточников, а для второй половины XVIII в. приводятся данные, взятые из рассказов современников и очевидцев, с которыми Бакиханов мог общаться. Поэтому труд Бакиханова сохраняет значение источника для второй половины XVIII в.

Из азербайджанских исторических хроник XIX в. нами использована «Карабах-наме» Адигезаль-бека, история Карабаха XVIII — начала XIX в., составленная по поручению русских властей на Кавказе. Автор придерживается в основном русской ориентации, но не свободен, например, и от идеализации Ага-Мохаммед-шаха каджара и Аббас-мирзы, сына Фетх-али-шаха. /с. 37/

ГЛАВА I. АЗЕРБАЙДЖАН И ВОСТОЧНАЯ АРМЕНИЯ В СОСТАВЕ КЫЗЫЛБАШСКОГО ГОСУДАРСТВА

§ 1. Постановка вопроса и состояние проблемы

История Азербайджана и Армении XVII–XVIII вв. до сих пор изучена недостаточно и неравномерно. Некоторые проблемы почти совершенно не затронуты исследователями, тогда как толкование других может вызывать при изучении источников ряд критических замечаний.

Можно сказать, совершенно не изучено состояние производительных сил в этот период. Объясняется это, в первую очередь, недостатком источников. К тому же данный вопрос следует изучать с привлечением

²⁴ Номер этого раздела в диссертации ошибочно дан как VII. — *Примеч. А. А.*

археологических и вообще материальных данных, тогда как для средневекового Востока эта проблема почти не ставилась.

Наиболее изучены, главным образом, в работах советских историков (И.П. Петрушевского, А.Д. Папазяна, П.Т. Арутюняна, С. Погосяна и др.) феодальные производственные отношения. Вышеназванные ученые проделали большую работу по систематизации и изучению скудных и разобщенных источников, хроникальных и документальных, и на основании их поставили этот вопрос на научную почву. Впервые И.П. Петрушевский в своей работе «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в.» на базе, главным образом, персидских исторических сочинений XVI–XVIII вв. и отчасти с привлечением документальных источников дал характеристику земельных отношений и нало/с. 38/товой системы в Кызылбашском государстве. Недостатком монографии И.П. Петрушевского является то, что он слабо привлек документальный, опубликованный и архивный материал, а также почти не использовал армянских первоисточников (за исключением переведенных академиком М.И. Броссе). Так, из его поля зрения выпала целая серия фирманов XVIII в., опубликованных в сочинении Надир-Мирзы, почти совершенно не использованы богатейшие фонды Матенадарана, не использованы И.П. Петрушевским «Дневник» Захарии Акулеци и «Джамбр» Симеона Ереванци. Советский армянский историк А.Д. Папазян впервые при исследовании коренных вопросов истории Закавказья широко привлек как армянские, так и персидские и западноевропейские материалы, причем значительная часть источников почерпнута им из архива Ереванского Матенадарана, что делает его исследование особенно ценным (Папазян 1954а; Папазян 1954б). На основании большого количества новых документов и критического сравнения их с ранее известными источниками А.Д. Папазян дал более аргументированное и конкретное толкование рода проблем, связанных с феодальными отношениями в Закавказье XVII в. Несмотря на то, что формально его исследование касается лишь Ереванского и Нахичеванского ханств, и отчасти Карабаха, следует отметить, что огромное значение оно имеет и для изучения экономики других районов Азербайджана, тем более, если учесть, что материалы такого рода по другим областям Азербайджана имеются в гораздо меньшем числе, а в целом феодальные отношения в Азербайджане /с. 39/ и Восточной Армении в XVII–XVIII вв. были однотипны, несмотря на отдельные частные расхождения.

В последнее время феодальные отношения в Ирана и Закавказье получили отражение и в западноевропейской историографии. В частности, крупнейший востоковед В.Ф. Минорский в своем предисловии к изданию текста и переводу «Газкират-оль-мулук» (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 5–40), затронул вопросы о сущности ряда феодальных

институтов (тиуля, союргаля, вакфа и др.), а также об экономической политике Сефевидов в XVI — начале XVIII в.

Вопросы социально-экономической и политической истории Закавказья 30-х—40-х гг. XVIII в. нашли отражение в недавно вышедшей монографии М.Р. Аруновой и К.З. Ашрафян (1958). В этой книге наиболее ценными являются разделы, характеризующие налоговую политику Надир-шаха и народные восстания в его государстве (гл. III, V и VI). Недостатком монографии является недостаточное привлечение документальных материалов (в первую очередь, из фондов Матенадарана, а также опубликованных Надир-Мирзой, А.К. Лэмбтоном и др.)²⁵.

Недавно в Англии вышла в свет большая монография известного востоковеда А. Лэмбтона (Lambton 1953), в которой значительный интерес /с. 40/ представляют ряд новых документов по Азербайджану, а также и некоторые положения данного автора, хотя в целом для Лэмбтона характерно изучение, главным образом, юридическо-официальной стороны вопроса о сущности земельных и иных отношений между господствующим классом и крестьянами.

Политическая история Азербайджана и Восточной Армении в XVII в. за исключением Ереванского ханства, обзор истории которого имеется в той же работе А.Д. Папазяна (1954а. Гл. I), также, слабо исследована. По XVIII в. лучшей работой продолжает оставаться книга В.Н. Левиатова (1948).

Особо остановимся на недавно вышедшей монографии Г.Б. Абдуллаева (1958).

Автор ее, на основании большого числа материалов, главным образом, архивных, попытался дать очерк истории северо-восточного Азербайджана и взаимоотношений Кубинского ханства с Россией в XVIII в. Однако Г.Б. Абдуллаев совершенно не использовал армянские, грузинские, персидские и — за исключением сочинения М. Биберштейна — западноевропейские источники, а архивные и опубликованные русские материалы использованы неравномерно и явно тенденциозно. В результате, налицо чрезмерная идеализация личности Фетх-али-хана кубинско-дербентского и вообще роли кубинского ханства в истории Азербайджана. В своей монографии Г.Б. Абдуллаев практически оторвал историю северо-вос/с. 41/точного Азербайджана от прочих азербайджанских ханств XVIII в. Это явилось закономерным следствием игнорирования Г.Б. Абдуллаевым значительной части ценнейших местных первоисточников, современных излагаемым им событиям.

Прежде всего это относится к источникам на персидском языке, совершенно не использованных Г.Б. Абдуллаевым, хотя персидский язык

---

²⁵ См. обзор источников.

в XVIII в. являлся государственным языком в ханствах Азербайджана. Так, первая глава работы Г.Б. Абдуллаева (Там же. С. 9–36) посвящена обзору социально-экономического и политического состояния всего Азербайджана (и северного и южного) в первой половине XVIII в., и всю массу вопросов, связанных с этой сложной и малоисследованной проблемой, Г.Б. Абдуллаев пытается разрешить, не используя ни одного первоисточника на персидском языке. Между тем общепризнанно, что ценнейшим источником по социально-экономической истории Азербайджана этого периода является трехтомное сочинение Мухаммед Казима «Тарих-е алем арай-е Надири», а политическую историю этого времени невозможно изучать без «Тарих-е Надири» Мехди-хана. Можно насчитать всего около десятка персоязычных сочинений XVIII в., которые могли бы во многих случаях заменить или дополнить авторов XIX в. используемых Г.Б. Абдуллаевым в гл. I его работы.

Для темы Г.Б. Абдуллаева незаменимым источником могла бы явиться дипломатическая переписка ереванского Хусейн-али-хана. К тому же, в архиве Матенадарана хранится огромное количество документов и по истории других ханств Закавказья XVIII в., также не использованных Г.Б. Абдуллаевым. /с. 42/

Основной вопрос монографии Г.Б. Абдуллаева — показать объединительную роль Кубинского ханства и, в особенности, роль его главы Фетх-али-хана (1758–1789). В 60-х–80-х гг. XVIII в. северо-восточный Азербайджан (ханства Кубинское, Бакинское, Шемахинское и Джавадское), а также часть нынешнего Дагестана (город Дербент с окрестными округами) были временно объединены вокруг Кубинского ханства. После смерти Фетх-али-хана (1789 г.) это объединение немедленно распалось. В книге Г.Б. Абдуллаева подробно повествуется как происходило это объединение, с кем боролся Фетх-али-хан, какие феодальные владетели ему помогали и какие оказывали сопротивление. Несомненно, в первую очередь должен возникнуть вопрос, что это было за объединение, какие объективные экономические причины способствовали или препятствовали ему, какие социальные силы его поддерживали и вообще, существовала ли объективная возможность объединения Азербайджана в этот период. У Г.Б. Абдуллаева в сущности отсутствует обоснованная и подкрепленная первоисточниками характеристика социально-экономического положения Азербайджана к середине XVIII в., т. е. к моменту начала деятельности кубинского хана. Правда, в гл. I имеется раздел (Там же. С. 18–29), по мысли автора очевидно претендующий на эту роль, но ни источники, на которых он основан, составляющие часть всех возможных, ни тем более содержание его не отвечают поставленной цели. Все изложение этого важнейшего вопроса сведено к повторению давно известных положений о видах податей, категориях земельной

собственности, организации управления и др. Не показано главное — чем же собственно отличались условия второй поло/с. 43/вины XVIII в. от предшествующей половины столетия. Если они ничем существенным не отличались, что и следует из этого раздела книги, то значит не было и условий для объединения страны. Ведь и по словам Г.Б. Абдуллаева «Образование азербайджанских ханств в XVIII в. не было случайным, а явилось следствием дальнейшего развития феодальных отношений, завершением ранее начавшегося феодального дробления страны» (Там же. С. 12). В книге Г.Б. Абдуллаева много говорится о сочувствии различных слоев населения объединению страны. Этого хотели, по его мнению, и крестьяне, и ремесленники и мелкие феодалы — тиульдары и служилые феодалы, и купечество — заметим кстати, что во-первых, тиульдары — не мелкие феодалы, а скорее средние и крупные, и, во-вторых, именно тиульдары и являлись служилыми феодалами (Там же. С. 30). Против объединения выступали лишь реакционное духовенство и ряд местных феодалов, не всегда понятно каких. И вообще, на этот важнейший вопрос Г.Б. Абдуллаев дает довольно противоречивые ответы. В одном месте он говорит о стремлении к объединению вышеуказанных слоев населения (Там же. С. 30), в другом — в таком же духе говорится о бесформенном большинстве населения Ширвана (Там же. С. 53), а в конце монографии речь идет уже о «недостаточной поддержке объединения торгово-ремесленными слоями», об «известном равнодушии крестьян» (Там же. С. 145) к политике Фетх-али-хана и прямо говорится о непроч/с. 44/ности объединения (Там же. С. 143).

Таким образом, не ясна социальная опора Фетх-али-хана. Что касается крестьян, ремесленников и торговцев, то, без сомнения, все они желали прекращения междоусобных войн, урегулирования торговли и т. д. Но кроме их желания, которое было у них и раньше, надо учитывать — и это прежде всего — объективную возможность его осуществления, а ее-то Г.Б. Абдуллаев совершенно не исследует. Вполне понятно стремление торгово-ремесленных слоев Тебриза, Ганджи и др. к объединению и установлению сильной власти. Жители Тебриза в начале 40-х гг. XVIII в. обращались к грузинскому царю Ираклию II с просьбой избавить их от насилий афганских наемников Азад-хана (Geschichte 1755. S. 87), а на 150 лет раньше оказали активную поддержку Аббасу I (Искандар-бийк туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 639). И таких примеров можно привести много, между тем далеко не достаточно для доказательства объективной возможности объединения привести несколько фактов о стремлении жителей тех или иных городов призвать того или иного хана. А к этому в сущности и сводятся доказательства Г.Б. Абдуллаева, приводящего отрывочные, практически необъясненные факты по ряду городов не только Азербайджана, но и Армении и Ирана (Гилян) (Абдуллаев 1958. С. 59–60).

В связи с этим возникает и другой вопрос. Если даже предположить, что во второй половине XVIII в. существовали какие-то /с. 45/ условия для объединения Азербайджана, то какие же условия обеспечили руководящую роль кубинского ханства? Ведь центром объединения Фетх-али-хана были северо-восточные округа Азербайджана и прилегающие районы Дагестана с этнически смешанным населением. Наиболее развитыми экономически областями Азербайджана являлись Тебриз на юге и Шемаха на севере. Эти же области являлись центральными районами этнического расселения азербайджанского народа. Поэтому уже тот факт, что попытка объединения в данном случае исходила из областей менее экономически развитых говорит в пользу того, что это объединение было непрочным. Мы говорим «в данном случае», ибо во второй половине XVIII в. это была вовсе не единственная попытка. Еще в самом начале 50-х гг. XVIII в. к этому стремился известный Панах-хан карабахский, который столкнулся (главным образом из-за города Ганджи) с Грузией, также претендовавшей на ряд областей Азербайджана и Армении, и в союзе с ханами ереванским, шекинским, ширванским и ганджийским нанесшей поражение Панах-хану (Brosset 1857). Вслед за этим такую же попытку, столь же безуспешную, предпринял Азад-хан афган, правитель южного Азербайджана (Ibid. P. 153–165; Абу-л-Хасан Гулистанӣ 1359/1941. С. 157–160). Наконец, уже в 80-е гг. XVIII в., одновременно с Фетх-али-ханом кубинским на юге Азербайджана усилился Ахмед-хан хойский, в 1786 г. захвативший крупнейший город Азербайджана Тебриз, кстати сказать, опять же с помощью части населения. Ахмед-хан был, по свидетельству современников, сильнейшим, включая и кубинского хана, феодалом Азербайджана (Бурнашев 1793. С. 25). /с. 46/

История южного Азербайджана этого времени изучена еще менее северного, но утверждение Г.Б. Абдуллаева о том, что Ахмед-хан являлся агентом Турции (1958. С. 129, 132) необоснованно и требует большей аргументации. Вполне понятно, что Хойскому ханству, расположенному на турецкой границе, было несравненно труднее существовать, нежели кубинскому. Однако имеются документы, показывающие, что и Ахмед-хан был вовсе не предателем своей страны, каким его пытается изобразить Г.Б. Абдуллаев. Так, в одном документе, представляющем собой рапорт светлейшего князя Потемкина Екатерине II от 6.IV.1784 г. пишется: «Что же касается о Хойском хане, для сего испрашиваю Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления, чтобы его, как знатнейшего и можно сказать кротчайшего из магометанских ханов в правлении, принять в покровительство. Он не принадлежит турецкому султану (подчеркнуто мною. — А. Н.)» (Грамоты и другие исторические документы 1902. С. 43). Между прочим, для всей работы Г.Б. Абдуллаева характерно такое деление всех азербайджанских деятелей того

времени на прогрессивных, в число которых входят только сторонники Фетх-али-хана, и реакционных, в густые ряды которых попадают все противники кубинского хана.

Но если и отвлечься от всех этих фактов и исходить только из того положения, что объединение Фетх-али-хана, пусть не прочное и не долговечное, все же существовало, то надо остановиться на вопросе о роли этого объединения в истории азербай/с. 47/джанского народа. Конкретного и ясного ответа на этот вопрос в работе Г.Б. Абдуллаева мы не находим. Более того, именно в этом случае мы встречаемся с замалчиванием интереснейших и важнейших данных первоисточников. А между тем источники довольно недвусмысленно говорят о том, что в объединении Фетх-али-хана не все земли находились в одинаковом положении, и более того — в худшем положении находились основные азербайджанские области. В привилегированном положении находилась основная территория Фетх-али-хана — Куба и Дербент. Хуже было положение Бакинского ханства, жители которого были обложены огромными налогами, от которых особенно страдало армянское население города Баку (т. е. значительная часть торговцев и ремесленников) (Гмелин 1771. С. 84). Но особенно показателен город Шемаха, древний экономический и политический центр Ширвана. Г.Б. Абдуллаев много и подробно останавливается на истории военного завоевания Фетх-али-ханом Шемахи, подробно рассказывает, как вели себя при этом ханы шемахинский, шекинский и др., но в сущности совершенно не останавливается на вопросе, что же принесло этому городу включение его в состав кубинского ханства, хотя и признает, что подати в Шемахе были велики (Абдуллаев 1958. С. 55). А между тем проф. С.Г. Гмелин, столь часто цитируемый с полным доверием Г.Б. Абдуллаевым в других случаях, прямо пишет об упадке Шемахи под властью Кубинского ханства. С.Г. Гмелин посетил Шемаху вскоре после присоединения ее к Кубе и прямо указывал, что Фетх-али-хан рассматривает ее как завоеванную провинцию (Гмелин 1771. С. 97), и далее на примерах пояснял, что он под этим подразумевает. Оказывается, что Шемаха сумела отправиться даже от варварского разрушения Надир-шахом, и в этом городе в 50-х гг. XVIII в. вновь возродилось прославленное шелковое производство. В Шемаху стали приезжать ремесленники даже из Тебриза. Фетх-али-хан же по взятию города по методу Аббаса I и Надир-шаха выселил из города крупных кушцов-оптовиков (хаджи), а заодно и всех остальных жителей «к коим только малейшую имел неуверенность», что же касается шелкового производства Шемахи, «то как скоро Фетх-али-хан взял город... фабрики находятся в весьма бедном состоянии. Хотя материи в старой теперь Шемахе приготавливаемые суть те же самые какие делались на прежних фабриках... Однако новые

на старые добротой нимало не походят». Этот упадок объясняется в частности бегством ремесленников в Тебриз (Там же. С. 101–102).

Недовольна была кубинскими властями и социальная верхушка бывшего шемахинского ханства в лице части беков, сторонников старой династии и крупного купечества, подвергавшегося репрессиям со стороны Фетх-али-хана кубинского и его наместников (Там же. С. 96–97). В 1769 г. в Шемахе начались волнения податного населения. Одновременно оппозиционно настроенные к Фетх-али-хану беки и купцы также выступили против него. События эти подробно освещены в монографии Г.Б. Абдуллаева (1958. С. 52–55). Однако, они /с. 49/ рассматриваются совершенно изолированно друг от друга. Об участии народных масс в восстании 1769 г. говорится особо и кратко. Зато много внимания уделено «феодальному заговору» 1769 г., который по тем же источникам и есть вышеупомянутое «народное возмущение» и явился восстанием, в котором приняли участие и народные массы, выступившие против добавочного налогового обложения в пользу кубинского хана, так и верхи шемахинского общества, выступившие с сепаратистскими целями отделения от Кубы Шемахи и восстановления старой династии. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует и приложенное самим Г.Б. Абдуллаевым к книге донесение русского консула в Сальянах (Там же. С. 163). Не случайно поэтому, что когда в 1774 г. объединившиеся против Фетх-али-хана азербайджанские ханы подошли к Шемахе, то жители города без сопротивления сдали им город (АВПР, перс. фонд, д. 17 (1767–1774 гг.). Л. 284–285).

Противоречивое же толкование восстания 1769 г. является следствием самой концепции Г.Б. Абдуллаева, согласно которой, всякие движения против Фетх-али-хана кубинского объявляются практически без их социального и классового анализа «феодальными заговорами» и реакционными в корне.

Разделы о русско-кубинских отношениях — лучшая часть монографии Г.Б. Абдуллаева.

Источники дают основание утверждать, что из всех азербайджанских ханств, наиболее последовательно придерживалось русской ориентации во второй половине XVIII в. именно Кубинско-Дербент/с. 50/ское ханство. Правильно указывается на истинные цели, которые преследовали при этом царское правительство и кубинский хан. Справедливо подчеркивается колонизаторская цель политики правительства Екатерины II (Абдуллаев 1958. С. 80) и стремление Фетх-али-хана кубинского использовать русскую помощь для присоединения соседних ханств (Там же. С. 83). Отсюда в русско-кубинских отношениях имели место трения и взаимное недоверие, что не всегда подчеркивается Г.В. Абдуллаевым, а любопытные высказывания русского военного представителя в

Закавказье в 80-х гг. XVIII в. С.Д. Бурнашева (1793. С. 5–7), связанные с этими же вопросами, равно как и характеристика Фетх-али-хана П.Г. Бутковым (1869. С. 276), Г.Б. Абдуллаевым обходятся.

К вопросу о русской ориентации кубинского ханства примыкает и вопрос об отношениях Фетх-али-хана с правителем Ирана Керим-ханом зендом. И если независимость Кубинского ханства от Керим-хана в первую половину 80-х гг. XVIII в. не вызывает сомнения, то по более позднему периоду имеются данные, говорящие в пользу того, что Фетх-али-хан признавал, хотя бы и номинально, верховную власть векиля Керим-хана (Абӯ-л-Ҳасан Гулистанӣ 1359/1941. С. 268; Броневский 1823. С. 379). Любопытно в этом /с. 51/ отношении, частично использованное Г.Б. Абдуллаевым письмо Екатерины II от 30 октября 1775 г. к генералу де Медему. Из этого письма видно, во-первых, что русское правительство считало Фетх-али-хана подвластным Ирану и, во-вторых, опасалось, что при благоприятных условиях Фетх-али-хан сам укрепитя в Иране, тогда как по словам Екатерины II, «для интересов нашей империи всегда прочнее и выгоднее быть имеет, когда сия держава (Иран. — *А. Н.*), бывшая напредь сего знатная и сильная, останется и впредь в нынешнем своем состоянии безо всякой верховной власти законной и в независимости частных начальников одного от другого» (АВПР, перс. фонд, д. 470. Л. 132. Письмо написано в связи с распротранившимися неверными слухами о смерти Керим-хана).

Наконец, последний вопрос, на котором мы остановимся — это вопрос о роли самого Фетх-али-хана в истории Азербайджана и о месте его объединения в системе феодальных ханств второй половины XVIII в. Несомненно, что Фетх-али-хан был незаурядной личностью, обладал способностью трезвого учета обстановки, был хорошим полководцем.

Именно это и привлекло к нему внимание азербайджанских историков XIX в. (Аббас-кули Бахиканова, Искандера Ганджийского). Тем не менее, по нашему мнению, Г.Б. Абдуллаев значительно преувеличил его роль в истории Азербайджана. Любопытно, что не только персидские историки второй половины XVIII в., за исключением Абуль Хасана Голестане (Абӯ-л-Ҳасан Гулистанӣ 1359/1941. С. 160–163, 268–270), /с. 52/ даже и не упоминают о Фетх-али-хане²⁶, но и в обширной переписке католикоса армян Симеона ереванского (1763–1780) о Фетх-али-хане говорится всего два раза (Архив армянской истории 1908. С. 175–176, 185), в переписке же католикоса Гукаса (1780–1800) о Фетх-али-хане вообще не упоминается ни разу, тогда как о других азербайджанских ханах

²⁶ Иранский историк XIX в. Лесан-оль-мольк в своей «Тарих-е каджарийе» (Лисан ал-мулк 1273/1857) в подробнейшем разделе о Ага-Мухаммеде каджаре ничего не говорит о Фетх-али-хане кубинском.

(Хойском, Карабахском, Нахичеванском и т. д.) говорится неоднократно. Объясняется это, очевидно, не только тем, что Дербент и Куба были расположены дальше от Эчмиадзина, нежели Ганджа и Нахичеван — в переписке католиков часто упоминается и Кизляр, и Астрахань, и Москва и Калькутта. Очевидно, Фетх-али-хан все-таки не играл такой роли в политической жизни Закавказья, какую ему приписывает Г.Б. Абдуллаев, использовавший в основном русские источники и азербайджанские исторические сочинения XIX в., в которых главное внимание уделено именно северо-восточной части Азербайджана и Дагестану. Русские же источники XVIII в. уделяют значительное внимание Фетх-али-хану, потому что, во-первых, его владения были расположены ближе всего к русской границе и, во-вторых, он контролировал такие важные для русской торговли пункты, как Дербент, Баку, Шемаха. Любопытно, что даже в азербайджанских хрониках XIX в., посвященных Карабаху и Шеки, т. е. районам, пограничным кубинскому ханству, о Фетх-али-хане либо вообще не упоминается (Абдул-Латиф-эфенди 1926), либо ему уделяется мало внимания (Мирза-Адигезаль-бек 1950). /с. 53/

Точно также очевидно преувеличение роли Кубинского ханства в грузинско-азербайджанских отношениях этого времени. Грузинские хроники также немного говорят о Фетх-али-хане, тогда как по всем остальным азербайджанским ханствам (Ганджийскому, Шекинскому, Карабахскому, Шемахинскому и др.) в них приводится значительный материал.

В связи с вышесказанным можно сказать, что несмотря на то, что книга Г.Б. Абдуллаева представляет в целом полезный вклад в изучение истории азербайджанского народа, тем не менее ей присущ ряд существенных недостатков, связанных с чрезмерным преувеличением роли личности в истории и недостаточным вниманием автора ее к объективным социально-экономическим процессам, происходившим в недрах азербайджанского общества в XVIII в.

Из работ зарубежных историков, уделяющих значительное внимание политической истории Азербайджана и Восточной Армении, следует упомянуть две монографии Л. Локкарта (Lockhart 1938; 1958). В них приведен большой и тщательно собранный материал из различных неопубликованных и опубликованных источников, в том числе и из тех, которые недоступны нашим исследователям. Именно это и составляет одно из важнейших достоинств работ Локкарта. Вместе с тем Локкарту свойственен идеалистический подход к исследованию исторических явлений, идеализация отдельных личностей /с. 54/ в истории в ущерб исследованию закономерностей экономической и общественно-политической жизни общества.

Настоящая глава на ставит цель полного и специального исследования всех затронутых в ней проблем. Разделы, связанные с характери-

стикой феодальных отношений и форм земельной собственности, являются, в основном, изложением выводов работ И.П. Петрушевского, А.Д. Папазяна и других историков. В связи с этим, они занимают не большое, сравнительно с их значением, место. В то же время основная часть главы посвящена выяснению сущности Кызылбашского государства XVI — первой половины XVIII в., в состав которого входили Азербайджан и Восточная Армения (поскольку наша точка зрения в этом вопросе расходится со многими существующими мнениями в нашей и зарубежной исторической науке), а также положению Азербайджана и Восточной Армении в составе вышеупомянутого государственного образования и полунезависимым ханствам второй половины XVIII в. Особое внимание уделяется истории классовой борьбы в рассматриваемый период, в том числе и городским восстаниям XVII–XVIII вв., характеристика которых, как уже указывалось во вводной части, перенесена в настоящую главу.

§2. Природные богатства и занятия населения

Азербайджан и Армения по своим природным богатствам занимают одно из первых мест среди стран Ближнего Востока.

И в XVII–XVIII вв. основной отраслью экономики Восточного Закавказья оставалось сельское хозяйство.

Из сельскохозяйственных культур наибольшее значение имели пшеница, ячмень, рис, а также хлопок и шелк. Все эти культуры /с. 55/ разводились в Закавказье с древних времен; в течение предыдущих же столетий сложилась и специализация этих культур по отдельным районам (Али-заде 1956. Гл. I).

О специализации отдельных районов на разведении, определенных культур говорят многие источники XVII–XVIII вв. Так, округ Нахичевана славился лучшими сортами хлопка (всего 7 сортов), зерновыми культурами (غله), в частности, пшеницей (حنطه) (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 236). В районе Тебриза в XVII в. процветало шелководство и виноградарство (Там же. С. 254), округ города Хоя славился рисом, хлопком, виноградниками (Там же. С. 277), район Чорса лучшими хлебами во всем Азербайджане (Там же. С. 278), область Ганджи — хлопком, рисом и шелком (Там же. С. 287); Ширван, как известно, являлся вторым районом по производству шелка в Кызылбашском государстве (Олеарий 1870. С. 791). Округ Ордубада в XVII в. славился на весь восток своими гранатами (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 532), район Астапата (Нахичеванский край) — мареной, вывозившейся в Индию (Tavernier 1681. P. 43–44) и т. д. Подобные же данные можно привести и по XVIII в. /с. 56/

Большое значение почти во всех областях имело скотоводство. Лишь в отдельных районах не было кочевого населения²⁷.

О степени развития скотоводства в Закавказье можно судить по целому ряду данных. Так хронист XVII в. Мухаммед Масум писал, что в Карабахе было до 100 000 стад баранов (Мухаммад Ма'сум. Л. 125а). В XVIII в., по свидетельству грузинских хроник, из того же Карабаха грузины в 1750 г. угнали 200 000 голов овец (Brosset 1857. P. 153). В 1779 г. Ираклий II грузинский угнал из Ереванской области до 100 000 голов скота (см.: Хронику Арутюна Халифы в «Архиве армянской истории» — Йарут'ин Халифайеан жаманакагир 1912. С. 145–146).

На реке Куре, а также в Армении на озере Севан население занималось рыболовством (Гмелин 1771. С. 114–118; Chardin 1811. P. 16).

Судя по данным источников в XVII–XVIII вв., система обработки земли оставалась та же, что и в более ранний период. В целом, нам кажется, и на этот период могут быть перенесены данные о производительности труда крестьянина, приведенные А. Али-Заде для Азербайджана XIII–XIV вв. (Али-заде 1956. С. 29–33); во всяком случае, состояние источников не позволяет говорить в настоящее время конкретно об изменениях в этой области. В некоторых местностях применял/с. 57/лишь удобрения, чаще всего навоз (Chardin 1735. Т. I. P. 101), в ряде же районов (например, в северо-восточных округах Азербайджана) землю даже не уваживали, а лишь сжигали на полях солому (Гмелин 1771. С. 35).

В большинстве районов страны огромную роль играло искусственное орошение, наземное (арыки) и подземное (кяризы) (об искусственном орошении в Азербайджане с описанием кяризов см.: Али-Заде 1956. С. 40–46).

Недра Закавказья богаты различными полезными ископаемыми, что сделало его еще в глубокой древности одним из центров металлургии. В рассматриваемую эпоху добыча полезных ископаемых велась в ограниченных размерах. Попытка правительства Аббаса I (1587–1628) увеличить разработку полезных ископаемых (Chardin 1811. P. 352) в конечном итоге успеха не имела и в XVII–XVIII вв. Наиболее нужные металлы ввозились из Индии, России, отчасти Западной Европы (см. гл. 2. С.)²⁸. Существовали небольшие разработки полукустарного типа повсеместно в Азербайджане (южном и на границе с Дагестаном) и в горах Армении. Однако они обслуживали, главным образом, местные нужды.

Гораздо большее значение имела добыча нефти в районе Баку. О добыче нефти в этом районе свидетельствуют еще арабские и персидские географы раннего средневековья (Караулов 1901. С. 25; Hudūd al-'Ālam 1937. P. 145). В середине XVII в. /с. 58/ бакинская нефть приносила

²⁷ Например, в Ордубадском (Провинция Нахичеванская 1831. С. 71).

²⁸ Пропущено. — *Примеч. А. А.*

шахской казне в год до 7 000 туманов дохода (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 303). Различалось до восьми сортов нефти в зависимости от оттенков цвета. Нефть частично потреблялась на месте, но значительная ее часть вывозилась в соседние области Азербайджана и Ирана, кроме того черная нефть в XVII в. вывозилась в Грузию, Узбекистан, Индию, Курдистан, Дагестан, Турцию (Там же. С. 309).

В период русской оккупации 20-х–30-х гг. XVIII в. бакинская нефть стала собственностью царской казны и в год давала прибыли на 20 000 рублей (2 000 туманов — Соймонов 1763. С. 174).

Неизученность вопроса о степени падения курса денег с середины XVII до начала XVIII в. не дает, к сожалению, возможности сделать точные выводы о размерах добычи нефти в это время, но нам кажется, что сравнение данных Эвлия Челеби с данными Ф.И. Соймонова позволяет признать резкое сокращение добычи нефти в начале XVIII в., что, вероятно, было связано с ухудшением экономического положения страны и сокращением рынков сбыта. Ведь следует иметь ввиду, что в 20-е–30-е гг. временно сократилась торговля с Ираном, Арменией, Турцией и другими странами Востока, а русский рынок, очевидно, не мог тогда компенсировать эту утрату. Во второй половине XVIII в. доходы с нефти шли местному хану и в 60-х–70-х гг. XVIII в. составляли 40 000 рублей (Гмелин 1771. С. 73). /с. 60/

Добывалась нефть из нефтяных колодцев, число которых было различно в разное время. Производительность нефтяных колодцев была также неодинакова. В XVIII в. самые большие колодцы давали почти в 30 раз больше нефти, чем самые маленькие (Reineggs 1807. Vol. I. P. 169).

§ 3. Формы земельной собственности. Шахский домен и его роль в эволюции Кызылбашского государства.

В позднее средневековье в Азербайджане и Восточной Армении существовали в основном пять форм земельной собственности: 1) государственные земли, 2) земли шахского домена (хассе), 3) вакфные земли — земли религиозных учреждений, 4) земли мульковые (арбаби), т. е. земли — собственность отдельных лиц, 5) общинные земли (Петрушевский 1949а. С. 78; 1954б. С. 14).

Земли государственные (аразий-е дивани) в странах Закавказья в XVII–XVIII вв. составляли большинство земельного фонда. Практически эти земли находились на правах издольной аренды (اجاره، ضبط) в пользовании у непосредственных производителей — крестьян, которые обязаны были выплачивать в денежной или натуральной форме определенную долю своего урожая с этих земель. Однако по способу и форме эксплуатации этих земель (и, в первую очередь, самих крестьян-арендаторов), земли эти не составляли единого целого. Исследование

А.Д. Папазян показало, что государственные земли в XVII в., в свою очередь, делились на /с. 60/ две категории: собственно государственные (дивани), подчиненные центральному ведомству в Исфагане, а на местах его представителю — везиру провинции (о нем см. гл. III), и земли, находившиеся в распоряжении местных правителей — хакимов (Папазян 1954а. С. 208–210; 1954б. С. 14). Доходы с этих последних земель, носивших название халисе, шли в казну хакима (Там же; Kämpfer 1712. P. 137) и затем расходовались на личные нужды, на содержание его двора, войска и частично на общественные нужды.

Что же касается собственно государственных земель, то в XVII в. государственные налоги шли с них через посредство везира провинции (ханства) и его налоговых агентов (тахсилдаров и даруг) в государственное казначейство и оттуда уже могли раздаваться в виде жалования (танхах, хамасала, муваджиб и др; о значении этих терминов см.: Папазян 1954б. С. 15–16) чиновникам государственного аппарата, чинам постоянной армии, лицам двора и т. д.

Однако, эти же доходы целиком или частично могли передаваться различным лицам в качестве тиулей или сююргалей (о сююргале см.: Петрушевский 1949а. С. 145–183; История Ирана 1958. С. 240–241 и гл. II настоящей диссертации; о тиуле см.: Петрушевский 1949а. С. 184–221).

Как правильно отмечает И.Д. Петрушевский, следует отли/с. 61/чать тиуль в Сефевидском государстве XVII — начала XVIII в. от тиуля в полунезависимых ханствах второй половины XVIII в. В XVII в. официально тиуль всегда обозначал право на определенную часть ренты — налога, передаваемое государством отдельным феодалам. В этом смысле тиулями, между прочим, именовались целые области — хакимства, например, весь южный Азербайджан или округ Астары в Талыше (Мухаммад Тāхир Ваҳид 1329/1950. С. 175, 328). Очевидно, в этом случае под тиулем и понималось право сбора налогов хакимом с земель халисе. Судя по сохранившимся документам, тиуль обязательно был связан с государственной службой (военной, чиновничьей)²⁹. Тиули могли закрепляться за определенной должностью. В частности, ишик-агаси-баши (церемониймейстер) всегда держал (точнее имел право сбора налогов), в качестве тиуля район г. Рея (около Тегерана; см.: Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 86 [перс. текст]). Анализ источников, например, «Аббас-наме», показывает, что если эта должность переходила по наследству, то и тиуль также переходил по наследству.

²⁹ Любопытная в этом отношении тиульная грамота, относящаяся к Азербайджану от месяца мохаррема 1110 г.х. (1698 г.), приведенная в вышеуказанной работе Лэмбтона (Lambton 1953. P. 109–110), обязывает владельца тиуля выставить 47 экипированных воинов.

Другой вид тиуля заключался в том, что право сбора налогов давалось конкретному лицу с известного объекта, независимо от должности, которую это лицо занимало. Передача такого тиуля по наследству могла производиться лишь с позволения лица, давшего тиульное право — т. е. шаха. Исследование А. Д. Папазяна по/с. 62/казало, что в XVII в. тиуль представлял дарование тиульдару права на сбор государственных налогов с государственных и даже с мульковых, т. е. частнособственнических земель (Папазян 1954б. С. 15) (о тиулях на землях хассе см. ниже).

Особенностью тиуля, в отличие от других способов оплаты военных чинов и чиновников гражданского ведомства, являюсь то, что тиульдар лично собирал подати, что немало способствовало его обогащению, и на практике даже по официальным данным тиули были всегда больше установленных (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 88 [перс. текст]); в связи с этим он имел судебные и административные функции в отношении райатов тиульного владения (Папазян 1954б. С. 15). Эти права тиульдара зависели практически от размеров тиуля. Если тиулем считалась целая область, то хаким (беглярбек) ее, он же тиульдар, на практике был почти полновластным господином, тогда как мелкий тиульдар, который собирал налоги с одного небольшого села или части его, не имевший в своем распоряжении войска и такого штата, был в более стесненном положении. Однако факты показывают, что и мелкие и крупные тиульдары всегда стремились всеми путями выжать побольше средств из своих тиулей. Захарий Акулеци рассказывает о некоем Парсадан-беке, грузине по происхождению, который был пароном, — судя по смыслу рассказа тиульдаром — селения Цгна в 10–12 км от Акулиса в течение 7 лет ко времени рассказа (с 1668 г.) и который «со всей своей семьей и братьями по приказу шаха, пожирал Цгну, причиняя бедствия». семь — восемь человек /с. 63/ из жителей села ездили в Исфаган с жалобой к шаху, но тот приказал их со связанными руками отправить в Цгна и разобрать их дело, а на село наложить штраф в 1000 туманов (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 103–104). Как видно из этого и ряда других примеров, правительство становилось в спорах между райатами и тиульдаром на сторону последнего.

В сочетании права налогового сбора с административно-судебными функциями были уже заложены основы для дальнейшей эволюции тиуля в сторону превращения тиульдара в практического владельца и самой земли. В XVIII в. крупные тиульдары-правители стали полунезависимыми владельцами, а мелкие тиульдары, в отношении которых и употреблялся этот термин, стали превращаться в помещиков, и под тиулем подразумевалось уже владение самими селениями (Петрушевский 1949а. С. 218, 357–359) Однако, судя по сохранившимся указам, владение тиулем попрежнему обуславливалось службой местному хану

и наследование тиуля в XVIII в. узаконено не было. Таким образом, эволюция тиуля в XVII–XVIII вв. была направлена в сторону укрепления феодальной собственности; окончательно этот процесс завершился уже после присоединения закавказских ханств к России (Там же. С. 221).

Вопрос о мульке как о форме безусловной собственности представляется более ясным. Сохранилось огромное количество купчих на всякого рода мульки (земельные участки, источники орошения, дома, лавки, каравансарай и т. д.), показывающие какое широкое распространение имел этот институт. Независимо от /с. 64/ всех своих конкретных разновидностей, мульк представлял из себя безусловную собственность. Однако виды ее были различны. Мульком мог быть земельный участок целиком, но могло быть и просто право на сбор земельной ренты с общины села (Папазян 1954б. С. 20).

Мулькадар, имевший такое право в сущности был владельцем села, другая часть доходов с которого шла государству, тиульдарам или хакимам. В XVII в. феодальная рента делилась на две части: 1) бахрече-йе маликане (بهرچه مالکانه) и 2) бахрече-йе дивани (بهرچه دیوانی).

В селах, принадлежавших в качестве мульки отдельным владельцам, им и платилась бахрече-йе маликане, а бахрече-йе дивани шла государству. Если же село не принадлежало мулькадару, то обе части ренты шли государству. В случае же, если владелец получал освобождение от налогов (муафи), в его пользу шла вся рента (Папазян 1954а. С. 346–347).

Несмотря на интенсивный захват феодалами, особенно кочевыми, общинных крестьянских земель (джамат — جماعت) сохранялась на протяжении рассматриваемого периода и позднее, в XIX в. Сохранение ее как организации было выгодно и правящей феодальной верхушке, поскольку оно значительно облегчало сбор налогов с райатов и административно-полицейский контроль. В XVII в., особенно во второй половине этого столетия, внутри общины усилился процесс социального расслоения, выразившийся в увеличении роли сельской верхушки (сельских старост и старейшин)³⁰. Однако в условиях XVIII в. этот процесс /с. 65/ (как и ряд других явлений), можно полагать, не получил должного развития.

Не будем специально останавливаться на вакфной собственности (о ней см.: (Папазян 1954б. С. 17–19), а обратимся к категории земель хассе, поскольку этот вопрос имеет значение и для выяснения вопроса о сущности Кызылбашского государства, к характеристике природы которого мы затем и перейдем. Возникновение этой категории земель относится в странах Ближнего Востока, по крайней мере, к раннему

³⁰ Наиболее основательно в нашей историографии вопрос об общине XVII — начала XVIII в. рассмотрен в книге П.Т. Арутюняна «Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в.» (1954).

средневековью. Личные земли шаха имелись в Сасанидском государстве, Арабском халифате и во всех последующих державах и княжествах, возникавших на территории Ирана и Закавказья. Как особая категория земель хассе существовала в государстве Ильханов (XIII–XIV вв.) (Али-Заде 1956. С. 63) и в Сефевидском государстве XVI в. Однако анализ источников XVI в. позволяет установить, что земель этого типа было в то время относительно немного и они не составляли больших массивов. Поэтому и шахи в XVI в. в значительной степени зависели в материальном отношении от кызылбашских эмиров, в кормление которым были розданы почти все земли государства. Более того, в отношении ряда областей, например, Гиляна, Мазендерана и Ширвана долгое время практиковалось обложение данью, которая собиралась ежегодно натурой и деньгами. Если же местные правители видели, что дела шахов были плохи, то они просто прекращали выплату дани, и тогда шахи посылали войска для усмирения непокорных. /с. 66/

Аббас I, вначале также раздававший земли кызылбашским эмирам из числа своих сторонников, уже в 90-х гг. XVI в. изменил политику и многие территории, вплоть до целых округов и областей, стал присоединять к хассе. Сущность этого мероприятия заключалась в том, что у многих местных и пришлых (кызылбашских) феодалов-ленников отнимались их владения, а в соответствующих округах и областях вводилась новая, чисто гражданская система управления. Так было положено основание шахскому домену, — этот термин к категории земель хассе применяли европейские путешественники XVII в., и он получил свое право в исторической литературе.

Вопрос о возникновении и развитии домена в Сефевидском государстве нельзя считать разрешенным, хотя по этому вопросу имеется специальная кандидатская диссертация Н.М. Фильрозе (1945). Прежде всего, автор ее не использовал значительную часть источников, в том числе и такой первостепенный источник для изучения домена, как «Аббас-наме» Мухаммед Тахир Вахида, далеко не полно привлек и другие персидские источники XVII в., не использовал и всех европейских авторов этого времени. В итоге, в диссертации Н.М. Фильрозе не нашел отражения сам процесс образования домена, не были определены его величина, рост и эволюция. Так, Н.М. Фильрозе без оснований считает, что домен возник уже при первых Сефевидах (Там же. С. 48), ошибочно причисляет к нему ряд терри/c. 67/торий, в него не входивших, например, Тебриз (Там же. С. 57), и бездоказательно утверждает, что земли хассе занимали по территории первое место в государстве (Там же. С. 199). В диссертации не прослежена эволюция домена в XVII в. и, в итоге, так и не выяснена его социально-экономическая и политическая сущность. Между тем именно в создании домена, включившего во

второй половине XVII в. до 1/3 всех земель государства (см. ниже) следует искать один из ключей возрождения полуразвавшегося во второй половине XVI в. Сефевидского государства. В создании большого фонда личных шахских земель — хассе, следует, по нашему мнению, видеть одно из проявлений активной деятельности государственной надстройки, укрепившей тем самым свое пошатнувшееся положение. В самом деле, если обратиться к Сефевидскому государству XVI в., то легко можно увидеть, что созданное усилиями союза тюркоязычных кызылбашских племен в начале XVI в., оно уже вскоре после смерти ее основателя Исмаила I (1524 г.) стало проявлять все признаки упадка и склонности к распаду, точно также как и предшествовавшие ему державы Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу. Уже преемнику Исмаила Тахмаспу I (1524–1576) приходилось постоянно подавлять вооруженной силой не только пытавшиеся отложиться окраины (Гилян, Ширван, Луристан и т. д.), но и на основной территории своего государства (южный Азербайджан, центральный и восточный Иран) /с. 68/ власть его была во многих отношениях номинальной и кызылбашские эмиры властвовали на местах как самостоятельные царьки. Дело было, очевидно, не только и не столько в личных качествах этого шаха. Кызылбашское государство было создано в результате победы одной группы кочевых феодалов, группировавшихся вокруг Ардебильских шейхов Сефевидов, над другой. И племена кызылбашские и «белые бараны» Ак-коюнлу были одного происхождения (в основном малоазиатского и среднеазиатского); часть племен, входивших в союз ак-коюнлу позднее вошла и в союз кызылбашских племен (часть туркман, каджар).

По нашему мнению, вряд ли правильно говорить о Кызылбашском государстве XVI в. как о национальном азербайджанском государстве, хотя еще более неверно считать его национальным персидским или ново-иранским государством. Последняя точка зрения за немногим исключением свойственна всем зарубежным востоковедам³¹, первой же придерживаются многие азербайджанские историки.

Марксизм-ленинизм учит, что государство является орудием господства одного класса над другим, — в условиях феодализма класса феодалов над эксплуатируемым большинством деревни и города. Следовательно, при определении национальной принадлежности того или иного государственного образования следует исходить из того, какой национальности были феодалы, господствующие /с. 69/ в этом государстве. Господствующими же феодалами в XVI в. в Сефевидском государстве были феодалы кызылбашских племен.

---

³¹ См., напр., новейшую работу Д.М. Лэнга (Lang 1957. P. 20). Из зарубежных востоковедов лишь В.Ф. Минорский считает Сефевидское государство прямым преемником туркменских государств XV в. (Lambton 1953. P. 106).

Эти племена и в XIV–XV вв. жили не только на территории Южного Азербайджана, но и на территории Армении и Ирана. Говорили они, вероятно, на различных тюркских диалектах, несомненно и тогда близких к азербайджанскому языку, а также к восточно-османским диалектам. В XVI же столетии при Сефевидях большая часть этих племен изменила свое местожительство. Так, основная часть главного кызылбашского племени шамлу в XVI в. еще при Исмаиле I поселилась в Хорасане и из глав этого племени выходили беглярбеки Герата.

Афшары разделились на три ветви, из которых лишь одна осталась в Азербайджане в районе Урмии. Часть каджар переселилась в Астрабад, Зулькадар на юг Ирана и т. д. Те кызылбашские племена, которые остались в Азербайджане, слились позднее с азербайджанским народом (каджары Карабаха, Еревана, устаджлу Нахичевана и т. д.), но этот процесс можно предполагать окончательно завершился лишь в XIX–XX вв. Характерно, что часть кызылбашских племен в начале XVII в. вошла в объединение шах-севен, которые и сейчас еще отличаются, как известно, от азербайджанцев. Афшары, даже урмийские, и в наше время выделяются в самостоятельную этническую группу (см. справочник: Современный Иран 1957. С. 28). К тому же известно, что среди сторонников Исмаила I, помогавших ему бороться с Ак-коюнлу, значительный процент составляли выходцы из Малой Азии (Хасан-и Румлу 1931. С. 35–36), где в то /с. 70/ время $\frac{4}{5}$ всего населения, по свидетельству венецианца Марино Сануто, являлись сторонниками Сефевидов (История Ирана 1958. С. 254). Любопытно, что еще в 918 г. х. (1513/14 гг.), когда Исмаил I послал Нур-али-халифу Румлу в Турцию, к последнему немедленно стали присоединяться местные кочевники (Хасан-и Румлу 1931. С. 134). Все это дает основание сомневаться в предположении, что Сефевидское государство было национальным азербайджанским государством. Обычно приводимые ссылки на то, что Исмаил I писал стихи на азербайджанском языке (о творчестве Исмаила I под псевдонимом Хатаи см.: Minorsky 1942), в сущности ничего не доказывают, ибо хотя сами Сефевиды, выходцы из Ардебилля, были азербайджанцами, тем не менее нельзя определить национальный тип государства по происхождению его династии. Наиболее правильным следует считать мнение И.П. Петрушевского, который видит в Сефевидском государстве XVI в. «конгломерат разных племен и народностей, связанных завоеванием, какими были прежние средневековые государственные образования на территории Ирана» (История Ирана 1958. С. 255). К такому же мнению в сущности склоняется и крупнейший зарубежный востоковед В.Ф. Минорский, считающий Сефевидское государство прямым преемником чернобаранных и белобаранных династий (Lambton 1953. P. 106). /с. 71/

В 1955 г. в Институте Востоковедения АН СССР защищена диссертация О.А. Эфендиева «Образование Сефевидского государства». Автор ее добросовестно изучил персидские источники XVI в., собрал большой фактический материал; однако трудно согласиться с его утверждением, что Сефевидское государство было подготовлено всеми событиями второй половины XV в. (Эфендиев 1955. С. 162–163), т. е. с тем, что оно возникло в результате каких-то объективных экономических потребностей, на какой-то прочной экономической основе. К сожалению, предположения О.А. Эфендиева о том, что Сефевиды пришли к власти на волне и широкого народного движения (Там же. С. 165) остаются гипотезой, не подтвержденной конкретными фактами, в итоге чего и сам он признает, что основной опорой Исмаила I являлись кочевые племена (Там же. С. 177). В пользу же признания Сефевидского государства XVI в. эфемерным, непрочным государством говорят многочисленные факты его последующей истории. В сущности наступательный, связанный с движением вверх период Сефевидского государства закончился уже при жизни его основателя Исмаила I, сразу после Чалдыранского поражения 1514 г. Исмаил I являлся предшественником Аббаса I в попытке ограничить влияние кызылбашской знати. В 915 г. х. (1510/11 гг.) он отнял должность векиля кызылбашской державы (высшую должность государства) у Хусейн-бека шамлу и передал ее эмиру Наджму Гиляни (Шереф-хāн Бидлйсь 1862. С. 145), а после смерти последнего назначил векилем известного Яр-Ахмеда Хузани /с. 72/ Исфагани, по прозвищу Наджм-сани, бесславно погибшего в 1513 г. в Узбекистане (Там же. С. 146; Хасан-и Румлу 1931. С. 111). Однако вскоре после Чалдыранского поражения Исмаил вынужден был вернуть должность векиля кызылбашским эмирам в лице сначала Чайян-султана устаджлу, а затем Див-султана румлу (Хасан-и Румлу 1931. С. 150, 181). Источники говорят, что в последние годы жизни Исмаила могущественные эмиры выражали ему неповиновение (Там же. С. 174–176).

Немедленно же после смерти Исмаила I между эмирами началась открытая борьба за должности, доходные провинции, за влияние на малолетнего Тахмаспа. Эмиры убивали везирей дивана (Там же. С. 185, 198), ссорились и воевали друг с другом. Под 937 г. х. (1531 г.), когда Тахмаспу было уже 18 лет, Хасан Румлу приводит рассказ о том, как эмиры устроили драку в Палатке шаха, дошли до перестрелки, не обратив внимания на присутствие Тахмаспа, так что две стрелы попали в корону шаха (Там же. С. 235). Тахмасп так боялся векиля Див-султана румлу, что решился отделаться от него лишь посредством предательства (Шереф-хāн Бидлйсь 1862. С. 255–256). Можно привести немало подобного рода примеров. Хроники буквально пестрят упоминаниями о бунтах и возмущениях.

Теснимые на западе османами, а на востоке узбеками, кызылбаши при Тахмаспе I занимают в основном покорением вассальных территорий. Так были ликвидированы самостоятельность /с. 73/ Ширвана и Шеки, северо-азербайджанских государств, сохранявших до того времени внутреннюю самостоятельность. После же смерти Тахмаспа I, при его преемниках Исмаиле II и особенно Мухаммеде ходабенде (1578–1587) распад Кызылбашского государства стал буквально вопросом ближайшего времени. Шереф-хан бидлиси, хронист-современник, прямо писал, что в 986 г. х. (1578 г.) семь крупнейших кызылбашских эмиров (Амир-хан туркеман, Шахрох-хан зулькадар, Ма'асиб-хан текелю, Пири-Мухаммед устаджлу, Кули-бек курчи-баши афшар, Кургемиз-хан шамлу и Хусейн-кули-халифа румлу) сговорились и разделили между собой Иран (Шереф-хан Бидлиси 1862. С. 255–256). Узбеки вытесняли кызылбашей из Хорасана, а турки настойчиво стремились отнять Закавказье. В разных частях страны вспыхивали восстания. В том же 1578 г. поднялось восстание в Ширване, во главе которого встал один из потомков низложенных Сефевидов ширваншахов Абу-бекр-мирза, до того скрывавшийся в Дагестане, откуда он и теперь получил поддержку в 2 000–3 000 воинов-горцев. Вожди восстания прямо обратились к турецкому султану, призвав его в Ширван (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 232–234). Восстали и Шеки и Дагестан (Там же. С. 232–234). Турецкие войска с юга и крымские татары через Дербент явились в Ширван и начали вытеснять оттуда кызылбашей. Кызылбашский же беглярбек Южного Азербайджана не обратил никакого внимания на приказ шаха и отказался идти в Ширван, предоставив кызылбашей этой области своей судьбе (Там же. С. 253–254). Почти од/c. 74/новременно началось восстание на юге Ирана в горной области Кух-е Гилуйе, к западу от Фарса. Во главе его встал некий дервиш, объявивший себя якобы уцелевшим Исмаилом II (который был в этом году отравлен).

Вокруг него собралось до 20 000 луров. Главы кызылбашского племени афшар, правители области, выступили против восставших, но потерпели поражение, причем в битве пал сын беглярбека, Рустем-бек афшар. Во время вторичного похода был убит и сам беглярбек Кух-е гилуйе Халил-хан. Лишь соединенные силы афшар и зулькадар (из соседнего Фарса) сумели разбить мнимого Исмаил-мирзу. Последний попал в плен и был убит (Там же. С. 272–274). Однако вскоре после этого началось выступление среди самих афшар Кух-е гилуйе, во время которого был убит новый беглярбек Искандер-хан (Там же. С. 274).

В Луристане произошло восстание под предводительством другого дервиша, также объявившего себя Исмаил-мирзой и собравшего вокруг себя 10 000 сторонников (Там же. С. 275). Народные восстания имели место в эти годы в Талыше и в Хорасане (Там же. С. 275). Наконец,

в 1585–1588 гг. турки вытеснили с помощью ширванцев кызылбашей из Азербайджана (Там же. С. 406). /с. 75/

Поражение кызылбашей было ускорено переходом на сторону турок картлийского царя Симона, который всегда придерживался кызылбашской ориентации, но видя, что кызылбашей бьют всюду, и желая спасти Грузию от турецких полчищ, пропустил осман в Карабах.

Гилян уже до этого стал самостоятелен, и хан Ахмед-хан вел самостоятельные переговоры с русскими послами.

Таким образом, к 1587 г. в руках Сефевидов, а точнее кызылбашских эмиров, остались лишь центральный и южный Иран и часть Хорасана. Такой оборот дела, конечно, не был по душе средним и мелким кызылбашским феодалам, потерявшим значительную часть владений. Вдобавок ко всему прочему из захваченного турками Закавказья откочевали в Иран кызылбашские племена каджар, байят и др., знать которых требовала взамен утраченных владений новых. Многочисленное шиитское духовенство Азербайджана и Ирана³², лишившееся значительной части своих владений и доходов, преследуемое турками-суннитами, желало установления сильной власти. Наконец, горожане городов южного Азербайджана, в частности Тебриза, только ждали возможности восстать против турок³³. Армянское духовенство и купечество также ориентировалось на кызылбашей, многие армяне эмигрировали в эти годы в Иран (Arakel de Tauriz 1874. P. 275–276). Необходимо было найти нового, более энергичного шаха, /с. 76/ нежели богомолец Мухаммед. И он нашелся. Инициативу взяли на себя хорасанские эмиры, которым угрожала судьба азербайджанских от наступающих узбеков. Они и возвели в 1587 г. на шахский престол Аббас-мирзу, сына Мухаммеда, под именем Аббаса I. Несомненно, Аббас I был выдающейся личностью, талантливым полководцем, умным дипломатом и, самое главное, считал в себе способность трезво оценить обстановку и использовать подходящий момент.

Однако, при всех способностях нового шаха, решающую роль, особенно на первых порах, сыграла сложившаяся расстановка классовых сил в стране, о которой сказано выше. Хорасанские эмиры добились в том же 1587 г. официального отречения Мухаммеда Ходабенде от престола в пользу Аббаса. Через два года Аббас посадил своего отца и двух братьев в крепость Аламут (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 386), где они и умерли через несколько лет. Даль-

³² Многие представители высшего духовенства Азербайджана также ушли в Иран при приближении турок и занимали там крупные должности (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 150–156).

³³ Когда Аббас I пришел в Азербайджан, горожане Тебриза восстали против турок (Там же. С. 639).

нейшая история Аббаса I наполнена, с одной стороны, войнами с узбеками и турками, с другой же стороны, — борьбой с феодальной кызылбашской оппозицией и упрочением своего положения в стране. Аббас I вовсе не уничтожал подряд кызылбашских эмиров, а боролся лишь с непокорными крупнейшими представителями последних. В начале своего правления он наоборот осыпал верную ему кызылбашскую знать земельными, денежными и иными подарками и чинами.

В нашей исторической литературе установилось мнение, что будто бы, начиная с Аббаса I, сефевидские шахи опирались в *ос/с. 77/новном на персидскую гражданскую бюрократию* (История Ирана 1958. С. 271, 272, 278). Нам кажется, что это, однако, не так. В доказательство обратимся хотя бы к известному списку эмиров Кызылбашского государства в год смерти Аббаса I (1629 г.) у Искандера Мунши. Характерно, что среди эмиров, т. е. верхушки феодалов государства, нет не только ни одного чиновника, но и ни одного перса по национальности (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 761–764). В то же время из этого списка видно, что в отличии от XVI в. в числе эмиров Кызылбашского государства, т. е. его верхушки, было много представителей курдских, лурских и тюркских-некызылбашских племен. Сравнение с источниками по двум последующим царствованиям — Сефи I (1629–1642) и Аббаса II (1642–1667) — показывает, что знать этих племен в XVII в. заняла равноправное положение с кызылбашской знатью. Появилась и другая группа эмиров, из гулямов-рабов, также не связанных с кызылбашской знатью, из этих трех групп (кызылбашской знати, некызылбашской кочевой знати и гулямов) и назначаются в XVII в. все высшие чины государства. Таким образом, Сефевиды в XVII в. просто расширили свою классовую опору, в частности привлекли на свою сторону местных феодалов, ранее находившихся в неравноправном положении. Что касается кызылбашской знати, то и в XVII в. ее влияние было велико. Важнейшим ее представителем был курчи-баши, начальник гвардейского корпуса курчиев, всегда и в XVII в. происходивший из кызылбашской знати. Даже в начале XVIII в. курчи-баши считался вторым «*стол/с. 78/пом государства*» после этемад-эд-доуле (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P.³⁴). А в XVII в. его роль была еще большей. Еще при Аббасе II курчи-баши Джани-хан шамлу убил знаменитого этемад-эд-доуле Сару-таги и шах не осмелился наказать его иначе, как предательски приказав убить сзади на аудиенции (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 64–66). Если же обратиться к гражданским чинам, то высшая должность этемад-эд-доуле в первой половине XVII в. ни разу не занималась персом. В начале XVII в. эту должность занимал Халим-бек ордубади

---

³⁴ Пропущено. — *Примеч. А. А.*

из г. Ордубада в Азербайджане, затем его сын Абу Талиб-мирза, а потом до смерти Аббаса I два кызылбашских эмира — Салман-хан устад-джу и Халифе-султан (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 1091). При Сефи I этемад-эд-доуле были сначала последовательно те же Халифа-султан и Абу-Талиб-мирза, а затем Мирза Мухаммед таги (Сару-таги) по происхождению из Тебриза (Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 259–265). При шахе Сулеймане (1667–1694) один из этемад-эд-доуле был из курдской знати (Kämpfer 1712. P. 67), а предпоследний этемад-эд-доуле шаха Хусейна был Фетх-али-хан из рода дагестанских шамхалов (Brosset 1857. P. 34).

Если обратиться к чиновникам, которые управляли доменом (даруги, везиры), то данные первой половины XVII в. (точнее до середины 60-х гг. XVII в.) показывают, что они часто были из тех же /с. 79/ гулямов; среди них были выходцы из Азербайджана, наконец, со времени Сефи I даругами Исфагана были грузины (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950). Должность церемонеймейстера при Сефи I занимали только кызылбаши, из племени шамлу (Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 266–267).

Любопытно отметить своеобразное «бюрократичивание» части кызылбашской знати. В XVII в. (и даже ранее) часть средних и мелких кызылбашских феодалов пошла по гражданской службе. Характерными примерами являются здесь историки Хасан Румлу и Искандер Мунши туркеман. Племянник Искандера Мунши Мирза-Салих уже получил обычную для гражданских чинов приставку впереди имени «мирза» и служил писцом (Там же. С. 208)³⁵ при Сефи I. Можно привести огромное количество примеров подобного рода. Во всяком случае утверждение, что гражданская бюрократия состояла почти сплошь из персов (История Ирана 1958. С. 271)³⁶, само по себе нуждается в /с. 80/ критике; анализ же источников позволяет с уверенностью сказать, что гражданская бюрократия, независимо от ее национальной принадлежности, не играла господствующей роли в Сефевидском государстве XVII в. Социальная опора шахов была более широкой и именно расширение этой

³⁵ Согласно «Тазкират-оль мулук», должность назира бийутата, т.е. управляющего доменом, за исключением короткого периода в конце XVII в. принадлежала кызылбашам.

³⁶ Такое мнение возможно связано с существовавшим, во всяком случае, еще и в первой половине XVII в., делением всего населения Кызылбашского государства на две части — на кочевников-кызылбашей и оседлое население вне его национальной принадлежности. Последнее называлось *agemi* — аджеми — т.е. перс, иранец (della Valle 1745. P. 39). Столкнувшись с таким фактом европейцы (в том числе с XVIII в. и русские) называли все некое население Кызылбашского государства персами, включая сюда и азербайджанцев. Факт этот легко бросается в глаза при знакомстве с источниками XVII–XVIII в., но, тем не менее, никем из исследователей не проанализирован.

опоры явилось наряду с созданием домена одной из основных причин того, что существование Сефевидского государства продлилось еще более чем на сто лет. В XVII в. опорой Сефевидов служили кызылбашская знать (военно-землевладельческая), некызылбашская местная (курдская, лурская, азербайджанская, иранская и т. д.) новая военная знать, шиитское духовенство, купечество и до конца XVII в. отчасти армянское духовенство, и, наконец, гражданская бюрократия, как показано выше, вовсе не составлявшая какого-то постоянного, единого целого, а формировавшаяся из других господствующих слоев населения различных национальностей. Сефевидское государство и в XVII в. осталось таким же конгломератным государством, как и в предыдущий период.

Как упоминалось выше, наряду с расширением социальной базы в укреплении центральной власти в XVII в. решающую роль сыграло образование домена. Один из первых шагов в этом направлении был сделан Аббасом I в 1006 г. х. (1597/98 гг.), когда после очередного восстания в Гиляне тиульдары этой области были лишены своих тиулей и весь Гилян был присоединен к хассе ('Абд ал-Фаттах Фуманӣ 1858. С. 233). /с. 81/ Несколько позднее к хассе был присоединен соседний Мазендеран, где Аббас I, по матери происходивший от мазендеранских владетелей (Искандар-бик туркемән Муншӣ 1376/1956–1957. С. 128), построил себе новую резиденцию Фаррах-Абад. При Аббасе I в хассе был обращен и столичный округ Исфагана. Земли хассе не отдавались в кормление феодалам, и постоянные доходы с них делали шаха независимым материально, что позволило ему создать постоянную армию в противоположность племенным ополчениям.

Но особенно вырос домен при преемниках Аббаса I — Сефи I (1629–42) и Аббасе II (1642–67). При Сефи I к хассе был присоединен весь Фарс (Искандар-бик туркемән Муншӣ 1318/1900–1901. С. 117), а Аббас II включил в домен часть Бахтиарии (Муҳаммад Таҳир Ваҳид 1329/1950. С. 61), район города Хамадана (Там же. С. 180), округ города Ардебилля (Там же. С. 216), округ Семнана (Там же. С. 216) и область Кермана (Там же. С. 239). Округ Казвина также вошел в хассе при Аббасе I³⁷. Таким образом, в середине XVII в. туда вошли значительные территории, главным образом, центральных районов, /с. 82/ а также шелководческие области южного Прикаспия. Кроме того, и в других областях существовали более мелкие округа, также относившиеся к хассе. Можно предполагать, что именно к 60-м гг. XVII в. домен достиг своей максимальной величины. Э. Кемпфер, побывавший в Иране в 80-х гг. XVII в. относит к хассе следующие земли: Мазендеран, Гилян, район

---

³⁷ В начале правления Сефи I он уже относился к хассе (Искандар-бик туркемән Муншӣ 1318/1900–1901. С. 84).

Исфагана, Казвин, Кашан³⁸, Йезд, Кум³⁹, Саве, Лар⁴⁰, Шираз и некоторые другие мелкие районы, им не названные⁴¹. Таким образом, за период с 60-х до конца 80-х гг. XVII в. домен практически не увеличился. Более того, с конца XVII в. можно наблюдать даже сокращение территории домена. В частности, Фарс в конце XVII в. был опять отдан в управление беглярбеку⁴² и по данным «Тазкират-оль мулук» (20-е гг. XVIII в.) также не относился к хассе (Tadhkirat al-Mulūk. P.⁴³). Такой обратный процесс уменьшения домена не случаен; характерно, что параллельно с ним идет процесс ослабления центральной власти. Причины этого явления были разнообразны, но главное /с. 83/ состояло в том, что создание домена в условиях XVII в. было искусственным явлением, связанным, главным образом, с деятельностью государственной на[д]стройки в благоприятных для этого условиях первой половины XVII в.

Прекращение внешних завоеваний (последним актом в этом направлении было окончательное присоединение Кандагара при Аббасе II) также создавало своеобразную «земельную тесноту», компенсировать которую можно было лишь путем обратного возвращения военно-служилой знати земель внутри страны, взятых ранее в хассе. Возвращались целые области, как, например, Фарс. К тому же определенно потеряла крах тактика шахов в первой половине XVII в., заключавшаяся в том, что земли хассе не отдавались в тиули. Во второй половине XVII в., и особенно с конца столетия положение изменилось, а процесс укрепления феодальной земельной собственности объективно приводил, как говорилось выше, к постепенному превращению тиулей из права на сбор государственных налогов в практическое право распоряжения территорией. К тому же сама доменная система эксплуатации приводила, как об этом свидетельствуют источники (о разорении Фарса после присоединения к хассе см.: Tavernier 1677. P. 536–537; Chardin 1735. T. I. P. 305), к невиданному разорению земель, входивших в хассе. Кризис доменной системы стал обнаруживаться явственно уже в конце XVII в., что выражалось не только в указанной эволюции и изменениях в самом домене, но и в том, что правительство, разорив окончательно доменные территории, вынуждено было в конце XVII — начале XVIII в. прибег-

³⁸ При Аббасе II упоминается в числе земель хассе (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 310).

³⁹ Кум относился к Исфаганскому округу; можно предположить, что весь «Ирак-е аджем» — центральный Иран — был в хассе к середине XVII в.

⁴⁰ Точная дата присоединения к хассе отсутствует в источниках.

⁴¹ При Аббасе II числился в хассе (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 216); присоединен к домену при Сефи I вместе с Ширазом (Фарс).

⁴² Согласно «Фарс-намей-е Насери» (Мйрзā Хасан Хусайнī Фасā'й 1312/1894 [без указания страниц. — Примеч. А. А.]), в Фарсе в конце XVII в. были беглярбеки.

⁴³ Пропущено. — Примеч. А. А.

нуть к резкому /с. 84/ повышению налогов на остальной территории государства (Hassan Dchalalians 1876. P. 203–204), что привело к резкому усилению классовой и национально-освободительной борьбы в начале XVIII в. Таким образом, в качестве итогов всего вышеизложенного можно сказать, что кризис доменной системы являлся одной из основных причин ослабления центральной власти в Кызылбашском государстве к началу XVIII в. и важнейшей причиной распада Сефевидской державы, тогда как именно создание домена в начале XVII в. временно оживило и укрепило централизацию в Сефевидском государстве.

В существующей литературе распад Сефевидского государства связывается с упадком транзитной торговли через Иран (Петрушевский 1949а. С. 83). В сущности, этот вопрос до сих пор нельзя считать исследованным и фактически обоснованным. И.П. Петрушевский, например, в своей последней работе, посвященной истории Ирана, видит в конце XVII в. «торжество реакционной тенденции в экономике» Кызылбашского государства, выразившееся в «обнищании деревни и сужении внутреннего рынка». Нам кажется, что это положение нуждается в более серьезной аргументации. Характерно, что источники конца XVII — первых лет XVIII в. не говорят о резком упадке экономики и о сокращении внутреннего рынка, в частности, современные евро/с. 85/ пейские источники по-прежнему, даже в начале XVIII в., отмечают развитие торговли в городах Закавказья и не говорят о каком-либо резком обнищании населения⁴⁴.

Подобная картина вырисовывается лишь со второго десятилетия XVIII в. в описаниях А.П. Вольтского, иезуита Крусинского и др. Поэтому нам кажется, что на развитие экономики в сторону упадка более существенное влияние оказал распад искусственно созданной централизации, выразившийся в упадке домена и связанном с ним резким увеличением налогового и иного гнета на рубеже XVII–XVIII вв., результаты которого ясно видны стали лишь со второго десятилетия XVIII в. и выразились в усилении классовой и освободительной борьбы в различных областях конгломератного Сефевидского государства.

Мы не будем специально останавливаться на вопросе о социальной природе и сущности государства Надир-шаха, достаточно хорошо и полно охарактеризованной в нашей литературе (см.: Арунова, Ашрафян 1958), а перейдем непосредственно к характеристике положения Азербайджана и Восточной Армении в составе Кызылбашского государства

---

⁴⁴ Характерным примером служат записки путешественников начала XVIII в. Ж. Питтон де Турнефора и К. Брюна, а также анонимное сочинение «Der Allermeueste Staat von Casan, Astracan, Georgien und Vieler Andern», вышедшее в Нюрнберге в 1723 г., т.е. уже после взятия Исфагана афганцами. Однако сочинение основано на данных более раннего времени и отражает условия конца XVII — начала XVIII в.

XVII — первой половины XVIII в. и полунезависимых ханств (второй половины XVIII в.), /с. 86/ т. е. того фона, на котором существовали и развивались города Восточного Закавказья рассматриваемого периода.

§ 4. Азербайджан и Восточная Армения в составе Кызылбашского государства и полунезависимых ханств (XVII–XVIII вв.)

После изгнания турецких войск с территории Закавказья, Азербайджан и Армения на сто с лишним лет вновь вошли в состав Сефевидского государства. Вторичное утверждение власти кызылбашских феодалов в Азербайджане и Восточной Армении не было простым актом завоевания, как его иногда представляют в исторической литературе. Аббас I умело использовал недовольство всех слоев населения властью османов, усталость от бесконечных войн, страшного голода, опустошившего страны Закавказья с конца XVI [в.] по 1608–1609 гг. не менее, чем турецкие и крымско-татарские полчища. Против турок выступили и многие местные феодалы. Еще в 1603 г. восстали курдские племена в округе Салмаса и глава восставших Гази-бек послал гонцов к шаху с просьбой о помощи (Искандар-бик туркеман Муншй 1376/1956–1957. С. 637). Воспользовавшись тем, что часть турецких войск была отвлечена этим восстанием, Аббас I и его полководец Зульфугар-хан караманлу захватили южный Азербайджан с Тебризом. Горожане Тебриза активно включились в борьбу с турками (Там же. С. 639). Крупное купечество Джульфы на Араксе давно имело сношения с шахом, и при приближении кызылбашских войск турецк./с. 87/кий гарнизон в Джульфе был истреблен, а Аббасу I был устроен пышный прием (Arakel de Tauriz 1874. P. 280; Какаш и Тектандер 1896. С. 33). Армянские мелики Карабаха также сильно пострадали от турок за свою сефевидскую ориентацию. Во время турецкой оккупации целые селения армян эмигрировали в Иран и Грузию. Так, четыре армянских селения округа Дизак полностью переселились (Arakel de Tauriz 1874. P. 276) в Иран, и Аббас поселил их в Исфагане. Позднее армянское население бежало в Грузию, спасаясь от грабежей джелалиев (Бархударян 1902. С. 37). В 1605 г. большая группа грузинских, армянских и «агванских» (карабахских) феодалов (*ჩაქაშისებრ*) явилась в Исфаган к Аббасу I с жалобами на притеснения со стороны турок и просила шаха помочь изгнать последних (Там же. С. 60). Грузинские цари открыто встали на сторону кызылбашей, и грузинские войска участвовали в изгнании турецких войск с территории Закавказья (Arakel de Tauriz 1874. P. 275; Какаш и Тектандер 1896. С. 39). Наконец, городская знать Баку, Дербента, Нахичевана и дагестанские феодалы также присоединились к кызылбашам (Искандар-бик туркеман Муншй 1314/1896–1897. С. 446–447, 516).

Именно благодаря активной поддержке феодальных кругов Закавказья и используя недовольство народных масс, Аббасу I удалось отвоевать Закавказье у такого сильного противника, как султанская Турция. /с. 88/

Однако, если феодалы и крупное купечество не ошиблись в своих расчетах, ориентируясь на Сефевидов, то народные массы вскоре убедились, что новые хозяева не принесли им никакого облегчения. Кызылбашские войска грабили не хуже турецких⁴⁵, голод продолжал свирепствовать по всей стране; армянские хронисты рисуют страшные картины разорения страны. По словам современника, в это время «отец пренебрегал сыном, мать дочерью, брат братом, мужа покидала жен, женщины оставляли в беде своих детей» (Ананун жаманакагрут'йун 1951а. С. 186). Так наз. «великий сургун» (азерб. суркун — изгнание, высылка, угон), проведенный Зульфугар-ханом, Карчиха-ханом и другими полководцами Аббаса I в военно-стратегических целях, окончательно обезлюдил Ереванскую область и Нахичеванский край. Высылка коснулась всех слоев армянского населения (Там же. С. 182). В числе прочих было угнано в Иран и население Джульфы (Джуги), а сам город с тех пор потерял свое значение. Неудивительно, что в первом десятилетии XVII в. в Армении и Азербайджане вспыхивают антифеодальные народные восстания.

Одним из любопытных движений начала XVII в. является так наз. движение джелалиев. Движение это, начавшееся в последнем десятилетии XVI в. на территории восточных вилайетов /с. 89/ Турции, исследовано детально лишь на одном его этапе, а именно в период руководства им со стороны Кара-Языджи и Дели-Хасана (1593–1603 гг.) в ценной работе А.С. Тверетиновой (1946)⁴⁶.

Движение джелалиев в Турции, как это показала А.С. Тверетинова в вышеупомянутой работе на конкретном примере восстаний Кара-Языджи и Дели-Хасана, являлось чрезвычайно сложным социальным явлением. Сложный социальный состав его участников, наличие у руководства феодалов, оппозиционных султанскому правительству, наложило

---

⁴⁵ Этого не скрывает даже официальный историограф Аббаса I Искандер Мунши (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 458).

⁴⁶ Работа написана в основном на турецких первоисточниках. К сожалению, в этом исследовании не были использованы многочисленные армянские источники (за исключением труда Аракела Тавризского), а также такой ценный, современный движению, источник на фарси как «Тарих-е алем арай-е Аббаси» Искандер-бека Мунши, в котором имеются ряд ценных и оригинальных сведений о джелалиях не только на территории кызылбашской державы, но и Османской империи (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 765–796, 781–782, 791, 801–802). Особенно любопытны данные Искандера Мунши о взаимоотношениях Кара-Языджи и Хасан-бека (т.е. Дели-Хасана) с купечеством и местными феодалами и правителями (Там же. С. 766).

отпечаток и на характер движения, по крайней мере значительную часть участников которого составляли крестьяне или кочевники восточных областей Турции. Как известно, восстание Дели-Хасана закончилось переходом главарей его на сторону султана в казалось бы наиболее благоприятный для восставших период. Последнее обстоятельство не являлось случайным, оно было обусловлено предыдущей эволюцией руководства /с. 90/ движения, изменением политики главарей восстания в отношении господствующих классов, своеобразным компромиссом их с последними. Так, Искандер Мунши, хорошо знакомый с событиями в соседней Турции, сообщает, что политика Дели-Хасана (Хасан-бека у Искандера Мунши) в отношении зажиточных слоев населения, в частности купечества, была уже не та, что была у его брата Кара-Языджи, и если при Кара-Языджи восставшие отнимали у купцов их имущество и товары, то при Хасан-беке положение изменилось, и он ограничивался тем, что брал с купцов небольшие подарки (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 766).

Восстания на территории Малой Азии не прекратились после перехода Дели-Хасана на сторону правительства. Лишь в 1606 г. армии великого везира Мурад-паши разгромили силы восставших, и вот тогда-то разбитые отряды джелалиев во главе с Мухаммед-пашой, по прозвищу Каландар-оглы, одним из крупных феодалов, принявших участие в движении, отступили на территорию Ирана и главари их обратились к Аббасу с просьбой разрешить им остаться на иранской территории. Вместе с Каландар-оглы границу перешли до 10 000 конных джелалиев и мушкетеров (туфенгчи). Аббас I, желая использовать эту военную силу против османских войск, приказал с почетом принять главарей джелалиев. Навстречу им направился сам э’темад-эд-доуль Хатим-бек ордубади и беглярбек Еревана Амир-гюне-хан Каджар — один из важнейших эмиров Кызылбашского государства (Там же. С. 771–775). Наделенные богатыми подарками и обласканные шахом, вожди джелалиев с го/с. 91/ товностью согласились отправиться на турецкий фронт⁴⁷ в Курдистан. Однако благосклонность шаха, очевидно, коснулась далеко не всех пришельцев. Рядовые джелалии вовсе не разделяли прокызылбашских настроений Мухаммед-паши и других своих главарей. И именно в этот момент различное социальное положение и происхождение участников движения проявило себя, и в среде джелалиев произошел раскол. Рядовые джелалии были недовольны своими руководителями, которые с такой легкостью продали их Аббасу I и теперь торопились руками своих подчиненных отблагодарить шаха за радушный прием. Искандер Мунши приводит любопытный рассказ о возмущении рядовых джелалиев,

---

⁴⁷ В тексте «флот». — *Примеч. А. А.*

стоявших лагерем в южном Азербайджане, против своих начальников. Когда вожди джелалиев объявили им, что они пойдут воевать в Курдистан, часть джелалиев воспротивилась этому, и между ними и сторонниками Каландар-оглы дело дошло до вооруженного столкновения, и усмирить возмущение удалось лишь с помощью кызылбашей (Там же. С. 776). После отправки джелалиев в Курдистан возникли трения и противоречия не только между рядовой массой и вождями, но и в среде последних. Каландар-оглы, оставленный шахом во главе джелалиев, пытался приостановить распад своей армии посредством репрессий. Так, по его приказу был убит в его палатке один из видных предводителей джелалиев курд Хайдар. Однако в итоге этого усилилось бегство джелалиев обратно через границу в Турцию (Там же. С. 731). Особенно массовым стало это бегство после того, как Аббас решил использовать джелалиев для усмирения /с. 92/ восставшего в 1607 г. курдского племенного берадуст. Из-под Урмии, где засел мятежный глава берадуст Амирхан, ушли даже 2 000 личных воинов Каландар-оглы; последний вскоре сам умер во время осады Урмии, а из его джелалиев у шаха не осталось и 500 человек (Там же. С. 801–802).

До сих пор мы касались лишь, во-первых, взаимоотношений шаха и его властей с джелалиями и, во-вторых, между верхушкой джелалиев и рядовыми участниками движения. Теперь попробуем остановиться на наиболее важном, и в то же время наиболее плохо освещенном в источниках вопросе: на взаимоотношениях джелалиев, пришедших из Турции, с местным азербайджанским и армянским населением, на связи движения собственно джелалиев с антифеодальными восстаниями в Закавказье. Источниками по данному вопросу являются армянские исторические сочинения XVII–XVIII вв. Однако к данным этих источников следует относиться критически, поскольку большинство из них написаны в более позднее время и свои рассказы о джелалиях они берут из вторых рук⁴⁸. Навряд ли можно предполагать, что в это время на территории Восточного Закавказья имело место большое сильное крестьянское движение, охватившее всю страну. Скорее всего, имели место отдельные, разрозненные выступления крестьян. О количестве этих восстаний, составе их движущих сил и целях можно судить лишь приблизительно на основании сведений армянских хронистов. В частности, Аракел Тавризский, говоря о джела/с. 93/лиях в Закавказье, делит джелалиев на две категории: во-первых, на пришедших из Турции и, во-вторых, на представителей восставшего местного населения (Arakel de Tauriz 1874. P. 310). Здесь хорошо привести высказывание советского

---

⁴⁸ В частности, это свойственно и крупнейшему армянскому историку XVII в. Аракелу Тавризскому, который сам говорит об этом (Арак'ёл Даврижеци 1884. С. 63; Arakel de Tauriz 1874. P. 310).

ученого А.Д. Папазяна, который совершенно правильно отмечает, что с XVI в. источники всякие антиправительственные возмущения именуют «восстаниями джелалиев» независимо от их содержания и социальной сущности, отчего для исследователя трудно установить, какие из этих движений являются действительно антифеодальными, а которые являются обыкновенными военными бунтами (Папазян 1954а. С. 137). В данном случае очень важно, что Аракел выделяет местных «джелалиев» от пришедших из Турции. О джелалиях, пришедших из Турции, источники в один голос говорят как о насильниках и грабителях, более худших, чем Аббас I и его кызылбаши (Арак'ёл Даврижеци 1884. С. 58–61, 63; Arakel de Tauriz 1874. P. 307–310; Ананун жаманакагрут'йун 1951а. С. 184; hАкоб Карнецу жаманакагрут'йун 1951. С. 246; Жаманакагракан манр хатвац'нер 1956. С. 517).

Вполне вероятно, что явившиеся из Турции деморализованные отряды разбитых сподвижников Каландар-оглы, в большинстве своем, очевидно, состоявшие из различных категорий мелких ленников — ибо навряд ли можно говорить о массовом уходе в чужую страну турецких крестьян, — немало грабили опустошенные уже до этого голодом и выселениями Аббаса I районы Восточной Армении. Хронисты же, принадлежавшие к господствующим классам и выражавшие /с. 94/ их интересы, часто намеренно объединяли и пришедших грабителей, и местных восставших крестьян с тем, чтобы очернить действия последних и представить их в виде таких же разбойников, какими являлись многие перешедшие границу джелалии. Так и Аракел Тавризский без дифференциации, одной меркой меряет и пришедших джелалиев, и местных восставших. И известный список вождей джелалиев Аракела (Arakel de Tauriz 1874. P. 311)⁴⁹ нуждается в критическом отношении в сопоставлении с другими источниками. В этом списке встречаются как известные и из других источников лица вроде Кара-Языджи, Хусейн-паши, Каландар-оглы, так и ряд других, менее известных или вообще более нигде не упоминаемых. О всех них можно сказать, что Аракел собрал в одном списке всех известных ему вождей джелалиев, а возможно также и местных движений, даже без указания их хронологической последовательности. Наиболее любопытными в этом списке два имени — Кер-оглы и Гзир-оглы, его товарищ. Аракел не указывает ни времени деятельности этих лиц, ни места их действий, а только говорит, что это тот самый Кер-оглы, о котором ашуги поют песни, а Гзир-оглы — это его товарищ. Тем самым, Аракел отождествляет одного из руководителей джелалиев с известным героем азербайджанского народного эпоса, но Кер-оглы является также

---

⁴⁹ Другой список вождей джелалиев см. в: Жаманакагракан манр хатвац'нер 1956. С. 517.

героем и эпоса туркменского народа, который никакого отношения к джелалиям не имел. Поэтому для уяснения этого вопроса следует привлечь и другие источники. Несомненно, /с. 95/ что Аракел, писавший свою историю в третьей четверти XVII в., знакомый с народным азербайджанским эпосом и знавший о существовании вождей джелалиев с именами Кер-оглы и Гзир-оглы, счел их за героев народного эпоса. Если же обратиться к другим источникам, то они сообщают ряд любопытных сведений об исторических Кер-оглы и Гзир-оглы джелалиях. Например, одна из армянских хроник первой половины XVII в., более близкая к описываемому времени, нежели Аракел, упоминает о восстании Гзир-оглы джелалия в 1591 г. и говорит, что Гзир-оглы по национальности был курд (Григор Камахецу хмбаграц' жаманакагрут'йун 1956. С. 269). То же самое мы находим и у известного армянского историка Григора Камахеци (1576–1643), современника джелалиев (Григор Камахеци 1915. С. 32; цит. по: Лео 1946. С. 234). А в более поздней хронике Мартироса Халифы (кон. XVIII в.) под 1591 г. говорится о восстании Кер-оглы и Гзир-оглы вместе (Мартирос Халифайи жаманакагрут'йун 1956. С. 482; Йаруг'ин Халифайеан жаманакагир 1912. С. 124). Если сопоставить все эти сведения, то становится ясно, что в 1591 г. на территории Турции имело место восстание, во главе которого стали некие Гзир-оглы и Кер-оглы. Нам ничего неизвестно об их происхождении и даже трудно определить, какой характер носило это восстание, однако достоверно то, что в 1591 г. ни о каких джелалиях на территории Восточной Армении и Азербайджана ничего не было известно.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в начале XVII в. на территории Восточного Закавказья имели место ряд народных восстаний, которые более поздние хронисты причисляли к действовавшим в течение, возможно, нескольких лет /с. 96/ после 1606 г. на этой же территории разбитым в восточной Малой Азии и ушедшим в Иран отрядам джелалиев. Источники не позволяют в настоящее время точно отделить и разграничить эти две различных группы в каждом конкретном случае. О действиях джелалиев в Восточном Закавказье после 1608 г. источники ничего не говорят и даже самый этот термин ими не употребляется⁵⁰.

Ширванское восстание 1614 г. до сих пор нашло слабое отражение в исторической литературе. Ширван, окончательно присоединенный к Кызылбашскому государству лишь в 1538 г., в XVI в., наряду с Гилян, принадлежал к наиболее мятежным областям Сефевидской державы. На протяжении всего XVI в. здесь имели место народные, антифеодальные движения, наряду с которыми, часто своеобразно переплетаясь

---

⁵⁰ Закария Саркаваг говорит о джелалиях в турецкой (западной) Армении ок. 1630 г., но ничего не говорит о таковых в Восточной Армении или Азербайджане (Zakaria Diacres 1876. P. 48).

с ними, возникали сепаратистские восстания местной ширванской знати, часть которой в конце XVI в. перешла на сторону турок и помогла им укрепиться в Закавказье. Однако политика султанского правительства не всегда отвечала ее интересам, а опустошительные нашествия вассала султана крымского хана вызывали недовольство особенно в среде городской знати, тесно связанной с торговлей. В начале XVII в. большинство феодалов Ширвана отошло от турок и помогло Аббасу I утвердиться в северном Азербайджане. Для народных масс Ширвана утверждение владычества кызылбашей, сопровождавшееся грабежами, резней населения и, наконец, пс/с. 97/расселениями «непокорных» во внутренний Иран и южный Прикаспий, не принесло в эти годы никакого облегчения. В этих условиях крестьянство и городские низы выступили против добавочного феодального гнета со стороны кызылбашских феодалов. Что касается ширванской знати, то если Аббас I щедро расточал свои милости к городской знати Баку, Дербента, которая активно включилась в его борьбу с турками, то в отношении к другим ширванским светским феодалам он придерживался иной точки зрения. Не доверяя в массе местной знати, Аббас решил переселить в Иран и наиболее неблагонадежных ширванских феодалов. Это вызвало ответную реакцию в их среде. Таким образом, недовольны были эксплуатируемые низы и часть местных верхов. Непосредственным поводом для восстания явилось восстание в соседней Кахети в 1614 г. При известии о нем началось антикызылбашское движение в ряде округов северного Азербайджана, прилегающих к Грузии и Дагестану. Во главе восставших стали местные феодалы из числа тех, которые ранее держались турецкой ориентации и теперь предназначались к эвакуации в Иран. Из их среды вышли и руководители восстания — Малек-пири и Далу-Малек (Искандар-бийк туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 888). Однако основную массу восставших составляли ширванские крестьяне и кочевники, видевшие в кызылбашских феодалах своих добавочных притеснителей и угнетателей и потому объединившиеся временно с недовольными представителями местных феодалов против пришлых эксплуататоров и тех из местных феодалов, которые являлись сторонниками Сефевидов. Именно к последним и принадлежал тогдашний хаким города Ареша Мухаммед-Хусейн-султан, который по отцовской линии был представителем старинной ширванской знати, а /с. 98/ по матери был внуком Шахкули-халифе зультадара, бывшего мохрдаром (хранителем печати) при Тахмаспе I. Против этого верного сторонника шаха и направили свои силы восставшие. Город Ареш был осажден Далу-Меликом. Хаким, вышедший ему навстречу, был убит, и «имущество и собственность султана и газиев, находившиеся вне крепости, перешли во владение бунтовщиков» (Там же. С. 888). Уцелевшие мулязимы

(военные вассалы) Мухаммед-Хусейн-султана из кызылбашского племени зулькадар засели в крепости Ареша и несколько дней отбивались от восставших. Последние установили связь с восставшими в Кахети, направив послов к Теймуразу и другим руководителям кахетинцев (Там же. С. 888).

Взятие города Ареша явилось крупнейшим успехом восставших. Засевшие в крепости кызылбаши находились в очень затруднительном положении, когда пришла весть о том, что против восставших двигается большая шахская армия. Эта весть подняла дух у приунывших было кызылбашских воинов.

Аббас I, узнав о масштабах кахетинского и ширванского восстаний и понимая всю сложность создавшейся обстановки, отправил на их подавление большую армию во главе с Исфендияр-ханом овчи-баши (начальником шахской охоты). В состав этой армии входили: газиы кызылбашского племени арабкерлу, отряд туфенгчи, кызылбашские ополченцы южного Азербайджана и Карабаха и другие — всего 15 000 воинов. Исфендияр-хан направился в Кахети, где восстание представляло наибольшую опасность, но в битве с кахетинцами был наголову разбит, причем в сражении пали Мухаммед-хан зияд-оглы каджар, беглярбек Карабаха, и ряд других /с. 99/ именитых эмиров. Сам Исфендияр-хан с остатками своего войска заперся в тбилисской крепости (Там же. С. 891–893).

Поражение кызылбашей явилось тяжелым ударом для Аббаса I и грозило потерей всех закавказских владений. Блестящая победа над сильной шахской армией не только активизировала действия восставших грузин и ширванцев, но навлекла на кызылбашей опасность со стороны Османской Турции, которая не оставила мысли вновь отнять у Сефевидов Закавказье. И теперь, узнав о неудачах последних в Кахети и Ширване, великий визирь Мухаммед-паша со стотысячной армией осадил ереванскую крепость (Там же. С. 903–906). Все это заставило Аббаса I более серьезно оценить создавшуюся обстановку и, мобилизовав все возможные силы, подавить восстание и ликвидировать турецкую опасность. Для этой цели были собраны все военные силы центрального и южного Ирана. Сам шах стал во главе армии. Огромная кызылбашская армия разбила восставших в Кахети и оккупировала Кахети и Каргли, после чего захватчики занялись грабежами населения. Затем Аббас выступил против турок и заставил великого визиря снять осаду с Еревана и отступить в Диярбекир (Там же. С. 898–900, 910).

Тем временем Далу-малек, очевидно потесненный ширванскими феодалами, ободренными успехами шаха, отступил на территорию Кахети, где к ширванцам присоединились остатки войска Теймураза I и много крестьян (райятов) Кахети, которые и после бегства своего царя не хотели складывать оружие. Восстание вступило во второй этап своего

развития, для которого ха/с. 100/рактерна большая классовая дифференциация. Теперь, когда царь и крупные тавады Кахети, отчаявшись в успехе, отошли от движения, борьбу продолжали крестьяне, рядовые дружинники кахетинского войска и беглецы из Ширвана. Аббас, не надеясь, что восстание будет подавлено местными кызылбашскими гарнизонами и верными ему грузинскими феодалами во главе с царем Багра-том, послал в Кахети новую армию во главе со своим родственником и одним из влиятельнейших эмиров Иса-ханом курчи-баши (командиром гвардейского кызылбашского корпуса курчиев). Кызылбаши выжигали селения, истребляли мужчин и уводили в плен женщин и детей. Но отряды восставших, скрываясь в лесах и горах, наносили оттуда удары по карателям. Лишь путем жесточайших репрессий и массового уничтожения населения восстание было подавлено в 1615 г. Много грузин и жителей северных районов Ширвана были выселены в Мазендеран, часть восставших бежала в Западную Грузию (Там же. С. 912–913).

Результаты ширванского восстания сказались вскоре. Кызылбашские феодалы еще теснее сплотились с местными ширванскими феодалами, чтобы с их помощью держать в узде эксплуатируемые массы. И когда в 1632 г. Давуд-хан беглярбек Карабаха в союзе с Теймуразом I попытался поднять восстание против Сефевидов, то знать Ширвана, Карабаха и Чохур-саада (Ереванской области) отказала ему в поддержке, и он вынужден был бежать в Грузию (Искандар-бик туркемāн Муншй 1318/1900–1901. С. 115). /с. 101/

В том же 1615 г. восстание крестьян поднялось и в соседнем Карабахе. Это восстание было непосредственно связано с двумя предыдущими (кахетинским и ширванским), но имело и свои особенности. В Карабахе (за исключением районов, населенных армянами, где сохранились крупные армянские меликства) полностью господствовала кызылбашская знать. Отсутствие сильной местной некызылбашской знати, оппозиционно настроенной к Сефевидам, оказало свое влияние на характер возникшего в Карабахе восстания. Одной из непосредственных причин восстания явилось, вероятно, то обстоятельство, что в этом году Карабах являлся местом зимовки шахской армии, а в подобных случаях все кызылбашское воинство кормилось за счет населения местности, в которой оно располагалось. Восставшие райяты Мухаммед-хана зияд-оглы, хакима Ганджи, убили нескольких мулязимов (вассалов) хакима. Шах, находившийся в Карабахе, приказал после подавления восстания казнить 40 человек вождей его, а остальных, «которые не вызывали доверия», выслать в Мазендеран (Искандар-бик туркемāн Муншй 1376/1956–1957. С. 913).

Начиная уже с первого десятилетия XVII в., мы не встречаем в источниках упоминаний о народных восстаниях на основной территории

Азербайджана и Восточной Армении. Это не случайно и объясняется не только и не столько характером источников, которые обычно не проходят мимо подобного рода фактов, хотя и дают им соответствующее узко-классовое толкование. Объяснить это можно лишь общим улучшением экономического положения страны, уменьшением в первой половине XVII в. налогового обложения (Там же. С. 587; Миклухо-Маклай 1949), освобожд^е/с. 102/нием от налогов отдельных городов и местностей, общим оживлением экономики (см. гл. II, стр.⁵¹). Эти обстоятельства имели следствием, с одной стороны, увеличение связей с Сефевидами не только местных феодалов-землевладельцев-мусульман, на страже интересов которых стояло государство, но и армянского духовенства, меликов и купечества.

Недаром армянские хронисты и деятели XVII — начала XVIII в. так расхваливали эту эпоху (Zakaria Diacres 1876. P. 33, 75; Nassan Dchalalians 1876. P. 202). После войн, голода, грабежей конца XVI — начала XVII в. стало легче жить и крестьянству, хотя феодальная эксплуатация и гнет по-прежнему давали, конечно, себя чувствовать, и классовая борьба не прекращалась, хоть и проявлялась в иных формах. Характерно, что с 20-х гг. XVII в. и до конца столетия источники ничего не говорят о народных восстаниях на общегосударственных землях. Зато восстания вспыхивают на землях хассе, которые, по свидетельству источников (Tavernier 1677. P. 536–537; Chardin 1735. T. I. P. 308), подвергались в XVII в. наибольшей эксплуатации. Неслучайно, что именно в Гиляне, входившем в хассе, вспыхнуло большое восстание 1629 г. (Петрушевский 1951а). Восстания были в Исфаганском округе, также /с. 103/ относившемся к хассе (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 966) и, наконец, в районе Казвина. Они до сих пор не изучены.

Город Казвин расположен на самой границе этнического расселения азербайджанцев и иранцев. Население как самого города, так и его округа, являлось и в XVII в. смешанным. Хотя Аббас I и перенес центр государства в Исфаган, однако, и Казвин и Тебриз во многом сохранили свое бывшее значение, именовались столицами, и шахский двор и все правительство часто находились там. В XVII в. Казвин входил в хассе и управлялся даругой, который, как и даруга Исфагана, обладал очень большой властью. Эксплуатация райятов в округе Казвина была столь же жестокой, как и на остальной территории домена. В 1633 г. здесь началось крестьянское движение, сведения о котором имеются у Искендера Мунши (Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 83–85) и у другого историка XVII в., Мухаммед Юсуфа (Там же. С. 239–241). Движение это с самого начала приняло

---

⁵¹ Пропущено. — *Примеч. А. А.*

религиозную окраску. В 1633 г. в местечке Кяфур-Абад, около Казвина, появился некий дервиш неизвестного происхождения по имени Реза, выдававший себя за наместника бога на земле (наиб-е сахиб-оль-заман) и махди, т. е. спасителя. Его проповеди привлекли к нему большое число последователей, как азербайджанцев («тюрок»), так и иранцев («таджиков»)⁵². Источники не сообщают, какой /с. 104/ характер носили проповеди Резы, но, судя по тому, что они вызвали к нему враждебное отношение шахских властей и местных феодалов и собрали вокруг него большое число крестьян и кочевников, учение Резы находилось в оппозиции к официальной идеологии. Собрав большое число сторонников, в составе которых находился и отряд вооруженных конных кочевников племени Зенге, Реза вступил в г. Казвин, остановился перед дворцом даруги и стал требовать, чтобы тот вышел к народу. Даругой города в то время являлся Шахвердихан-бек туркеман, представитель крупной военно-кочевой знати Южного Азербайджана. Вызывая даругу, Реза, очевидно, намеревался изложить ему требования восставших. К сожалению, неизвестно, в чем эти требования заключались, но очевидно они пришлись не по душе даруге и другим правителям города, ибо, по словам Искандера Мунши, мулязимы даруги не разрешили ему «от избытка осторожности» выйти к народу. Сам Реза по не совсем ясным причинам занял крепость в Казвине и укрепился там, тогда как даруга и знать города послали гонцов к главам кочевников шахсенов с просьбой о помощи против восставших. Глава шахсенов Вали-султан со своей дружиной прибыл в Казвин, где вступил в вооруженное столкновение со сторонниками Резы и после небольшого сражения рассеял их. Часть восставших попала в плен, часть (конные кочевники) бежала. Сам Реза с группой своих сторонников засел в крепости, где его осадили шахсены. В конце концов, большинство восставших, в том числе и сам Реза, были убиты, небольшая же часть была захвачена в плен, победители отослали их вместе с /с. 105/ головами убитых к шаху в Исфаган. Так кончилось это восстание. Чрезвычайно любопытна в нем совместная борьба эксплуатируемых масс азербайджанцев и иранцев против своих общих угнетателей — кызылбашских феодалов. Восстание дервиша Резы отличается едва ли не большей среди всех движений в Кызылбашском государстве классовой дифференциацией, когда отчетливо выступают два лагеря — с одной стороны, крестьяне и рядовые кочевники, с другой стороны — военно-кочевая знать, городская знать Казвина и шахская власть. Несмотря на то, что нам неизвестна ни программа восставших, ни их конкретные требования,

⁵² А. Олеарий, голыштинский посол в Иране, сообщает, что число последователей Резы доходило до 30 000 человек: нам кажется, что он, однако, преувеличивает их число (Олеарий 1870. С. 616).

не остается сомнения, что восстание носило ярко выраженный антифеодалный характер, который ясен уже из такого резкого размежевания классовых сил. Религиозная оболочка придала этому движению характер «еретического», что говорит об оппозиции официальной шиитской идеологии, хотя источники не дают сведений об открытом выступлении восставших против духовенства.

Что же касается основных районов Азербайджана и Армении, то источники ничего не говорят о народных восстаниях там до самого конца XVII в. Однако это может означать лишь, что дело просто не доходило до открытых выступлений, тогда как противоречия между эксплуататорами и эксплуатируемыми проявлялись в других формах. Одной из таких форм было бегство крестьян. В Сефевидском государстве XVII в. не существовало крепостного состояния в той форме, в какой оно существовало, например, в Русском государстве. Но крестьяне были, тем не менее, прикреплены к своим селениям, к своему тяглу. Исследо/с. 106/вание А.Д. Папазяна показало, что в XVII в. в Сефевидском государстве действовал двенадцатилетний срок отыскания и возвращения беглых крестьян (Папазян 1954а. С. 342–343). Сильным средством прикрепления служила деревенская община (джамаат), которая к XVII в. превратилась, в сущности, в налогово-административный орган, который государство стремилось укрепить и сохранить. Крестьянин не мог уйти из общины и обязан был выплачивать соответствующую долю возложенных на общину налогов и повинностей в пользу государства или же земельного собственника. Должностные лица обязаны были не позволять крестьянам покидать землю и находить крестьян для тех мест, где их не было (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 72, 74 [перс. текст]).

Другой «мирной» формой классовой борьбы являлся отказ крестьян от уплаты налогов. Можно предполагать, что это случалось очень часто, тем более что даже среди дошедших до нас документов нередки жалобы владельцев и ответные указы правителей на неуплату райатами налогов. Так, в одном из документов Ереванского Матендарана, представляющем указ Аббаса I от месяца раби-оль-аввал 1015 г. х. (1606 г.) (Матендаран, Архив католикоса, д. № 31. Л. 1а [перс. яз.]) на имя калантара тумана Нахичеван, говорится, что райаты районов, прилегающих к Акулису, пользуются землями, расположенными по р. Вананд и другими местами, и не выплачивают акулисскому монастырю бахрече/с. 107/ (т. е. поземельную подать) с этих земель. Далее калантару предписывалось обеспечить через даругу этих мест регулярное поступление этих доходов в ведомство упомянутого монастыря и сверх того выплату монастырю крестьянами того, что они не заплатили в предыдущие годы. В другом фирмане Аббаса II от 1073 г. х. (1662 г.) говорится, что крестьяне некоторых округов Тебриза избегают платить

церковную десятину мутавалли (управителю) вакфа Гияс-ад-дину Камранбеку (цит. по: Lambton 1953. P. 113–114). А в фирмане от 1101 г. х. (1689 г.) то же самое говорится о некоторых вакфах в округе г. Маранда (Азербайджан) (Ibid. P. 115) и т. д. Шахские указы обращали на это внимание беглярбека Азербайджана и других должностных лиц и предписывали им обеспечить несение крестьянами их повинностей.

Наконец, распространенной формой борьбы с притязаниями феодалов являлись жалобы райатов общин ко двору местных беглярбеков и в Исфаган. Жалоб этих было много. Французский путешественник Ж. Шарден (60-е гг. XVII в.) писал, что в его время при дворе шаха было до 10 000 жалоб, многие из которых не имели надежды на разрешение (Chardin 1735. Т. I. P. 308). Жалобы могли подаваться различного вида: на чрезмерное обложение налогами, на самоуправство чиновников и владельцев земли, на захват феодалами общинных земель и т. п. Практический положительный исход они имели либо в том случае, если просящие подарками и иным спосо/с. 108/бом заручались поддержкой при дворе, либо если среди жалобщиков были влиятельные лица. Пример этому — инцидент в Ширване в 1073 г. х. (1662/67 г.), когда по жалобам населения Ширвана был снят беглярбек области Мухаммед-хан. Однако в этом случае жалоба была слишком уж основательная и жаловались не только крестьяне, но и мелики, т. е. землевладельцы-феодалы, также страдавшие от произвола беглярбека (см.: Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 53; Tavernier 1677. P. 352). Обычно же шах и беглярбеки становились на сторону землевладельцев. Так, Захарий Акулеци рассказывал, что в 10–12 км от Акулиса находилось село Цгна, которым владел некий Парсадан-бек, грузин по происхождению. Жители села, не выдержав бесчинств этого бека, направили делегацию в составе 7–8 человек в Исфаган с жалобой к шаху. Однако последний приказал их со связанными руками выдать Парсадан-беку, чтобы тот сам разобрал их дело, а на село наложить громадный штраф в 1000 туманов (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 103–104). Поэтому, посылая жалобы, крестьянские общины стремились заручиться поддержкой влиятельных лиц. Однако и это помогало далеко не всегда, а в начале XVIII в., при крайнем ослаблении центральной власти, местные беки не считались вообще с ее указами. Так, в одной из армянских хроник XVIII в. приводится характерный пример, относящийся к Нахичеванскому краю. Крестьяне одного из сел в 1719 г. пожаловались шахским властям в Тебризе на беков племени кенгерлу (кызылбашское племя, господствовавшее в Нахичеванском крае до присоединения его к России). Шах дал /с. 109/ указ о причислении села к хассе и назначил

---

⁵³ Пропущено. — *Примеч. А. А.*

в село даругу, но это не помогло. Кенгерлинцы в числе 600 человек ночью явились в село, сожгли церковь и разграбили село (Жаманакагракан манр хатвац'нер 1956. С. 524–525).

Крестьяне, не выдержав феодальной эксплуатации, уходили в «разбойники». В Закавказье это также был один из способов борьбы с феодальным гнетом. Даже в середине XVII в. дороги не были полностью безопасны. Голландский путешественник Я. Стрейс, например, во время своего следования через Закавказье несколько раз подвергался нападениям разбойников. В его время (70-е гг. XVII в.) особенно опасен был проезд в районе Дербента, где разбойников не могли уничтожить ни местный султан, ни специальные экспедиции из центра (Стрейс 1935. С. 242). В Сефевидском государстве, где крупные торговцы пользовались привилегиями, были введены жестокие наказания для уличенных в разбое. В некоторых провинциях разбойников живьем замуровывали в столбы по дорогам (Там же. С. 335), однако даже и это было мало эффективно.

В конце XVII в. шахское правительство, разорив доменные земли и все более нуждаясь в средствах, резко увеличило налоговое обложение в пользу центрального казначейства. Был введен ряд новых налогов и увеличены старые (Hassan Dchalalians 1876. P. 203–204). Задеты были и кочевые племена (Ibid. P. 204), ранее находившиеся в привилегированном положении. /с. 110/ Начиная с 1698 г., шахские сборщики налогов чуть ли не ежегодно совершали сверхординарные наезды в районы для сбора денег с населения. Даже со сравнительно небольшого села взыскивали до 400 туманов (ок. 4000 руб.) сразу (Жаманакагракан манр хатвац'нер 1956. С. 524). Обирались не только крестьяне, но и ремесленники и торговцы (Hassan Dchalalians 1876. P. 204). Современники (например, иезуит И. Крусинский) приводят факты, когда налогов собиралось в десятки раз больше, чем прежде. Так, город Ганджа должен был выплачивать матери шаха Хусейна 50 туманов в год, однако однажды за неделю с него взыскали в виде «штрафа» 300 туманов (Krusinski 1742. P. 83). Методы сбора налогов в Кызылбашском государстве никогда гуманностью не отличались. Еще Захарий Акулеци рассказывал, что когда в 1673 г. в Акулисе должны были собрать 1000 туманов для армянского католикоса, то в одну ночь повесили 35 человек и тем не менее смогли собрать лишь 350 туманов (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 91–92). В 1698–99 гг. была проведена дополнительная перепись податного населения с тем, чтобы никто не мог уже ускользнуть от глаз сборщиков налогов. Результаты всего этого не замедлили сказаться, и в ряде мест дело уже в эти годы дошло до открытых восстаний. В архиве Ереванского Матенадарана сохранился документ, датированный 1699 г. Из него видно, что в

этом году произошли восстания в городах Гандже и Шемахе, а также в Карабахской области. Причиной их являлся рост налогов и произвол властей. Беглярбеку Карабаха (таковым являлся в то время Калбали-хан зияд-оглы каджар) было поруче/с. 111/но расследование этого дела (Матенадаран, Архив католикоса, д. 2 б., док. № 131). Однако для шахского правительств такое положение было еще более ухудшено тем, что оно сумело поспорить и со своими союзниками в Закавказье — армянским духовенством, меликами и купечеством, которые теперь окончательно решили разделить свою судьбу от обанкротившихся Сефевидов. Католикос Есай прямо видел переломный момент во взаимоотношениях верхушки армянского общества с Сефевидами в конце XVII в. (Hassan Dchalalians 1876. P. 202–203). В Северном Азербайджане немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что в годы правления шаха Хусейна (1694–1722 гг.) Сефевиды вернулись к политике резких гонений на мусульман-суннитов, к которым и принадлежала значительная часть населения районов Шеки, Кабалы, Кубы. Начавшиеся гонения затронули и суннитов-феодалов Северного Азербайджана (Ibid. P. 208–209) и настроили их против шахской власти. С этим же можно связать известный отказ шахсевен на Мугани (значительная их часть была суннитами по религии) в 1717 г. принять присланного из Исфагани правителя (Зевакин 1929. С. 13). Таким образом, с самого начала XVIII в. обстановка в Закавказье сложилась неблагоприятно для Сефевидов. Были недовольны не только низы, но и верхи. События не заставили себя долго ждать. Пока армянские мелики и духовенство искали помощи на Западе, а затем в России, народные массы не дожидались этого и, как видно из вышеприведенных примеров, открыто выступили против эксплуататоров. Католический миссионер отец Жозеф Мари доносил в 1711 г. из Тебриза, что в этом году в Тебризе «была междоусобная борьба среди горожан, 3000 из которых восстали в то время в городе и напали на дворец губернатора...» (A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. P. 513). Русский посланник А.П. Волынский, проезжавший Тебриз в 1717 г., также писал о волнениях в этом городе (Зевакин 1929. С. 17). В северном же Азербайджане суннитское население, в том числе и феодалы, поддержали вторгшихся в 1711 г. в Азербайджан дагестанских горцев. В 1720 г., в ответ на новый поход на Гянджу Али-султана джарского, феодальные правители Северного Азербайджана решили совершить карательную экспедицию в горы, но были разбиты; в сражении погибли ханы Шемахи и Шеки, а Угурлу-хан ганджийский с трудом спасся (Hassan Dchalalians 1876. P. 207). В том же году дагестанцы вновь вступили в Ширван и подошли к Шемахе, которая была сдана им местными суннитами (Ibid. P. 210). Лишь в районе Карабаха им дан был отпор (Ibid. P. 213). Знать

же Ганджи в страхе призвала на помощь грузинского царя Вахтанга VI (Ibid. P. 213–214), который сам по приказу шаха и с титулом сардара направился в поход в горы (Brosset 1857. P. 37).

Восстания в Северном Азербайджане 1711–1722 гг. были очень сложными социально-политическими движениями. Основную движущую силу их составляли (для Азербайджана) местные крестьяне, страдавшие от налогового и религиозного гнета. Они боролись против крупных феодалов, как кызылбашских, так и местных. Именно таким актом антифеодальной борьбы явилось убийство восставшими Ахмед-хана Кубинского (Mahdi Khan 1770. P. IX; Reineggs 1807. Vol. I. P. 104) (правнуком этого Ахмед-хана был известный Фетх-али-хан кубинский (1758–1789 гг.)).

С другой стороны, руководившие движением дагестанские феодалы и часть местных азербайджанских феодалов, ставшие в оппозицию к Сефевидам, используя антифеодальную борьбу крестьянства и религиозные чувства азербайджанцев-суннитов, ставили перед собою цель образования отдельного от Ирана государства на территории Дагестана и Азербайджана под протекторатом Турции. С этой целью они всячески разжигали религиозную вражду между азербайджанцами-шиитами и суннитской частью азербайджанского населения, а также устраивали грабительские походы в Грузию и армянские районы Карабаха. Поэтому нельзя согласиться с В.Н. Левиатовым, пытающимся фактически сгладить противоречивость движений 1711–1722 гг. и отбрасывающего как не заслуживающие доверия факты грабительских действий дагестанских и североазербайджанских феодалов в Карабахе, Ширване и Грузии, приводимые Есай католикосом (Левиатов 1948. С. 72–74), тем более, что подобные же факты мы находим во всех без исключения источниках /с. 114/ XVIII в. (Мартирос ди Аракелу жаманакарут'йун А 1956. С. 430; Brosset 1857. P. 117; Гербер 1760. С. 223).

Дагестанские феодалы, вставшие во главе антикызылбашского движения, вступили в соглашение с турками, в ответ на что Вахтанг VI и армяне Карабаха, пострадавшие от набегов дагестанских феодалов, под угрозой турецкого нашествия прямо призвали на помощь Петра I, который использовал обстановку в Закавказье и Иране для присоединения к России Прикаспийских областей, богатых шелком. Турция, с которой на западных границах начались конфликты еще в 1712 г. (Давит' Балишецу жаманакарут'йун 1951. С. 304–305), теперь в союзе с Сурхаем казикумухским решила, с одной стороны, сама захватить Закавказье, а с другой стороны, не дать укрепиться там России. Турецкие войска вступили в Восточную Армению, где к этому времени сложилась очень сложная обстановка. Здесь уже с 1720–1721 гг. классовая борьба армянского крестьянства слилась с национально-освободительной борьбой, после того

как к движению примкнули и местные армянские мелики, из среды которых вышел руководитель движения Давид-бек. Объединение это первоначально произошло на основе совместной борьбы с местными азербайджанскими феодалами. В борьбе против глав племен отуз-ики (джеваншир), правителя Баргушата (Davith-Beg 1876. P. 231–240) и других были заинтересованы и армянские крестьяне, и феодальная верхушка, у которой были свои противоречия с мусуль/с. 115/манскими феодалами. В глазах же армянского крестьянства азербайджанские ханы были представители еще более чуждых ему кызылбашских феодалов. После же вторжения в Ереванскую область турок-осман (1724 г.) повстанцы Давид-бека развернули борьбу против них (Ibid. P. 244–251), заключив даже временный союз с сефевидским принцем Тахмаспом (Krusinski 1742. P. 131–132), до того неоднократно пытавшимся в союзе с азербайджанскими ханами безуспешно подавить движение (Davith-Beg 1876. P. 242).

И движение в Кафане являлось сложным социальным явлением. На его первом этапе (до 1724 г.) восставшие боролись с местными, азербайджанскими феодалами и поддерживавшем последних принцем Тахмаспом, правившем в Казвине и южном Азербайджане. Наряду с крестьянскими армянскими массами, в движение включились и местные армянские феодалы, стремившиеся превратить его из антифеодального восстания в чисто националистическое движение. Не случайно, армянские источники сообщают о грабеже азербайджанских селений, угоне скота и т. д. (Ibid. P. 242). Есть сведения, что некоторые представители верхушки армян (в г. Нахичеване) пытались даже связаться с турками, в борьбе против местных азербайджанских ханов (Hanway 1753. P. 194–195). Однако после вторжения турецких войск, взятия ими Еревана и резни там армянского населения, вставшего грудью /с. 115/ на защиту родного города (Архив армянской истории 1912. С. 131; Ананун Ванецу тарегрут'йун 1951. С. 371; Мартирос ди Аракелу жаманакагрут'йун А 1956. С. 433), кафанские повстанцы вступили в героическую борьбу с турецкими захватчиками, а их руководители сочли возможным даже заключить, как упомянуто выше, союз с принцем Тахмаспом Сефевидом против турок. В то же время часть азербайджанских феодалов Нахичеванского края и Карабаха соединилась с турками (Davith-Beg 1876. С. 244, 251).

Надир-шах, окончательно укрепившийся в Закавказье лишь после 1736 г., не доверял местной знати в целом, за исключением глав шахсевен и отчасти урмийских афшар. У многих местных феодалов были отняты их владения, и многие правители были заменены верной Надиру знатью из числа хорасанских афшар (о беглярбеке Ширвана Мухаммед-кули-хана афшар см.: Мухаммад Казим. Л. 167а; о правителе Азербайджана Амир-аслан-хана афшар см.: Там же. Л. 180а и т. д.). У Ганджийских беглярбеков зияд-оглы каджар Надир отнял часть тер-

ритории, которую передал либо Грузии, либо сделал самостоятельной (Мирза Адигезал-бек 1950. С. 47–48). Особенно же обострились у Надир-шаха отношения с местной знатью Азербайджана после гибели в горах Дагестана брата шаха Ибрагим-хана (1739 г.). Мнительный и подозрительный шах считал виновными в этом поражении азербайджанских феодалов. По приказу шаха были казнены крупный тебризский феодал Самад-бек (Мухаммад Казим. Л. 318а–318б), а затем 42 крупнейших представителя знати города Шемахи (Там же. Л. 320а); был ослеплен владетель Карачедага Казим-хан (Абу-л-Хасан Гулистанй 1359/1941. С. 162) и т. д. Тем самым Надир вооружил против себя даже местных феодалов, т. е. единственную часть населения Азербайджана, на которую он мог бы рассчитывать как на союзника. После 1740 г. большая часть феодалов Азербайджана, ранее на Муганском курултае поддержавших Надир-шаха⁵⁴, встала в открытую или скрытую оппозицию к нему. Именно потеря Надир-шахом доверия со стороны господствующих классов его державы, наряду со все более усиливающейся антифеодальной борьбой эксплуатируемых масс, привела к неудачам его во внутренней и внешней политике и к конечной гибели от рук своих же приближенных. Нам кажется, именно эта сторона недостаточно подчеркивается исследователями истории этого периода⁵⁵.

По нашему мнению, поэтому вряд ли правильно мнение И.П. Петрушевского, который видит основную причину отхода от Надир-шаха большей части феодалов в политике централизации, проводимой Надиром (История Ирана 1958. С. 325). Ведь такую политику он проводил с конца 20-х гг. XVIII в. и под ее знаменем добился изгнания афганцев и турок. Факты же источников свидетельствуют, что до самого неудачного похода Ибрагим-хана основная масса феодалов и в Закавказье, и в Иране поддерживала Надир-шаха. Известно, что в злополучном походе на Джар 1739 г. приняли участие и грузинские феодалы, и большинство ханов Азербайджана, а ганджийский Угурлу-хан, тот самый, который на курултае 1736 г. один из собравшихся выступил в защиту сверженных Сефевидов, погиб в этом походе (Brosset 1857. P. 53). Основную причину отхода феодалов от Надир-шаха следует искать скорее всего в том, что последние потеряли свою веру в то, что Надир сумеет обуздать антифеодальные движения, с одной стороны, и, с другой, в усилившихся репрессиях против них самих.

Поэтому и движения в государстве Надир-шаха после 1740 г. являются сложными движениями, в которых принимали участие и большинство

---

⁵⁴ Характерно, что феодалы той части Азербайджана, которая до 1735 г. принадлежала России, заблаговременно перешли на сторону Надир-шаха (Лерхе 1790. С. 52).

⁵⁵ Это характерно отчасти и для упомянутой выше работы: Ашрафян 1950.

представителей господствующих классов. В восстании Сам-мирзы 1743 г. участвовала значительная часть ширванской знати (Мухаммад Казим. Л. 320а, 327а), равно как и в думбулийское восстание 1744 г. включилась племенная знать (Ашрафян 1950. С. 200–201), а к восстанию в Сеистане счел нужным присоединиться даже родной племянник Надир-шаха (История Ирана 1958. С. 325).

В то же время основной движущей силой этих восстаний было крестьянство и горожане (в восстании 1743 г. активно участвовали жители Шемахи и Дербента, см.: Hanway 1753. P. 389; Mahdi Khan 1770. P. 158.). О массовости этих восстаний /с. 119/ говорит хотя бы тот факт, что при подавлении ширванского восстания 1743 г. было убито до 15 000 восставших (Hanway 1753. P. 377). Крестьянство же и городская беднота прежде всего боролись против невероятно усилившегося в последние годы правления Надир-шаха налогового гнета (Ашрафян 1950) и бесчинств кочевой военщины.

В связи с антифеодальными движениями первой половины XVIII в. следует обратить внимание еще на одну черту, свойственную и многим народным восстаниям более раннего периода. Речь идет о царистских взглядах восставших, такой же вере в «добраго царя», какая была присуща и русским крестьянам. Еще в XVI в. все ширванские восстания, в которых основной движущей силой было крестьянство, происходили под лозунгом восстановления власти свергнутых Сефевидами ширваншахов. В 70-х–80-х гг. XVI в. в Нуристане и в Тальше поднимались антифеодальные восстания, во главе которых стояли дервиши, принимавшие имя отравленного в 1578 г. шаха Исмаила II (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 275). После установления в 1722 г. в Иране господства афганцев во многих местах Ирана и Закавказья объявились мнимые Сефевидские принцы, поднимавшие восстания и собиравшие вокруг себя последователей, в том числе и из крестьянства и городских низов. По свидетельству известного мемуариста XVIII в. шейха Мухаммед Али Хазина, в 20-х гг. XVIII в. не менее 18 человек в разных концах страны объявили себя независимыми (Mohammad Ali Hazin 1831. P. 124). Характерно, что и крупнейшие антифеодальные дви/с. 120/жения в Закавказье при Надир-шахе происходили под лозунгами восстановления Сефевидов и во главе их стояли мнимые Сефевидские принцы. Таким было восстание в начале 40-х гг. XVIII в. в Азербайджане, иначе восстание первого Сам-мирзы, объявившего себя представителем свергнутой Надир-шахом династии Сефевидов. И во главе азербайджанского восстания 1743 г. стоял самозванец, также называвший себя Сам-мирзой, сыном свергнутого и убитого Надир-шахом Тахмаспа II Сефевиды (Ibid. P. 320). Принцем Сефевидом называл себя и инспирируемый Турцией самозванец Сефи-мирза, собравший вокруг

себя немало последователей в южном Азербайджане в 1744 г. (Ашрафян 1950. С. 194–195). Наконец, в самый год убийства Надир-шаха (1747 г.) вспыхнуло большое городское восстание в Тебризе, до сих пор даже не упомянутое в исторической литературе. Об этом восстании упоминается в трех источниках XVIII в.: в хронике Абуль-Хасана Голестане (Абу-л-Хасан Гулистāнӣ 1359/1941. С. 8), в грузинских летописях (Brosset 1857. Р. 120–123) и в сообщении кармелитской миссии из Тебриза (A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. Р. 656–657). Из более поздних источников упоминание об этом восстании имеется у П.Г. Буткова (1869. С. 248). /с. 121/

Сведения первых трех источников современны излагаемому событию и в принципе однотипны, лишь дополняя взаимно друг друга. Сообщение же Буткова во многом разнится от предыдущих и, скорее всего, является более поздней, переделанной на севере Азербайджана версией. Согласно наиболее подробно рассказу (в грузинской летописи Папуна Орбелиани), восстание началось в мае 1747 г., при жизни Надир-шаха и против него (Brosset 1857. Р. 120). Кармелитский архиепископ Сальвини в своем письме из Тебриза в августе 1748 г. писал, что восстание началось уже при наследнике Надир-шаха Адиль-шахе (A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. Р. 656). Однако, независимо от точной даты начала восстания, развернулось оно уже по смерти Надир-шаха. Во главе восстания стоял опять-таки самозванец Сам-мирза (Абу-л-Хасан Гулистāнӣ 1359/1941. С. 8) или Сам-шах (Brosset 1857. Р. 120). Настоящее его происхождение было, вероятно, неизвестно, и в XVIII в. Папуна Орбелиани называет его потомком древних государей (Ibid. Р. 120), но в данном случае скорее речь идет о том, что Сам-мирза так называл себя, тем более, что Голестане, отлично осведомленный о событиях этого времени, прямо говорит, что Сам-мирза был неизвестного происхождения (Абу-л-Хасан Гулистāнӣ 1359/1941. С. 8). Сам-мирза собрал вокруг себя большое число последователей из жителей Тебриза и объявил себя правителем города. Архиепископ Сальвини писал, что этому предшествовала «гражданская война» в городе. Из его же письма мы /с. 122/ узнаем, что волнения происходили и в Ереванской области, где правил полководец Надир-шаха Амир-аслан-хан (Brosset 1857. Р. 121). Восставшие, которых источники именует «народ Тебриза» («ахалийе Тебриз», «The people of Tabriz»), двинулись затем на север и осадили Ереванскую крепость, где засел Амир-аслан-хан. Сам-мирза пытался использовать в своих интересах вражду азербайджанских ханов с Грузией, однако это ему не удалось. Перед лицом народного восстания феодалы забыли свои распри и объединили свои действия. Бывший наместник Надир-шаха в Грузии Фетх-али-хан каджар, изгнанный сразу после смерти своего повелителя из Грузии Теймуразом II и его сыном Ираклием, взял на себя

задачу расправиться с восстанием. Фетх-али-хан оттеснил восставших к Тебризу, разбил их, а самого Сам-мирзу захватил в плен и отослал к Амир-аслан-хану, а тот переслал его в Грузию, где принц Ираклий, будущий Ираклий II, по свидетельству хроники очень обрадованный таким исходом дела, выколол Саму глаза (Ibid. P. 123).

Упомянутый архиепископ Сальвини писал, что подавлял восстание Амир-Аслан-хан, устроивший после победы большую резню жителей Тебриза (A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. P. 657).

Согласно версии П.Г. Буткова, руководитель восстания назывался Шахрох, по происхождению кузнец из города Кубы, выставленный кубинским Хусейн-ханом. Ни о каких активных действиях этого Шахроха вне Тебриза Бутков не упоминает и пишет лишь, что /с. 123/ Шахрох через месяц был убит «от Амир-Аслан-хана, азербиджанского генерал-губернатора, в исходе 1747 г.» (Бутков 1869. С. 248). Как уже сказано, более следует доверять трем предыдущим источникам, современному событию, тогда как версия Буткова, очевидно, была обработана позднее, во времена Фетх-али-хана кубинского, пытавшегося присоединить и южные ханства. Тем более, что в 40-х гг. XVIII в. небольшое Кубинское ханство не имело никакого влияния на южный Азербайджан.

После смерти Надир-шаха в Азербайджане и Восточной Армении началась беспощадная борьба местных ханов за гегемонию и господство в стране. В политической жизни Закавказья все большую роль начинает играть Грузия. Используя междоусобную борьбу азербайджанских ханов и претендентов в Иране, грузинские цари Теймураз II и Ираклий II в конце 40-х — в начале 50-х гг. XVIII в. добиваются подчинения себе Карабаха и Ереванского ханства. Полководец Надир-шаха Азад-хан, афганец из Кабула, долгое время владел южным Азербайджаном и в союзе с Фетх-али-ханом урмийским и Шахбаз-ханом хойским боролся с грузинскими царями за восточную Армению (Абӯ-л-Ҳасан Гулистāнӣ 1359/1941. С. 248). Грузия в борьбе с ханами Южного Азербайджана заключила союз с Панах-ханом карабахским, незадолго до того потерпевшим поражение в борьбе с Грузией за Ганджу, ханами Гянджи и Шемахи (Geschichte 1755. S. 87; Абӯ-л-Ҳасан Гулистāнӣ 1359/1941. С. 157) и карачедагским Казим-ханом. Длительные войны этих двух коалиций привели к опустошению Ереванской и /с. 124/ Нахичеванской областей (Brosset 1857. P. 161; Geschichte 1755. S. 83–85), резкому сокращению торговли (Brosset 1857. P. 161). Грузинская коалиция, более сильная, не смогла однако достигнуть решительного перевеса, хотя у нее были сторонники и на юге, а во время волнений в Тебризе в 1752 г. тебризцы призывали на помощь грузин против бесчинствовавших наемников Азад-хана (Geschichte 1755. S. 87). Город Акулис, торговый центр Закавказья, был razорен афганцами Азад-хана (A Chronicle of the Carmelites

in Persia 1939. P. 676), и множество армян вынуждено было эмигрировать в Турцию, много людей погибло от холода (Ibid.). С северо-востока Грузии угрожали аварский хан и Хаджи-Челеби текинский. В свою очередь, осетинские и ингушские князья помогали грузинским царям (Brosset 1857. P. 200). В конце концов, в 1757 г. Азад-хан был разбит Мухаммед-Хасан-ханом астрабадским и бежал в Турцию. Мухаммед-Хасан-хан, в свою очередь, прошел с огнем и мечом до Ганджи, но затем вынужден был отступить и в 1760 г. пал в битве с новым претендентом Керим-ханом зендом. Разоренная Ереванская область по договору с Керим-ханом осталась за Ираклием II (Ibid. P. 218). Подчинилась Грузии и Ганджа. Ханы Ереванский и Ганджийский были обложены Ираклием данью до 30 000 и 10 000 туманов, соответственно (Переписка грузинских царей 1890. С. 187). Дань /с. 125/ эта ложилась дополнительной тяжестью на население Ереванского и Ганджийского ханств. Поэтому не удивительно, что на территории Восточной Армении и северо-западного Азербайджана в 60-х–80-х гг. XVIII в. поднимается ряд восстаний, направленных против Ираклия II. Ханы же Ереванский и Ганджийский в ряде случаев пытались использовать и направить борьбу крестьян и горожан в выгодном для них направлении с целью освобождения от зависимости от Ираклия II. Ираклий II являлся, как известно, выдающимся политическим деятелем, много сделавшим для освобождения Грузии от иноземного ига, последовательно проводившим ориентацию на Россию, понимая, что только с ее помощью Грузия сможет устоять в тяжелой борьбе со своими врагами. Но Ираклий II был одновременно и типичным феодальным правителем, стремившимся при возможности самому захватить соседние территории. Кроме того, постоянно нуждаясь в средствах, он стремился достать их любыми способами, и поэтому дань с вассальных азербайджанских и Ереванского ханств была для него немаловажным подспорьем, без которого он не смог бы содержать свои наемные войска и оказался бы в полной зависимости от грузинских тавадов. На народные же массы Армении и Азербайджана дань Ираклию II ложилась нелегким добавочным бременем.

Одним из ранних восстаний против Ираклия II было Ганджийское восстание 1760 г. Ираклий II поставил в Гандже своего ставленника Шахверди-хана зияд-оглы, который обязался и, надо полагать, добросовестно взыскивал с горожан 10 000 туманов в казну грузинского царя. В 1760 г. в Гандже произошло восстание населения. Шахверди-хан был убит своим слугой в согласии с /с. 126/ повстанцами, а сыновья Шахверди-хана бежали к Ираклию II. Последний с войсками овладел Ганджой и посадил там старшего сына Шахверди-хана Мухаммед-Хасан-хана (Brosset 1857. P. 237). В 1778 г., когда ганджийская знать по своему желанию сменила хана, Ираклий II в союзе с карабахским

Ибрагим-ханом вновь овладел Ганджой. Победители посадили туда своего ставленника и подати с города и округа разделили между собой (Ibid. P. 245). Но уже в 1785 г. ганджийцы, восстав, прогнали представителей Ираклия II и Ибрагим-хана, а ганджийская знать, использовавшая восстание в своих интересах, опять нашла себе подходящего ей хана из той же фамилии зияд-оглы каджар. Однако и на этот раз Ираклий и Ибрагим-хан с помощью ханов племени шамсадинлу овладели городом и поставили своего нового ставленника Джавад-хана (Ibid. P. 252).

Такое же положение создалось и в Ереванском ханстве, правители которого назначались и утверждались Ираклием II (Ibid. P. 219). В 1767 г. восстали курды Ереванской области и отказались платить дань грузинскому царю. С этой целью они решили уйти из пределов ханства за Аракс, но около горы Арапат были настигнуты Ираклием и возвращены на прежние места (Brosset 1857. P. 219). Столь же неудачным было и второе курдское восстание 1769 г. (Ibid.). Но самым значи/с. 127/тельным было ереванское восстание 1779–1780 гг. Ереванский Хусейн-хан, надеясь на поддержку хойского хана и Турции, использовал недовольство населения добавочными налогами и отказался официально платить дань. В ответ на это Ираклий явился с большой армией, разбил отряды ереванского хана, тщетно ожидавшего помощи из Турции и с юга, и в отместку подверг область ужасному разгрому. Армянские источники рисуют картину страшного разрушения и грабежа. По данным современной хроники, армия Ираклия (состоявшая в значительной степени из наемников, всегда падких до грабежа) разорила всю страну, в Грузию были уведены пленными до 30 000 жителей и до 100 000 голов скота (Мартирос Халифайи жаманакагрут`йун 1956. С. 494). Не помогло и личное вмешательство католикоса Симеона (Богданов 1813. С. 53). Армяне целыми семьями бежали в Турцию, но Ираклию удалось выманить их оттуда обратно, и они подверглись общей участи. Кроме «селения Вагаршапата и еще нескольких ближайших к Эчмиадзину деревень, заключившихся для безопасности в крепости монастыря, — писал современник этого события, — все прочие были сожжены или разорены; имение разграблено; бедные и богатые отведены пленными в Тифлис и разделены Ираклием между его князьями» (Там же. С. 54). Такую же картину рисуют и другие современные источники (Архив армянской истории 1912. С. 145–146; Ouosk`herdjan 1818. P. 13–15). Кроме того, с ереванского хана (а практически с тех же крестьян и горожан) было взыскано в виде штрафа 4000 туманов. Деньги были взяты и с католикоса (Brosset 1857. P. 225). /с. 128/

В 1786 г. произошло восстание в Нахичеване, который после смерти Карим-хана зенда (1779 г.) также был подчинен Грузии. Жители прогнали Калб-али-хана, ставленника Ираклия, бежавшего к своему

сюзерену. По приказу царя ереванский хан с приданным ему грузинским отрядом выступил против Нахичевана. Восставшее жители вступили в сражение с ним, но были разбиты, и в Нахичевани вновь утвердился Калб-али-хан (Ibid. P. 252).

Наконец, в том же 1786 г. кочевники племен казах и шамсадинлу попытались откочевать с территории, подвластной Ираклию, в Карабах, но были возвращены и вновь обложены данью (Ibid. P. 253).

Что же касается сильнейшего в Западном Азербайджане Карабахского ханства, то оно еще в начале 60-х гг. XVIII в. после поражения Панах-хана карабахского в войне с Грузией вошло в сферу влияния грузинских царей. Панах-хан признал себя как и все прочие ханы Азербайджана вассалом Керим-хана (Абӯ-л-Ҳасан Гулистāнӣ 1359/1941. С. 341; Ризā-Қулий-хāн Хидайāt 1274/1856. С. 29; АВПр, ф. перс. д. 13. Л. 68), но практически векиль не вмешивался в дела ханств, расположенных к северу от Аракса (за исключением Нахичеванского, которое как ясно из документов, непосредственно подчинялось Керим-хану).

После смерти Керим-хана (1779 г.) упрочился союз Ибрагим-хана карабахского с Ираклием II, направленный против аварских феодалов и Фетх-али-хана кубинского (Бурнашев 1793. С. 13–14). Союз этот существовал до /с. 129/ конца 80-х гг. XVIII в., когда, по выражению грузинской хроники, Ибрагим-хан «забыл благодеяния Ираклия II» и стал вести самостоятельную политику. (В частности, такой перелом во взаимоотношениях Карабаха и Грузии объяснялся позицией, занятой Ибрагим-ханом во время восстания шамсадинлу в 1789 г.). Однако «забывший благодеяния» Ибрагим-хан был слишком сильным владельцем. и поэтому грузинский царь вступил в переговоры со старым своим и карабахского хана врагом Фетх-али-ханом кубинским, а также с ханом Шеки, намереваясь общими силами расправиться с Ибрагим-ханом. Был схвачен и Джавад-хан ганджийский, пытавшийся с помощью Ибрагим-хана освободиться от зависимости от Грузии. Но болезнь и смерть одного из главных участников созданной коалиции — Фетх-али-хана помешали осуществлению этого плана (Brosset 1857. P. 254).

В отличие от северо-западной части Азербайджана и Ереванского ханства, история которых во второй половине XVIII в. была тесно связана с историей соседней Грузии, южные ханства Азербайджана (Хойское, Урмийское, Карачедаг, Тебризское, Ардебильское) были в другом положении. Политическое положение этих ханств определялось той сложной обстановкой, в которой они оказались после распада государства Надиршаха. На севере интересы южно-азербайджанских ханов сталкивались с интересами Грузии, и коалиция Азад-хана тебризского, в которую входили большинство владельцев южного Азербайджана, была в конце 40-х — в начале 50-х гг. XVIII в. наиболее серьезным противником

грузинских царей. С востока южноазербайджанским ханствам постоянно угрожали сильные каджарские ханы Астрабада, а с юга зендские ханы, глава ко/**с. 130**/торых Керим-хан после смерти Надир-шаха, в свое время переселившегося племя зендов в Хорасан, вернулся со своим племенем в район Фарса и начал успешную борьбу за власть с главами бахтиар, текелю и байят Фарса, а затем, после разгрома последних, с ханами центрального Ирана, южного Азербайджана и каджарами Астрабада (Абу-л-Хасан Гулистанӣ 1359/1941. С. 127–128, 145–161 и сл.). И, наконец, с запада южному Азербайджану постоянно угрожала Турция, никогда не оставлявшая надежды захватить Азербайджан. Поэтому политическая история южного Азербайджана во многом определялась интересами его четырех упомянутых соседей. Внутри же самой страны по-прежнему не было условий для прочного объединения. Борьба велась в основном между отдельными группировками феодальной военно-кочевой знати, господствовавшей в стране. Знать же кочевых племен являлась «своей» лишь для округа своего племени.

В самом большом ханстве южного Азербайджана, Тебризском, в 50-х гг. XVIII в. укрепился Азад-хан, опиравшийся на наемное войско из афганских племен, совершенно чуждых Азербайджану; грабительские действия этих наемных отрядов принесли стране лишь разорение и опустошение. Поэтому не только основная масса населения, но даже городская знать и купечество, всегда заинтересованные в объединении страны, не видели в Азад-хане человека, подходящего для этой цели. Что касается местных владетельных ханов из других кочевых племен, то они готовы были поддержать Азад-хана и вообще кого угодно, когда дело касалось войны /**с. 131**/ с Грузией, но становились его врагами, как только дело касалось их личных владений. Такова была обстановка в южном Азербайджане, когда Керим-хан зенд, разгромив своего главного противника Мухаммед-хасан-хана каджара, убитого своими же вассалами, вступил в южный Азербайджан и сравнительно легко покорил его. Объяснялось это, прежде всего, тем, что население Азербайджана, измученное войнами и грабежами наемников Азад-хана, не оказало никакого сопротивления Керим-хану. Последний же умело использовал обстановку, сложившуюся в Азербайджане. Характерна тактика, которую проводил Керим-хан при завоевании южного Азербайджана. По приказу Керима его войска поголовно истребляли афганскую часть армии Азад-хана, тогда как пленные из числа местных кочевников отпускались на свободу. Например, после решительного поражения Азад-хана по приказу Керим-хана были отпущены кочевники афшары, входившие в состав ополчения Азад-хана, а афганцы поголовно вырезаны (Там же. С. 267). Тем самым Керим-хан выступал как бы в роли освободителя от афганских наемников, со времен Надир-шаха грабивших страну.

После захвата южного Азербайджана Керим-хан сохранил владения почти всем местным владетелям, признавшим себя его вассалами, сохранив внутреннюю самостоятельность ханств, обязанных лишь выплачивать ему ежегодную дань⁵⁶ и лишив их самостоятельности во внешней политике. Период правления Керим-хана был для южного Азербайджана связан с временным прекращением междоусобных войн, оживлением торговли и улучшением экономического положения страны. С Ираклием II грузинским Керим-хан заключил договор, согласно которому, последний признал номинальную власть правителя Ирана над Восточном Арменией и Северо-западным Азербайджаном, но с другой стороны, Керим-хан как бы признал Ереванское, Гянджийское и Карабахское ханства находящимися в сфере влияния грузинского царя (Brosset 1857. P. 218). В дальнейшем между Керим-ханом и Ираклием существовали мирные отношения, основанные, главным образом, на угрозе обем государствам со стороны Турции (Ibidem. P. 218–2358; АВПР, перс. ф., д. 17. Л. 171; д. 479. Л. 111–112).

В тоже время Керим-хан принял в Ширазе противника Ираклия царевича Александра и держал его в качестве возможного претендента на грузинский престол (АВПР, перс. ф., д. 479. Л. 111–112). После смерти Керим-хана зенда (1779 г.) его государство распалось и южноазербайджанские ханы стали вновь самостоятельными. Наиболее сильный из них, умный и энергичный Ахмед-хан думбули хойский (1765–1786) попытался объединить южный Азербайджан. С помощью тебризской городской знати Ахмед-хан в 1785 г. присоединил к своим владениям богатейшее тебризское ханство и стал сильнейшим ханом Азербайджана (Бурнашев 1793. С. 22–25). В своей политике Ахмед-хан пытался найти себе союзников. С этой целью он склонялся в русское подданство (Грамоты и другие исторические документы 1902. С. 43), а с другой /с. 133/ стороны, имея под боком Турцию, заигрывал с пограничными пашами. Во время ереванского восстания 1779–1780 гг. Ахмед-хан толкал Хусейн-хана ереванского на сопротивление Ираклию II, но обстановка на южных и восточных границах Хойского ханства помешала Ахмед-хану оказать помощь ереванскому хану. После смерти Ахмед-хана его объединение распалось.

Особое положение в системе азербайджанских ханств второй половины XVIII в. занимало Шекинское ханство⁵⁷, в состав которого

---

⁵⁶ Например, Ахмед-хан хойский, владевший при Керим-хане округами Салмаса, Хоя и Маранда, выплачивал Керим-хану 12000 туманов в год (Надир-Мирзā 1323/1905–1906. С. 171).

⁵⁷ Поскольку основные особенности политической истории северо-восточных ханств Азербайджана (Кубинско-Дербентского, Шемахинского и Бакинского) изложены во вводной части настоящей главы, мы ограничимся в настоящем разделе, ссылкой на нее, см. стр. 41–54.

входили северные (суннитские) районы Азербайджана и несколько горских округов. Опираясь на союз с вольными обществами Дагестана и аварскими ханами, владетели Шеки оставались независимыми и от Ираклия II и от Кубинского ханства, а иногда переходили к наступательным действиям в Ширване и Кахети. Шекинское ханство в итоге оказалось менее разоренным, нежели Ширван или Карабах; к концу XVIII в. г. Нуха (Шеки) и его округ становятся одним из наиболее экономически развитых районов Азербайджана.

К началу 90-х гг. XVIII в. Азербайджан и Восточная Армения оказались раздробленными на ряд самостоятельных ханств, разной величины и различной политической ориентации. Неудача попыток объединения, предпринятых Ахмед-ханом хойским на юге и Фетх-али-ханом кубинским на севере, еще раз наглядно показали объективную невозможность объединения азербайджанских ханств своими силами. События 90-х гг. XVIII в., связанные с нашествием кад/с. 134/жарского шаха Ага-Мохаммеда, когда часть владетелей южного и северного Азербайджана, в том числе ханы Ганджийский и Дербентский, исходя из своих личных интересов, перешли на сторону нового завоевателя, показали еще раз, что местные феодалы готовы были, если это им было выгодно, всегда перейти на сторону врага своего народа. Нам кажется, большой ошибкой является стремление некоторых наших историков искать возможных спасителей азербайджанского народа в тех или иных местных ханах, более или менее ориентировавшихся на Россию. Нельзя закрывать глаза на то обстоятельство, что все они преследовали прежде всего личные интересы, интересы своего ханства, которым подчиняли всю свою политику. Практически ориентация на Россию даже наиболее дальновидных и деятельных из них вроде Фетх-али-хана кубинского вызывалась стремлением использовать русскую помощь для захвата соседних земель. В то же время внутренние условия и внутренняя политика того же Фетх-али-хана ничем не отличалась от политики других восточных феодалов, да и не могла отличаться, ибо она диктовалась потребностями владетельных беков, в принципе по своей социальной сущности ничем не отличавшихся от феодалов Турции, Ирана, Средней Азии, и при благоприятных условиях тот же Фетх-али-хан мог бы уподобиться по последствиям своей деятельности тому же Ага-Мохаммеду каджару. Вместе с тем, усиление экономических связей с более развитым Русским государством вызывало тяготение областей Закавказья к России, усиливало ориентацию части населения, наиболее связанной с экономикой (в частности торговокупеческих слоев) к присоединению к России. Исторические документы и факты наглядно подтверждают это. В пользу этого /с. 135/ говорят факты отсутствия сопротивления русским войскам во время их экспедиций в Закавказье, массовая эми-

грация в Россию, в том числе и из владений Фетх-али-хана кубинского (АВПР, перс. ф., д. 13 (1763–1767). Л. 93–96)⁵⁸. Любопытно в этом отношении одно из донесений русским властям на Северном Кавказе от 21 сентября 1770 г. Автор его, чиновник Филатов, характеризуя обстановку, существовавшую в Закавказье, и в частности, во владениях Фетх-али-хана кубинского, писал: «подлые народы (т. е. простой народ. — А. Н.) ожидают с нетерпением (прибытия русских. — А. Н.) и все желают быть подданными России, а знатные, хотя слышат то с некоторым прискорбием, однако же и к сопротивлению никаких приготовлений не имеют» (АВПР, перс. ф., д. 17 (1767–1774 гг.). Л. 256).

Из этого документа, составленного во время русско-турецкой войны, видно, какие слои населения искренне обращали свои надежды к России и чем руководствовались феодалы. Подобного же рода сведения имеются и в других источниках (Гмелин 1771. С. 24). Истинное же отношение даже царских властей к «преданности» азербайджанских ханов России прекрасно выразил еще С.Д. Бурнашев в 80-х гг. XVIII в., когда писал, что владения Фетх-али-хана кубинского ближе всех других к России и поэтому он боится лишиться своих владений. «Сии страхи, — писал Бурнашев, — производят противные в нем между собой вол/с. 136/нения, по первому проникает он к турецким проискам, по второму страха ради наказания уверяет сильно о своей прибрежности к России (подчеркнуто нами. — А. Н.). Вообще всех адредиджанских ханов отдаление и близость к границам обеих империй за исключением вторых причин есть истинная мера их расположения» (Бурнашев 1793. С. 7).

Поэтому, хотя царское правительство и преследовало в своей политике колонизаторские цели, тем не менее объективно присоединение Закавказья к России было прогрессивным и обусловленным актом. В то же время не феодалы и местные ханы являлись выразителями насущных потребностей народов Закавказья. В пользу этого говорит факт бегства многих закавказских беков после присоединения ханств к России в Иран. Поэтому нам кажется, нет никакой необходимости в идеализации азербайджанских феодалов — беков, выражавших узкоклассовые интересы своего сословия.

---

⁵⁸ Документ представляет переговоры по поводу возможного переселения в русские пределы 3000 жителей Дербентского ханства; переговоры велись тайно от Фетх-али-хана.

Сделаем краткие выводы.

1) В начале XVII в. Азербайджан и Восточная Армения вновь вошли в состав Сефевидского государства. Последнее, почти распавшееся к 80-м гг. XVI в., было восстановлено на основе более широкой социальной базы и временно укреплено посредством создания домена, в состав которого вошло до $\frac{1}{3}$ всех земель государства.

2) Сефевидское государство XVII — начала XVIII в. являлось таким же непрочным государством как и ранее. Отличие от XVI в. состояло в том, что теперь центральная власть опиралась не /с. 137/ только на знать кызылбашских племен, но и на феодалов прочих кочевых племен, ее поддерживали местные иранские, азербайджанские, армянские и грузинские феодалы, а также крупное купечество.

3) Власть Сефевидов в Закавказье основывалась на союзе их с местными верхами, существовавшем до конца XVII в.

4) В связи с временной централизацией и прекращением разорительных войн в XVII в. улучшилось экономическое состояние страны.

5) Поэтому, начиная со второй трети XVII в., классовая эксплуатация масс проявляется не в форме активных антифеодальных выступлений, каковые имели место в предыдущий период (наиболее яркий пример — Казвинское восстание 1633 г.), а в своих «мирных» формах (отказ от уплаты налогов, бегство, уход в «разбойники»).

6) Дальнейшее развитие феодальных отношений, приведшее к укреплению феодальной собственности, усилению феодального сепаратизма и распаду домена, а также нарушение союза центральной власти с господствующими классами своего разноплеменного государства приводят к распаду Сефевидской державы.

7) В конкретных условиях первой трети XVIII в., с ухудшением положения непосредственных производителей, усилением религиозного гнета и крахом союза между правящими кругами Закавказья и Сефевидами, в Азербайджане и Восточной Армении поднимаются движения, сложные по своему социальному составу и по программе и требованиям его участников. В период борьбы с вторгнувшимися османскими войсками они приобретают характер национально-освободительной борьбы. /с. 138/

8) В государстве Надир-шаха большинство местных феодалов, вначале поддерживавших нового шаха, с начала 40-х гг. XVIII в. отходит от него и становится к нему в открытую или тайную оппозицию. Это было связано, главным образом, с тем, что эти феодалы потеряли веру в то, что Надир сможет подавить антифеодальные движения, а также с его неудачами во внешней политике.

Однако, после гибели Надир-шаха феодалы (и местные, и кызылбашские) совместными усилиями подавили народные восстания.

9) Положение и состояние полунезависимых ханств второй половины XVIII в. в значительной мере определялись междоусобной борьбой ханств, в которую вмешивались грузинский царь, ханы Ирана, Турция и дагестанские владетели. Основу феодальной раздробленности составляла усилившаяся с начала XVIII в. экономическая децентрализация страны, натурализация хозяйства и укрепление крупной феодальной собственности. В стране не сложилось условий для прочного самостоятельного объединения.

10) Длительные междоусобные войны ханов и усиление феодального гнета привели к ряду больших антифеодальных восстаний. /с. 139/

ГЛАВА II. ГОРОДА АЗЕРБАЙДЖАНА И ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ В XVII–XVIII вв. (ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ)

§ 1. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII–XVIII вв.

а) Типы городов

В XVII–XVIII вв. на территории Азербайджана и Восточной Армении существовало всего около четырех десятков городов. Все они являлись экономическими (торговыми и ремесленными) центрами — одни в рамках всей Кызылбашской державы (Тебриз, Ереван, Шемаха, Гянджа, Акулис), другие в рамках местных областей (Нахичеван, Баку и др.). В источниках этого времени собственно под городом (армянское *khağakh* — *քաղաք*, фарс.-аз. «шехр» شهر), подразумеваются крупные поселения, являвшиеся не только ремесленными и торговыми центрами, но одновременно обязательно и административно-политическими, а иногда и военными центрами. Наряду с термином شهر для обозначения таких городов употреблялись термины 1) балад بلاد, 2) بلادе балада — последний термин, в современном фарсидском языке означающий «городок» в источниках XVII–XVIII вв. применялся не только к небольшим городам, но и к крупным экономическим и полити/с. 140/ко-административным центрам⁵⁹.

Наряду с городами этого типа, в XVII–XVIII вв., как и в более ранний период, на территории Восточного Закавказья было немало торгово-ремесленных поселений, в экономическом отношении зачастую игравших

⁵⁹ Термин этот в применении к городам Ордубаду и Нахичевану см. в: Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 506, 510, 465. Но там же этот термин применяется в отношении к городу Шемахе, центру Ширвана. Тот же термин [применялся] в отношении города Тебриза (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 308, 513) и города Ганджи (Мухаммад Ма'сум. Л. 123).

более значительную роль, нежели города первого типа, но не являвшихся административно-политическими центрами. Возникали они, как правило, из обычных сельских поселений (аз. *канд* «кенд», арм. *գիւղ* *гюг*) в результате развития их как торговых и ремесленных центров. В источниках города такого типа обозначаются терминами *гюгакһаґакһ* — арм. *գիւղաքաղաք*⁶⁰ или перс.-аз. *قصبه*, мн. ч. *قصبات* «касаба»⁶¹, собственно «местечко». Исторически многие крупнейшие города Закавказья прошли путь развития от подобного рода местечек. Например, Шемаха, политический и экономический центр Ширвана, в XIV в. также являлась «касаба» (Hamd Allāh Mustawfī Qazwīnī 1915. P. 92). И в рас/с. 141/сма-триваемый период можно проследить подобный же процесс. Например, известный город Акулис, который уже в середине XVII в. являлся крупнейшим торговым центром не только в рамках Закавказья, но и в масштабах всей Кызылбашской державы, городом — *քաղաք* в источниках называется лишь с начала XVIII в. (Энтир патмут'ивн Давит' Бёгин 1871. С. 45). Другой пример — Зенджан в южном Азербайджане. В XVII в. в источниках он обозначается термином «касаба», а к началу XIX в. это был большой по тому времени город с 15 000 населения (Gardane 1809. P. 42). В середине XVII в., т. е. в период наибольшего за рассматриваемый отрезок времени экономического расцвета областей Кызылбашского государства, в Азербайджане и Восточной Армении имелось большое количество селений («кенд» — *کند*) с населением в несколько тысяч человек, с базарами и каравансараями. Так, турецкий путешественник этого времени Эвлия Челеби (1611–1679) сообщает, что в округе города Мараги (южный Азербайджан) было ок. 560 деревень (*کند*), подобных большим городам, с мечетями, постоянными дворами (*خان*), банями, рынками (*چارشى*) и базарами (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 269). Тот же источник упоминает село Фаррух-зар (*فرح زار*), в округе Шемахи с 500 домами, мечетью, баней, постоянным двором и небольшим рынком (*سوق مختصرى*), село Аксу в округе Шемахи с 1000 домов. Во всем же Ширване имелось до 200 сел, подобных *قصبه*, с мечетями, банями, рынками (Там же. С. 293–294). /с. 142/

В XVIII в., особенно в период существования в Закавказье полунезависимых ханств, известны случаи, когда местные феодалы-сепаратисты избирали центром своего владения ранее существовавшее сельское поселение, превращая его в административный центр, и возникший таким

⁶⁰ *Գիւղաքաղաք* Карби в Ереванской области — см.: Зак'ареа Саркаваг 1873. С. 171; о *գիւղաքաղաք* Астапате (Нахичеванский край), крупном торговом центре, см.: Абрамян 1941. С. 31.

⁶¹ О *قصبه* Зенджан см.: Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 662, 929. О *ريكال قصبه* (Рикал) с 3000 домов в округе Шемахи см.: Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 298; там же о *كوره قصبه* (Кура) в пределах Дагестана.

путем город становился также и экономическим центром данной округи. Так возникли в XVIII в. города Куба и Шуша. Показательна в этом отношении история восстановления Шемахи. В 1734 г. Надир-шах совершенно razорил этот город, а жителей его переселил на новое место, названное Новой Шемахой. После смерти Надира один из знатных феодалов Ширвана, Меме-Саид, владетель многих деревень, заселил развалины старой Шемахи крестьянами из своих деревень, сделал ее центром своих владений, и позднее был утвержден Керим-ханом зендом в должности хана (Гмелин 1771. С. 90–91). Так возник наряду с Новой Шемахой и город Старая Шемаха.

б) Краткий исторический обзор городов Азербайджана и Восточной Армении в XVII–XVIII вв.

Ниже мы перечислим с кратким историческим обзором все известные нам города, существовавшие в Азербайджане и Восточной Армении в XVII–XVIII вв. Города перечислены по принадлежности их к тому или иному беглярбекотву XVII в.

I. Азербайджан

1. Тебриз. Крупнейшим городом Азербайджана в XVII–XVIII вв. был Тебриз (арм. Таврез, Тавриз — *Թաւրիզ*). Тебриз является сравнительно молодым /с. 143/ городом Азербайджана. Во всяком случае, еще арабские и персидские географы X в. упоминают о нем в числе небольших городов (Караулов 1901. С. 5; Ĥudūd al-‘Ālam 1937. P. 142). Однако уже в XIII в. Тебриз стал самым значительным городом Азербайджана и столицей монгольских ильханов. В XV в. он являлся резиденцией государей чернобаранной и белобаранной династий, а в 1501 г. основатель Сефевидской династии Исмаил I, овладев Тебризом, сделал его столицей (دار السلطنة) своего государства. Столицей Тебриз считался и после перенесения шахской резиденции в 1548 г. в г. Казвин и даже в XVII в., наряду с Исфаганом и Казвином⁶². В XVI в. Тебриз уступал по числу жителей только Герату (Don Juan 1926. P. 39–43)⁶³ и, возможно, во второй половине XVI в. Казвину (Ibid. P. 39–43). В конце XVI в. в нем было

⁶² Во всех персидских источниках XVII в. эти три города называются «дар-ас-салтане» — столица.

⁶³ Дон Хуан, обиснанившийся [перешедший в исна‘аширитский ши‘изм — Примеч. А. А.] кызылбаш из племени байат, приводит численность всех крупнейших городов Кызылбашской державы, однако цифры эти далеки от действительности. Достаточно сказать, что по его данным в Герате было 4 500 000 жителей (в Тебризе 360 000). Поэтому данные дон Хуана применимы лишь для сравнительной оценки численности городского населения XVI в.

ок. 100 000 жителей (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 307). В 80-х гг. XVI в. город сильно пострадал от нашествия османских войск, встретивших мужественное сопротивление со стороны жителей Тебриза. В XVII в. Тебриз по количеству населения, экономическому и политическому значению уступал /с. 144/ лишь Исфагану. Французский путешественник XVII в. Шарден считал, что в Тебризе было 550 000 жителей (Chardin 1811. Р. 327). Однако эта цифра несомненно сильно преувеличена, как и вообще почти все подобного рода данные, сообщаемые путешественниками того времени. Сведения о численности населения европейские путешественники получали чаще всего либо от частных лиц, либо сами на глаз приблизительно оценивали численность населения того или иного города. Скорее всего, и в XVII в. в Тебризе было не более 100 000 жителей, что соответствует в общем и численности домов в городе, приводимой тем же Шарденом. Домов же по его сведениям в этом городе было ок. 15 000. Если предположить, что в среднем на дом приходилось по 5–6 человек⁶⁴, то при наличии 15 000 домов, население города составило приблизительно 100 000 человек. Наиболее полное описание Тебриза имеется у турецкого путешественника середины XVII в. Эвлия Челеби (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 246–268). В то время основная часть города, собственно город — شهر была окружена стеной, которая имела в окружности 6 000 шагов. Ко времени Челеби, стена была разрушена (во время войн конца XVI — начала XVII в.) и, несмотря на попытки при Аббасе восстановить ее, очевидно полностью восстановлена не была. В XVII в., однако, еще существовали шесть городских ворот (دروازه) (Там же. С. 246).

Город делился на 9 больших округов (махалов) (Chardin 1811. Р. 321). В центре Тебриза находилась большая площадь, на которой турки в конце XVI в. выстраивали для боя 3 000 человек (Ibid. Р. 326).

В Тебризе в XVII в. было 160 дервишских обителей, 20 бань, 47 медресе, до 200 (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 250–251), а по другим данным до 300 каравансараев (Chardin 1811. Р. 322), ок. 600 школ (مکتب طغلان) (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 250). Тебриз являлся крупнейшим торговым центром, куда сходились торговые пути с юга, востока, севера и запада. По свидетельству англичанина Д. Фрайера, Тебриз в XVII в. был центром торговли шелком для всей северной части Кызылбашского государства (Frayer 1915. Р. 15). Город вел в XVII в. торговлю со всем Ираном, Турцией, Средней Азией, Россией, Индией и через Черное море, Россию и Турцию со странами Центральной, Западной и Северной Европы до Швеции (Chardin 1811. Р. 328). Богатейшими купцами в Тебризе были были армяне (Tavernier 1681. Р. 47).

---

⁶⁴ Такое количество душ на двор принималось в среднем в конце XVIII — начале XIX в. (Броневский 1823. С. 60).

В Тебризе в XVII–XVIII вв. было несколько больших базаров. Лучший из них был построен еще в XV в. Узун-Хасаном белобаранным и назывался «кайсерийе» — императорский (Chardin 1811. P. 322). Согласно Эвлия Челеби он имел четверо ворот, закрывавшихся на ночь (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 251) /с. 146/

Тебриз в XVIII в. являлся центром производства драгоценных тканей (اقمشه فاخره), шелковых одежд (ثياب حرير) (Там же. С. 254), сафьяна (du Mans 1890. P. 343). По свидетельству Эвлия Челеби, таких красильщиков, портных, мастеров по золоту (زرگر), как в Тебризе не было нигде (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 254). Но особенно славился Тебриз своим шелкоткацким и хлопчатобумажным производством. Шелк привозился в основном из соседнего Гиляна, а хлопок был местный, азербайджанский⁶⁵. В 60-х–70-х гг. XVII в. в городе перерабатывалось 6 000 тюков хлопка в год (Chardin 1811. P. 237–238). Большую роль в экономике города играло садоводство, а также огородничество и отчасти зерновое земледелие (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 254). Тебриз сам снабжал себя фруктами и овощами⁶⁶. Хлеб же, и особенно рис, ввозился из других районов Азербайджана и Гиляна (Белл 1776. С. 70).

Крупнейшим городом Азербайджана Тебриз оставался и в XVIII в. Проезжавший через него в 1717 г. русский послан/с. 147/ник А.П. Волынский отмечал, что в его время это был большой город до пяти верст в длину на одну версту в ширину (Зевакин 1929. С. 17). Численность населения Тебриза в первой половине XVIII в. была приблизительно та же, что и в XVII в. Описания современников дают основание считать, что и в XVIII в. (Cerceau 1740. P. 26) Тебриз оставался по-прежнему экономическим центром южного Азербайджана. В одном из анонимных описаний Тебриза первой четверти XVIII в. указывается, что город славился своим производством шелковых и хлопчатобумажных тканей, и число ткачей в нем было большим, нежели представителей других ремесел (Der allerneueste Staat 1725. S. 314).

В другом описании первой половины XVIII в. перечисляются эти же виды производства и добавляется, что ежегодно в Тебризе перерабатывалось до 10 000 тюков шелка (Pithander 1738. S. 708). Это говорит о том, что несмотря на жестокие войны и нашествия того времени, экономическая жизнь города не прекращалась. Французский дипломат второй половины XVIII в. Ферьер-Совбеф также писал, что и в его время (80-е гг.

⁶⁵ О развитии хлопководства во многих районах Азербайджана упоминали Эвлия Челеби (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 236–237, 254, 277, 287, 297), Адам Олеарий (Олеарий 1870. С. 738) и др.

⁶⁶ Это было присуще большинству городов Среднего и Ближнего Востока. Даже такой огромный город как Стамбул не составлял исключения (Новейшие исторические 1828. С. 50).

XVIII в.) Тебриз оставался центром торговли шелком, в нем процветали шелковые мануфактуры, «рынки содержались в хорошем состоянии и лавки были полны товаров всякого рода» (Ferrières de Sauvebeuf 1790. P. 3). Тем не менее, разорительные войны XVIII в. и связанный с ними упадок производительных сил и торговли в стране не прошли бесследно. К началу /с. 148/ XIX в. сократилась численность населения и размеры города. Путешественник Г. Друвиль отмечал, что остатки старых стен находились теперь в 2–4 милях от города (Друвиль 1826. С. 58). Численность населения Тебриза составляла 50 000 жителей (Jaubert 1821. P. 158).

2. Ардебиль — древнее Тебриза. В X в. он уже был самым большим городом Азербайджана (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 3), а анонимная персидская география X в. называет его столицей страны (Hudūd al-‘Ālam 1937. P. 142). Во время монгольского нашествия в XIII в. он, подобно большинству других городов, был разрушен, и население его было почти полностью перебито (Рашид-ад-дин 1946. С. 308). В XIV в. Ардебиль стал центром духовного феодального княжества шейхов Сефевидов. В особом, привилегированном положении он оставался и в XVI–XVII вв. Гробница основателя Сефевидской династии шейха Сефи-ад-дина уступала по своим богатствам лишь мазару Имам Резы в городе Мешхеде (Петрушевский 1947). В XVII–XVIII вв. Ардебиль играл большую роль в торговле страны. Будучи расположен на пути транзита шелка из Гиляна и Ширвана в Тебриз и далее в Иран, Ардебиль получал от этого большую выгоду (Tavernier 1677. P. 61). Поэтому и ардебильские /с. 149/ купцы были известны далеко за пределами Азербайджана. Ардебильский майдан (Олеарий 1870. С. 583) был одним из оживленнейших рынков в стране. Среди населения города в XVII в. значительный процент составляли армяне, имевшие в городе свой особый квартал (de Bruin 1718. P. 173). Армянское население было переселено в Ардебиль в 1604 г. Аббасом I из Восточной Армении (A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. P. 116; Zakaria Diacres 1876. P. 15).

В отличие от всех остальных городов Азербайджана, Ардебиль не был непосредственно затронут войнами и бедствиями конца XVI — начала XVII в. и поэтому даже в 1604 г. он мог удивлять проезжавшую через него кармелитскую духовную миссию своей населенностью и хорошим видом (A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. P. 116). Вообще же, по числу своих садов Ардебиль стоял на одном из первых мест в Азербайджане; город буквально утопал в садах (Evliya Çelebi 1949. S. 79). О численности населения Ардебилля мы не имеем никаких данных, хотя известно, что он в XVII в. был больше Шемахи (Олеарий 1870. С. 583) и уступал лишь Тебризу. Расположенный далеко от границы, Ардебиль не имел крепости или каких-либо укреплений (della Valle 1745. P. 126; Котов 1852. С. 5).

Свое значение как центра торговли шелком Ардебиль сохранил и в конце XVII в. (Ferrières de Sauvebœuf 1790. P. 4). /с. 150/

3. Марага — один из древнейших городов Азербайджана. Уже в X в. это был большой город, уступавший по величине лишь Ардебилу (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 5; *Ḥudūd al-‘Ālam* 1937. P. 142). В XVII в. в Мараге сидел султан, подчинявшийся тебризскому беглярбеку. В городе было 7160 глиняных домов, 11 мечетей, 40 постоялых дворов (ханов), 40 дервишеских текке, 11 бань и до 3000 дукканов (лавок ремесленников и мелких торговцев) (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 269). Марага была известна как центр ткацкого производства (Там же. С. 268).

4. Хой — в XVII–XVIII вв. находился во владении у наследственных глав курдского племени думбули, в XVII в. именовавшихся султанами (Там же. С. 277), а в XVIII в. ханами. После смерти Надир-шаха, усилившиеся хойские ханы (Шахбаз-хан, а с 1765 г. Ахмед-хан) стали одними из сильнейших ханов Азербайджана. В XVII в., по данным Эвлии Челеби, в Хое было до 7 000 домов (ок. 40 000 жителей) и до 1000 дукканов (Там же. С. 277). Город сильно пострадал от турецкого нашествия в 1724 г. (Архив армянской истории 1912. С. 131). Во второй половине XVIII в. численность населения его уменьшилась. В начале XIX в. она составляла ок. 5000 человек (Gardane 1809. P. 33).

5. Урмия — уже в X в. была большим городом (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 5; *Ḥudūd al-‘Ālam* 1937. P. 143). В рассматриваемое время играла значительную роль в жизни Южного Азербайджана. В XVII в. это был цветущий город, изоби/c. 151/люющий садами, с 8 мечетями, 6 медресе, 3 текке, 40 школами для детей (*sebyan mektebi*) и 1 баней (Eвлиya Çelebi 1949. S. 71). Управлялся в XVII–XVIII вв. ханами из племени афшар, кочевья которых расположены в этом районе. В середине XVIII в. хан Урмии Фетх-али-хан был одним из сильнейших в Азербайджане.

6. Тесви (Тесвидж) — в XVII в. большой город (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 242; о нем упоминает и Адам Олеарий: Олеарий 1870. С. 700), подчинявшийся султану Маранда, с 3000 домов, 7 мечетями, 3 банями и 6 ханами (постоялыми дворами) (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 242). В XVIII в. не упоминается в источниках.

7. Маранд — в X в. был небольшим городком как и Тебриз (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 5; *Ḥudūd al-‘Ālam* 1937. P. 143). В XVII в. это был большой город с 3 000 домов, 7 мечетями, 3 ханами, 5 банями и 600 лавками (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 242). Во второй половине XVIII — начале XIX в. являлся сравнительно небольшим городком, отличавшимся от большинства других городов Азербайджана своей чистотой и изобилием зеленых насаждений (de Kotzebuë 1819. P. 123).

8. Уджан — один из древнейших городов Азербайджана (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 270), в X в. был небольшим городом местного значения (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 5). В XVII в. — большой город с 3000 домов, 7 мечетями, 3 банями, 7 караван-сараями (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 270). Население города и его округи занималось хлопководством и обработкой хлопка (Там же. С. 269). В XVIII в. в /с. 152/ источниках не упоминается.

9. Кахран — كهروان. В XVII в. большой город со старинной крепостью, с 7000 домов, 7 банями, 11 ханами и 800 лавками. Город славился садами, каллиграфами, производством тканей и производством покрывал (چارشب). В XVIII в. в источниках не упоминается.

10. Бастан — بهستان. В округе Хоя, в древности был большим городом, но в XVII в. упоминается Эвлия Челеби в числе маленьких городков (بلاده صغيره) с 1000 домов, 3 мечетями, 1 ханом, 1 баней, небольшим рынком, с многочисленными садами (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 271–272). В XVIII в. в источниках не упоминается.

11. Зенджан в XVII в. был небольшим городком типа «касаба» قصبه (Там же. С. 278). В начале XVIII в. русский посланник А.П. Волынский, проезжавший Зенджан, охарактеризовал его как «худую деревню», тогда как другой участник его посольства отмечал, что в этом городе имелся «презрядный рынок» (Зевакин 1929. С. 18; Белл 1776. С. 76). Во второй половине XVIII в. Зенджан растет и к началу XIX в. становится одним из крупнейших городов Южного Азербайджана с 15 000 жителей. Город славился своим производством парчи (Gardane 1809. P. 42).

12. Чорс — в XVII в. был одной из сильнейших крепостей в Азербайджане. В городе было до 7000 домов, 11 мечетей (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 278). /с. 153/

13. Шуркели — شورکلی — город в Южном Азербайджане в районе Хоя, по свидетельству Эвлия Челеби, некогда был большим и известным городом, но к XVII в. потерял свое значение, хотя по прежнему считался городом и управлялся особым султаном. В городе имелась мечеть, хан, баня и небольшой рынок سوق مختصری (Там же. С. 279–280). В источниках XVIII в. не упоминается.

14. Султание — в XVII в. довольно большой город с 6 000 жителей (Олеарий 1870. С. 608). Как и многие другие города внутренней части страны, не имел укреплений (della Valle 1745. P. 61; de Bruin 1718. P. 177). Упадок города начался уже в конце XVII — начале XVIII в. А.П. Волынский, проезжая Султание, отмечал, что в его время это был город с 1500 домов, значительная часть которых пустовала (Зевакин 1929. С. 18).

Тем не менее, в начале XVIII в. это был еще большой город, расположенный на караванной дороге из Тебриза на юг, с 10 караван-сараями и базаром (de Bruin 1718. P. 177). Район Султание славился как

центр хлопководства (Ibid. P. 178). Затем город, по-видимому, сильно пострадал от междоусобий и войн XVIII в., а также от резкого сокращения торговли с Северным Азербайджаном, Грузией и Гилянном в середине XVIII в., во время войн коалиции южноазербайджанских ханов с Грузией и ее союзниками на севере. И в дальнейшем, на протяжении всей /с. 154/ второй половины XVIII в. состояние торговли Южного Азербайджана и северо-западного Ирана с территориями к северу от Аракса постоянно зависело от умения местных ханов ладить друг о другом. Все это привело к тому, что к началу XIX в. в Султанье осталось не более 80 обитаемых домов (Gardane 1809. P. 42).

15. Салмас — один из древнейших городов страны (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 5; Ḥudūd al-‘Ālam 1937. P. 143). В XVII–XVIII вв. совместно с Хоем являлся центром владений глав племени думбули. Судя по данным начала XIX в., основная масса жителей его состояла из армян и курдов-несториан (Подробное описание Персии 1839. Ч. II. С. 43).

16. Миане — известен из арабских источников с IX–X вв. (в форме Мианедж (ميانج) встречается у Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 4). В XVII–XVIII вв. был городом средней величины.

17. Шебистер (Чебистер), по-видимому, в XVII–XVIII вв. был небольшим городком типа «касаба». В конце XVIII — начале XIX в. в нем было ок. 100 домов. Основным занятием жителей было хлопководство и виноградарство (Gardane 1809. P. 35), а также производство ковров и торговли (Подробное описание Персии 1839. Ч. II. С. 43).

Кроме этих городов в южном Азербайджане был, особенно в XVII в., ряд других городков типа «касаба», о суще/с. 155/ствотворении которых можно лишь предполагать на основании описаний Эвлия Челеби, Адама Олеария и некоторым другим.

II. Ширван

В данном случае мы относим к Ширвану и ту часть Северного Азербайджана, которая в XVI в. именовалась Шеки, но затем вошла в состав Ширванского беглярбекства. В XVIII в. в него входили ханства Дербентское (частично), Кубинское, Шекинское, Шемахинское, Бакинское.

1. Шемаха — упоминается в форме Шемахие (شماخيه) у арабских географов IX–X вв. (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 15). Однако в XVI в. это был небольшой городок типа «касаба» (Ḥamd Allāh Mustawfī Qazwīnī 1915. P. 92). Хамдуллах Казвини (XIV в.) относил основание Шемахи к сасанидским временам (Ibid. P. 92).

В XV в. Шемаха становится экономическим и политическим центром Ширвана. Этому немало способствовало то обстоятельство, что Шемаха была расположена в центре шелководческих районов Ширвана, и

сам город являлся крупным центром по переработке шелка, а также по сбыту его в другие области Закавказья, Ирана и зарубежные страны. В 1604 г. во время взятия Шемахи войсками Аббаса I город сильно пострадал, т. к. часть шемахинской знати ориентировалась на турок и помогала им. По свидетельству кармелитских миссионеров, проезжавших Шемаху вскоре после этого события, войска Аббаса I вырезали всех защитников верхней шемахинской крепости, расположенной на горе над /с. 156/ основной частью города, не пощадив ни детей, ни женщин, а сам город после шестимесячной осады (*A Chronicle of the Carmelites in Persia* 1939. P. 114–115) был буквально сравнен с землей. Вскоре после этого город был вновь восстановлен, хотя и без ремонта укреплений, и сделался центром большого Ширванского беглярбекства. Город был отстроен и опять стал крупнейшим торговым и промышленным центром Ширвана. Русский купец Ф.А. Котов, проезжавший Шемаху в 1623 г., писал, что основная хозяйственная часть города («посад» и «гостинные ряды», т. е. торговая площадь) была за пределами городских укреплений («города»). Всего во времена Котова в Шемахе было 7 караван-сараяев, в которых торговали купцы азербайджанские и персидские («тезичи»), армянские, русские и др. (Котов 1852. С. 4). К 30-м гг. XVII в. город был полностью восстановлен. Согласно Адаму Олеарию (30-е гг. XVII в.), Шемаха состояла из двух больших частей, меньшая из которых (северная) по его оценке равнялась г. Лейпцигу (в Саксонии). В южной части города был большой базар с крытыми улицами. На базаре было 2 «окладочных дома» (караван-сарая), в одном из которых находились большей частью русские купцы, а в другом — дагестанские («черкесы»). Последние вели в то время главным образом торговлю рабами. В городе было 6 мечетей и 3 бани (Олеарий 1870. С. 553–555). По данным Эвлия Челеби, в Шемахе было до 7 000 домов, большая часть которых была построена из глины, 7 медресе, 40 детских школ и 7 бань (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 296). /с. 157/

Шемахинские медресе в XVII в. считались одними из лучших в государстве (наряду с медресе Исфагана, Шираза, Ардебиля, Мешхеда, Тебриза, Казвина, Решта и Кума — Олеарий 1870. С. 814). Город Шемаха, как и большинство других городов, был весь в садах (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 296). В 1666 г. город сильно пострадал от большого землетрясения, во время которого погибло много людей и была разрушена большая часть зданий (Исаһак вардапетти жаманакагрут'йун 1951. С. 303). Но уже через 3–4 года Шемаха была восстановлена в прежнем виде (Стрейс 1935. С. 245). Свое значение Шемаха сохраняла и во второй половине XVII в. Описание шемахинского базара К. Брюна говорит о том, что в начале XVIII в. Шемаха была городом с развитым ремеслом и торговлей, которая производилась на нескольких городских

базарах. Базары были крытые и делились на несколько рядов каждый (de Bruin 1718. P. 152–153). В 1711 г. Шемаха впервые подверглась нападению горских феодалов и сильно пострадала от него. Тем не менее, еще в втором десятилетии XVIII в. Шемаха являлась большим городом. А.П. Вольтер (1717 г.) считал, что она составляла около двух верст в длину и версту в ширину (Зевакин 1929. С. 17). Другой член русско-го посольства Вольтерского, И. Белл в своем описании Шемахи отмечал, что город и в его время был важнейшим центром торговли шелком и хлопком. Шелк закупали в большом числе представители английских и голландских факто/с. 158/рий, находившихся в Исфгани и отправляли в Европу, в основном через Алеппо (Bell 1787. S. 96). В другом описании Шемахи того же времени также говорится, что в городе шла оживленная торговля шелковыми и хлопчатобумажными тканями, а также коврами, золотыми и серебряными тканями (Pithander 1738. S. 705–706). В обмен на эти товары русские купцы сбывали в Шемахе цинк, медь, свинец, различные меха (Ibid. S. 705–706).

Гораздо более серьезные последствия для экономики города имело второе взятие Шемахи горскими феодалами в 1720 г. Город подвергся страшному разгрому. Особенно пострадали местные и приезжие купцы, тем более что к горцам, в рядах которых были и повстанцы северных районов Ширвана, присоединилась и часть местного населения, и совместно с пришельцами учинила разгром купеческих дворов и караван-сараяев (Hassan Dchalalians 1876. P. 210–211). Были разгромлены и шемахинские фабрики (Гербер 1760. С. 222–223)⁶⁷. После этого разгрома город захирел. К тому же внешнеполитические события 20-х гг. XVIII в. способствовали тому, что резко сократилась внешняя торговля. После 1720 г. Шемаха попала под власть турецких ставленников Давуд-хана и Сурхай-хана, которые истожили Шемаху налогами, а к армянскому и еврейскому населению города применяли особые меры, унижавшие человеческое достоинство (Гербер 1760. С. 304). Раз/с. 159/дел Закавказья между Турцией и Россией в 1724 г. также неблагоприятно отразился на положении страны и Шемахи в частности, тем более что при обострении отношений с Турцией русские власти накладывали запрет на вывоз хлеба из районов, отошедших к России, в Шемаху (Там же. С. 215). В дальнейшем, в 1734 г., Надир-шах, овладев Шемахой, разорил ее до основания, а оставшихся жителей переселил на расстояние восьми часов езды на новое место, и назвал это поселение Новой Шемахой (Abraham de Crète 1876. P. 309). Новая Шемаха вскоре превратилась в большой торгово-ремесленный центр и уже в середине 40-х гг. XVIII в. была богаче Дербента и Баку, т. е. стала первым городом Ширвана (Hanway

---

⁶⁷ О подобных «фабриках» см. ниже, [с. 244–247].

1753. Р. 386). Вскоре после смерти Надира была восстановлена и старая Шемаха⁶⁸. В 1761 г. хан Старой Шемахи Меме-Саид захватил с помощью знати города и Новую Шемаху. Через несколько лет Шемахинское ханство было захвачено Фетх-али-ханом кубинско-дербентским, а в 1769 г. последний разрушил Новую Шемаху, а жителей перевел в Старую. Одной из важнейших причин этого поступка была боязнь восстаний в этой части Ширвана (Гмелин 1771. С. 94). Несомненно, что в одном городе Фетх-али-хану было легче уследить за возможными возмущениями и не было необходимости держать два сильных гарнизона в двух больших городах. Однако и положение Ста/с. 160/рой Шемахи было тяжелым. После нескольких восстаний в городе, Фетх-али-хан переселил часть жителей в Дербент и Кубу, оставшуюся же часть населения, обложил огромными неурегулированными податями (Там же. С. 97–99). Знаменитая шелкоткацкая промышленность Шемахи, возродившаяся даже после разгрома города Надир-шахом, теперь была практически уничтожена и лучшие ремесленники бежали в Тебриз (Там же. С. 101–102). Могушественное купечество города, стоявшее в оппозиции к новому властелину, было подвергнуто репрессиям (Там же. С. 96–97). В городе ок. 1770 г. было немного более 1000 семей (Там же. С. 96). Проф. Гмелин, побывавший в эти годы в Шемахе, отмечал, что в город почти перестали приезжать иностранные купцы (Там же. С. 101), тогда как прежде в Шемаху приезжала торговцы из Турции, Грузии, Ирана, России, Индии. Однако политика Фетх-али-хана в отношении Шемахи, как и почти все его начинания, потерпела крах. После смерти этого хана (1789 г.) Шемаханское ханство вновь стало самостоятельным и Новая Шемаха опять заселилась, в 1795 г. в ней было до 10 000 жителей (Подробное описание Персии 1839. Ч. II. С. 36)⁶⁹, тогда как Старая Шемаха, разоренная Фетх-али-ханом и в первой трети XIX в. была в развалинах (Подробное описание Персии 1839. Ч. II. С. 38). Что же касается шелкоткацкой промышленности Ше/с. 161/махи, то она оставалась в упадке и в начале XIX в. (Броневский 1823. С. 432).

2. Дербент — دربند (Баб-аль-абваб باب البواب , دمیرکپو — Демиркапу) один из древнейших городов Закавказья, расположенный на старом пути, соединявшем области Предкавказья со странами, расположенными за Главным Кавказским хребтом. В X в. Дербент был больше крупнейшего города Азербайджана, Ардебилля, и славился производством полотняных тканей (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 11; Ḥudūd al-‘Ālam 1937. Р. 145). В последующие века он переходил из рук одних завоевателей к другим, ибо тот, кто владел этим городом, владел

⁶⁸ Выше, см. [с. 143].

⁶⁹ Согласно С. Броневскому, в начале XIX в. в Новой Шемахе было 4000–5000 жителей (Броневский 1823. С. 432).

дорогой в Закавказье. Древняя дербентская крепость являлась самой мощной системой укреплений в Закавказье. В начале XVII в. Дербентом с помощью знати города овладел Аббас I и поставил в нем кызылбашский гарнизон. Дербент в XVII в. служил основным опорным пунктом Сефевидов по отношению к Дагестану. Но в XVII в. Дербент играл роль и крупного торгового центра. Сюда приезжали для торговли русские, среднеазиатские и даже китайские купцы, и дербентская портовая таможня давала значительный доход казне (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 310–311). Торговля велась в основном шелком и рабами, которых поставляли из Дагестана (Стрейс 1935. С. 236). В 1722 г. перед угрозой нашествия дагестанских феодалов и их покровителей турок, главы Дербента сдали город войскам Петра I. После гибели Надир-шаха в Дербенте первоначально утвердился местный Мухаммед-Хусейн-Хан, но в нача/с. 162/ле 60-х гг. XVIII в. городом овладел с помощью местной знати соседний кубинский Фетх-али-хан. После этого Дербент становится вторым центром его владений, и в источниках Фетх-али-хан нередко именуется просто дербентским ханом (АВПР, ф. перс., д. 15 (1765–1796). Л. 4, 5, 40; Абӯ-л-Ҳасан Гулистанӣ 1359/1941. С. 161). Дербент, как и Куба, занимал особое, привилегированное положение в государстве Фетх-али-хана, и дербентская знать была верной опорой этого правителя, поддерживая его во всех его мероприятиях (Абӯ-л-Ҳасан Гулистанӣ 1359/1941. С. 162–163). Поэтому Дербент в 70-х–80-х гг. XVIII в. растет, и население его увеличивается. В 1796 г. в Дербенте было 2189 домов, имелся монетный двор, 15 мечетей, 6 караван-сараяв, 450 лавок, 30 шелковых фабрик, 113 хлопчатобумажных фабрик и 50 «разных мастерских лавок». Жителей в городе было ок. 10 000 (Бронеvский 1823. С. 337–338), т. е. Дербент превосходил в это время по численности населения все остальные города Северного Азербайджана. По национальному признаку население Дербента делилось на азербайджанцев (большая часть) и армян (Там же. С. 338). Можно предполагать, что часть населения города составляли таты (горские евреи).

3. Баку — как сравнительно небольшой городок в районе нефтяных источников упоминается у географов X в. (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 25; *Ḥudūd al-‘Ālam* 1937. P. 145). В XV–XVI вв. Бакинская крепость была одной из сильнейших в Закавказье (Искандарбик туркемāн Муншӣ 1376/1956–1957. С. 27). В начале XVII в. (1604 г.) Баку был почти /с. 163/ полностью разрушен при взятии его кызылбашами Абасса I (*A Chronicle of the Carmelites in Persia* 1939. P. 113–114). В XVII в. Баку управлялся особым ханом, подчинявшимся ширванскому беглярбеку (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 302). Город являлся крупным торговым городом на Каспийском море, и в XVII в. через него возились шемахинский шелк-сырец и шелковые и хлопчатобумажные

ткани. В Баку в середине XVII в. имелась большая рыночная площадь и базар. Город был окружен стенами, имевшей трое ворот, из которых южные назывались Гилянскими (Там же. С. 300–301). Кроме товаров, привозимых из внутренней части страны, в XVII в., как и ранее, значительную долю бакинского экспорта составляла нефть, вывозившаяся в Среднюю Азию, Иран, Грузию, Дагестан, Турцию, Индию и другие страны (Там же. С. 303). Торговое значение Баку росло на протяжении XVII–XVIII вв. Объяснялось это в значительной степени тем, что бакинский порт был гораздо более удобен для стоянки судов (Соймонов 1763. С. 93; Лерхе 1790. С. 30), нежели, например, Дербентский, где суда должны были стоять на расстоянии 2–3 миль от берега. В 1723 г. Баку после небольшого сопротивления был сдан русским войскам; при этом во время осады крепости сильно пострадали бакинские предместья, т. е. та часть города, которая была расположена вне городской стены (Лерхе 1790. С. 30). Эта часть города не была восстановлена и через десять лет (Там же. С. 30). В 30-х гг. XVIII в. Баку был небольшим городом, ок. ½ версты в /с. 164/ длину (Соймонов 1763. С. 166). События 20-х–40-х гг. XVIII в. сильно отразились на состоянии городской и особенно транзитной торговли. Уже с 1723 г. два больших бакинских караван-сарая пустовали, и в них после взятия города были размещены русские солдаты (Напвай 1753. Р. 377, 378). Прежде в Баку приезжало множество иностранных купцов, существовала постоянная колония индийских купцов, которые вместе с армянскими купцами были богатейшими торговцами города. Через посредничество этих купцов в год через Баку вывозилось до 400 тюков шелка по 25 батманов каждый. В 40-х гг. XVIII в. вывоз шелка, особенно с 1740 по 1747 гг., т. е. в последние годы владычества Надир-шаха, почти прекратился.

После смерти Надир-шаха Бакинское ханство стало самостоятельным, но в 60-х гг. XVIII в. было поставлено в вассальную зависимость от Фетх-али-хана кубинского, в государстве которого оно находилось, правда, в лучшем положении, нежели Шемаха, но в значительно худшем, чем основные земли Фетх-али-хана — Куба и Дербент (Гмелин 1771. С. 84). Бакинский хан был одним из богатейших в Ширване. Кроме больших доходов от нефтяных источников, он получал немалую выгоду от транзитной торговли через Бакинский порт, а также от выращиваемого в округе Баку хлопка и опийного мака (Reineggs 1807. Vol. I. P. 164). Торговая роль Баку во второй половине XVIII в. была еще большей, чем ранее. /с. 165/

В конце XVIII в. через Баку только в Астрахань вывозилось ок. 400 т ширванского шелка (Forster 1798. P. 228). Вновь стала процветать и колония индийских купцов (Ibid.). Численность населения к концу столетия увеличилась и в начале XIX в. составляла 3000 человек (Бронев-

ский 1823. С. 401). Во второй половине XVIII в. можно отметить еще большее увеличение роли Баку как промежуточного порта между Гиляном и Мазендераном с одной стороны и Астраханью с другой. Торговые суда обычно совершали свои рейсы вдоль побережья, и важнейшей промежуточной остановкой был Бакинский порт (АВПР, ф. перс., д. 470. Л. 112–118, 166–167, 186–187).

4. Шабран⁷⁰ — один из древнейших городов Ширвана, в X в. являвшийся даже столицей его (Ḥudūd al-‘Ālam 1937. P. 145). Согласно Хамдуллаху Казвини, основание его относилось к сасанидским временам (Ḥamd Allāh Mustawfī Qazwīnī 1915. P. 92). В XVII в. Шабран был одним из крупнейших городов Азербайджана (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 305). Город и его округ славился своим рисом, который был здесь дешевле, чем в других местностях Ширвана (Стрейс 1935. С. 243). Шабран был подвергнут страшному разгрому со стороны горских феодалов в начале 20-х гг. XVIII в. (Лерхе 1790. С. 25–26). В 1728 г. он представлял из себя местечко с несколькими шелковыми фабриками (Гербер 1760. С. 214). Окончательно разрушен он был, очевидно, во время войн /с. 166/ 30-х–40-х гг. XVIII в. и с тех пор восстановлен не был. Проф. Гмелин в начале 70-х гг. XVIII в. не видел на развалинах Шабрана ни одного человека (Гмелин 1771. С. 52).

5. Ареш — как город возник, очевидно, не ранее XV в. В XVII в. был большим городом с 10 000 домов, 40 мечетями, 16 банями, 800 лавками, 17 кофейнями (قهوه خانه) и большим торговым ханом (постоялым двором) (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 287–289). В это время Ареш являлся административным и хозяйственным центром северо-западного Ширвана, и арешскому хану подчинялся даже султан старого города Шеки (Там же. С. 289). По-видимому, город этот пришел в упадок во время войн 20-х–40-х гг. XVIII в., ибо в источниках XVIII в. о нем не упоминается.

6. Нияз-абад — в XVII в. город (شهر). Управлялся султаном. В городе был рынок, хан, мечеть, баня (Там же. С. 292). Окончательно был разрушен в 20-х гг. XVIII в., во всяком случае после этого там некоторое время жителей не было, а приезжие купцы жили в шалашах (Соймонов 1763. С. 37)⁷¹.

7. Кабала — одно из древнейших поселений в северном Азербайджане, упоминается еще у Птолея (Ḥudūd al-‘Ālam 1937. P. 402)⁷². Из сочинений географов X в. видно, что это был в то время большой и

⁷⁰ Два раза в этом абзаце написан через «щ» — Шабран, что явная опечатка. Название Шибран сейчас носит бывший город Дивичи, возникший на месте одного из предместий средневекового Шабрана. — *Примеч. А. А.*

⁷¹ Сейчас пос. Ниязоба Хачмасского района Азербайджана. — *Примеч. А. А.*

⁷² Городище Чухур-Габала (Старая Кабала) в Габалинском районе Азербайджана. — *Примеч. А. А.*

цветущий город (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 16; Ḥudūd al-‘Ālam 1937. P. 144). В XVII в. Кабала являлась небольшим городом с силь/с. 167/ной крепостью. В XVIII в. Кабала была центром шелководческого района, но сама, очевидно, являлась небольшим городком «касаба».

8. Рикал — رڪال , в XVII в. большая «касаба» в округе Шабрана с 3000 домов, рынком, мечетью, ханом и баней (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 299). В источниках XVIII в. не упоминается.

9. Шеки — в X в. был цветущим городом (Ḥudūd al-‘Ālam 1937. P. 144). В XV — середине XVI в. центр самостоятельного Шекинского ханства, правящая династия которого являлась ветвью ширваншахов (Искандар-бик туркеман Муншй 1376/1956–1957. С. 82). В XVII в. потерял свое значение, уступив первое место в этой части страны Арешу, тем не менее, в середине этого столетия был еще большим городом с 3000 домов, но с признаками начавшегося упадка (например, городские мечети были разрушены — можно предполагать сефевидскими войсками, т. к. население Шеки, в основном, исповедывало ислам суннитского толка) (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 289). В первой половине XVIII в. население Шеки принимало активное участие в восстаниях против местных ханов-шиитов и Надир-шаха. Во второй половине XVIII в. Шеки под другим названием «Нуха» являлся центром сильного Шекинского ханства.

Город становится экономическим центром этой части Азербайджана, ведет активную торговлю с Грузией, другими частями Азербайджана и особенно с Дагестаном. В 70-х–80-х гг. XVIII в. в Нухе было еще ок. 300 домов (ок. 2000 жителей), а в /с. 168/ начале XIX в. население этого города составляло 6 000 человек и Нуха в определенной степени заменила Шемаху в качестве центра шелкоткацкой промышленности. Кроме того, в Нухе было развито изготовление ковров и суконное производство (Reineggs 1807. Vol. I. P. 191).

10. Куба — как город, очевидно, возник лишь в первой половине или даже в середине XVIII в. Поселение на его месте несомненно существовало раньше. Во второй половине XVII в. один из племянников усмия Кайтагского, Махрум-хан, поссорившись со своим дядей, бежал в местечко Худат, относившееся к Дербентскому султанству, и был утвержден владельцем этого округа, население которого, в основном, было дагестанским. Один из его преемников (или сын Мухаммед-али-хан, или внук Ахмед-хан I) перенес свою резиденцию на юг, где и возник позднее город Куба (Броневский 1823. С. 440). Кубинские (Худатские) ханы были верными сторонниками Сефевидов, и Ахмед-хан I во время восстания лезгин и других горских народов в 1711 г. был убит восставшими, а его сын Хусейн-хан бежал в Исфаган, где выдвинулся при шахском дворе и с помощью правителя Дербента вновь утвердился в Кубе, а вскоре присоединил к своим владениям и Сальянский округ. Его преемники Ахмед-

хан II и Хусейн-али-хан являлись верными сторонниками Надир-шаха до самой смерти последнего и были утверждены им во владении Кубы и Сальян (Reineggs 1807. Vol. I. P. 139–141). Очевидно, лишь с середины XVIII в. Ку/с. 169/бу можно назвать городом, тогда как до этого времени она, скорее всего, была просто укрепленной деревней. Еще в конце 60-х — начале 70-х гг. Куба была небольшим городком около версты в окружности (Гмелин 1771. С. 49). Даже в 80-х гг., в период наибольшего усиления Фетх-али-хана кубинско-дербентского, в этом городе было всего 430 домов (Reineggs 1807. Vol. I. P. 159). В 1796 г. в Кубе было уже 600 домов (Абдуллаев 1958. С. 193). Покровительственная политика кубинских ханов, особенно Фетх-али-хана, помогла вырасти этому городу, хотя он и в конце XVIII и в начале XIX в. уступал Дербенту и Шемахе, не говоря уже о Тебризе.

III. Карабах

1. Гянджа — в источниках X в. упоминается как большой и цветущий город (Ал-Истахри, цит. по изд.: Караулов 1901. С. 16; *Ḥudūd al-‘Ālam* 1937. P. 144). Хамдуллах Казвини относил его основание к 93 г. х. (715 г.) (*Ḥamd Allāh Mustawfī Qazwīnī* 1915. P. 91). В XVII в. был большим городом, центром Карабахского беглярбекства. В 1624 г. город был разгромлен восставшими грузинами во главе с Георгием Саакадзе и Теймуразом I. Это был акт мести ганджийским беглярбекам каджарам зияд-оглы, душителям Грузии и вернейшим вассалам Сефевидов. Однако город был быстро восстановлен. В середине XVII в. в Гяндже было ок. 6000 домов, караван-сарай, бани, мечети и т. д. (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 286). Город имел один фарсанг (6–7 км) в длину и ½ фарсанга (3–3,5 км) в ширину (Мухаммад Ма'сум. Л. 123б). Уже /с. 170/ в это время Гянджа была для северо-западного Азербайджана тем же, чем Шемаха для Ширвана, и являлась центром торговли с Грузией. С 20-х гг. XVIII в. Гянджа попадает в зависимость к грузинским царям. Войны и усобицы последних с азербайджанскими ханами (конец 40-х–80-х гг. XVII в.) препятствовали связям Гянджи с восточным и южным Азербайджаном, поэтому экономически Гянджа в XVIII в. больше была связана с Карабахским и Ереванским ханствами и Восточной Грузией. Ганджийские ханы назначались и сменялись грузинскими царями и платили последним дань в размере 10 000 рублей (Переписка грузинских царей 1890. С. 187).

В 80-х гг. XVIII в. русский военный представитель в Тифлисе полковник С.Д. Бурнашев отмечал, что Гянджа была «не малой купеческий город» и что «главный торг во всю Персию и Индию (очевидно для владений Ираклия II. — *А. Н.*) производится посредством Гянджи» (Бурнашев 1793. С. 15–16). Когда в Гяндже вспыхнуло восстание (см. гл. I), то в Тифлисе сразу же появился «в нужных вещах великий недостаток» (Там

же. С. 16). О количестве же населения Ганджи мы не имеем никаких конкретных данных до самого конца XVIII в. Согласно краткому камеральному описанию 1804 г., сделанному русскими чиновниками вскоре после взятия города русскими войсками, в Гандже было всего 2 517 домов (Акты 1868. С. 596). В это число включены были и близлежащие деревни. Если же /с. 171/ принимать во внимание лишь городскую крепость и «форштатт», т. е. собственно город, то в Гандже было всего 882 дома (Там же. С. 596), т. е. ок. 5000 жителей. Следовательно, Ганджа являлась в то время одним из крупнейших городов северного Азербайджана. По более позднему данным, можно говорить о наличии в городе развитого ткацкого производства (Легкобытов 1832–1836. Ч. II. С. 387–389).

2. Шамхур — известен еще со времен арабского завоевания Закавказья (Караулов 1901. С. 65). В XVII–XVIII вв. был небольшим городком⁷³.

3. Берда'а — в X в. являлся крупнейшим городом Закавказья и столицей древнего Аррана (Ḥudūd al-‘Ālam 1937. P. 143), в который и входила территория западного Азербайджана. В XVII–XVIII вв. это был небольшой городок с сильной крепостью.

4. Шуша — основана была в качестве резиденции карабахских ханов из племени джеваншир в 1750/51 или же в 1756/57 гг. (Мирза-Адигезаль-бек 1950. С. 63–64). Население города было смешанным армяно-азербайджанским, как и население этой части Карабаха. Население Шуши составили крестьяне окрестных деревень, а часть была приведена из других областей карабахскими ханами во время их набегов на соседние территории. Поэтому Шуша по составу своего населения выделялась из большинства остальных городов наибольшим количеством феодально-зависимого населения в самом городе. По описи 1823 г. в Шуше было /с. 172/ всего 1532 семьи⁷⁴.

Кроме этих городов в Карабахе, особенно в XVII в., были и другие городки, о которых мы, однако, не имеем конкретных сведений.

IV. Ереванская и Нахичеванская области

1. Ереван — до XV в. не играл значительной роли, но вырос в большой город после того как в 1440 г. он стал административным центром восточной Армении (Абрамян 1956. С. 37). В XVI — начале XVIII в. Ереван являлся центром большого беглярбекства Чахур-Саад, и его беглярбек был одним из богатейших и влиятельнейших феодалов Кызылбашского государства. Особенностью Еревана в XVII–XVIII вв. было огромное, даже по сравнению с другими городами, количество садов. Можно сказать, что садоводство было основной отраслью хозяйства

⁷³ Современный город Шамкир в Азербайджане. — *Примеч. А. А.*

⁷⁴ См. описание города Шуши в: Ермолов, Могилевский 2-й 1866.

в этом городе. В XVII в. город за счет садов настолько разросся, что по свидетельству Шардена занимал пространство более чем на 20 лье (Chardin 1811. P. 177). В частности, пространство в 6–7 км (1 фарсанг) между городом и крепостью в XVII в. было также заселено и было заполнено домами и рынками (Ibid. P. 163). Самый большой рынок имел в диаметре 400 шагов и имел форму четырехугольника (Ibid. P. 164). В городе было много караван-сараяв, в которых оста/с. 173/навливались купцы из разных стран, ибо через Ереван торговцы ездили из Ирана в Грузию, Турцию, и далее через Черное море в Польшу и другие страны Европы. Ввиду большого значения садоводства, общая численность населения города была не слишком велика сравнительно с пространством, занятым под город. Согласно Эвлия Челеби, в середине XVII в. в Ереване было 2 060 домов, т. е. 10 000–12 000 жителей (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 285) — цифра сравнительно небольшая для крупных городов того времени. Положение не изменилось и в начале XVIII в. Французский путешественник Турнефор писал, что в его время этот город утопал в садах и виноградниках. Можно только полагать, что население Еревана к началу XVIII в. значительно выросло, ибо, по свидетельству того же Турнефора, хан города мог собирать из числа жителей города 2 500 воинов для гарнизонной службы (Pitton de Tournefort 1718. P. 141), а католические миссионеры, рассказывая о взятии турецкими войсками Еревана в 1724 г., сообщали, что турки убили 30 000 жителей этого города (A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. P. 578).

Население Еревана в XVII–XVIII вв. было смешанным, армяно-азербайджанским. В начале XVII в., после насильственного переселения армян восточной Армении во внутренний Иран, Мазендеран и Южный Азербайджан, в Ереване и Ереванской области наряду с уцелевшим местным армянским населением и пленниками из Западной Армении было поселено много азербайджанцев и различных тюркских и курдских племен из южного Азербайджана и Ирана (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 520, 522). Поэтому, по некоторым данным, /с. 174/ во второй половине XVIII в. в Ереване из 4000 населения на долю армян приходилась всего ¼ часть, тогда как остальные были «татары», т. е. азербайджанцы⁷⁵. Даже после присоединения Ереванской области к России, когда большое число армян из южного Азербайджана и Ирана переселилось на землю своих предков, в городе Ереване количество армянского населения было лишь немногим больше азербайджанского⁷⁶.

⁷⁵ Эти сведения сообщает иезуит Монъ, миссионер в Ереване; мы цитируем по Д. Линчу (1910. С. 272–273).

⁷⁶ По данным И. Шопена, в Ереване после присоединения к России было 11 436 жителей, из которых 6 125 были армяне и 5 338 — азербайджанцы («татары») (Шопен 1852. С. 468).

2. Нахичеван — согласно древним армянским историкам, древнейший город исторической Армении. В начале XVII в. большинство армянского населения города и области было переселено в Иран и Южный Азербайджан (Zakaria Diacres 1876. P. 15), а вместо него в Нахичеванском крае были поселены кочевые племена и оседлое азербайджанское население⁷⁷. В середине XVII в. Нахичеван вновь стал большим городом с 40 мечетями, 7 банями и ок. 1000 лавок (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 236). Город и его округ славился в XVII в. хлопком. Источники перечисляют 7 сортов этой технической культуры (Там же. С. 237). Из хлопка в городе и селениях в XVII в. делались ткани, известные на весь мир (Там же). Шарден (60-е гг. XVII в.), так/с. 175/же писал, что хотя в Нахичеване было еще много развалин, тем не менее в его время это был город с большими базарами, 5 караван-сараями и 2000 домами (Chardin 1811. P. 297).

В XVIII в. город сильно пострадал от нашествия осман и междоусобных войн. Особенно оильно на нем отразились войны Азад-хана южно-азербайджанского с Грузией в конце 40-х — начале 50-х гг. XVIII в. В этих войнах опять же больше всего пострадало армянское население, значительная часть которого вынуждена была покинуть страну и эмигрировать в пределы Турции (A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. P. 675–678). В конце XVIII — начале XIX в. Нахичеван был небольшим городом, расположенным на развалинах старого города (Johnson 1818. P. 227). Население в конце XVIII — начале XIX в. было, в основном, азербайджанским (Гаджанов 1898. С. 31). Значительная часть жителей занималась земледелием, хотя торговля и промыслы, судя по более поздним описаниям 30-х гг. XIX в. также играли важную роль (Собрание актов 1838. С. 360–376).

3. Ордубад — городок в Нахичеванском крае. В XVI–XVII вв. пользовался особым расположением сефевидских шахов, и из знати этого города вышло много видных деятелей этого времени, в т. ч. два этемад-эд-доулэ. Город особенно славился своими садами, и гранаты, выращиваемые в Ордубаде, вывозились в соседние страны (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 532). /с. 176/

В конце XVI — начале XVII в. Ордубад сильно пострадал от турок, и Аббас I по просьбе своего этемад-эд-доулэ Хатим-бека Ордубади освободил город от податей в диван (Там же. С. 506). В 20-х гг. XVIII в. Ордубад был взят Мхитар-беком, вождем восставших армян Кафана, разграблен, а население его было вырезано (Davith-Beg 1876. P. 252). Через некоторое время город был опять заселен и в конце XVIII —

---

⁷⁷ Значительное азербайджанское население было в Нахичеванском крае и до XVII в., но, по-видимому, лишь с этого времени оно составило большинство населения края.

начале XIX в. был крупным торговым и промышленным центром Нахичеванского края. Особенно развито было в Ордубаде производство шелковых изделий (Шопен 1852. С. 483–484).

4. Акулис — в XVII в. в источниках называется или селом (*q̄h̄l̄q̄*) или местечком, городком (*q̄h̄l̄q̄w̄r̄w̄q̄w̄r̄*). Городом (*w̄r̄w̄q̄w̄r̄*) впервые Акулис назван в анонимной истории Давид-бека (30-х гг. XVIII в.) (Энтир патмут'ивн Давит' Бегин 1871. С. 45). Но и в XVII в. Акулис играл бо́льшую роль, нежели многие большие города. Прежде всего Акулис был торговым центром и акулиские купцы торговали от Швеции на западе до Китая на востоке. Акулиское купечество соперничало с купечеством Исфаганского предместья Новой Джульфы. Можно предполагать, что после разгрома Новой Джульфы афганцами в 1722 г. акулиские купцы освободились от многих своих конкурентов. Однако расцвет Акулиса продолжился лишь до середины XVIII в. В 1751 г. Азад-хан подверг его страшному разгрому, возможно, за то, что купечество этого города ориентировалось на Грузию. /с. 177/ 2000 жителей Акулиса были вырезаны, а 1500 уведены в Южный Азербайджан (Perrin 1754. P. 130). После этого Акулис никогда уже не играл такой роли, как в предыдущие полтора столетия, хотя купцы его и позднее считались богатейшими в стране (Шопен 1852. С. 877)⁷⁸

5. Астапат — небольшой городок в Нахичеванском крае. В XVII в. был важнейшим центром производства марены (*روناس*), которая вывозилась в различные страны, в том числе в Индию (Tavernier 1681. P. 43–44). В городке было 4 караван-сарая (Ibid. P. 44)⁷⁹.

6. Карби — городок (*q̄h̄l̄q̄w̄r̄w̄q̄w̄r̄*); упомянут у Захария Саркавага (XVII в.) (Zakaria Diacres 1876. P.⁸⁰)

7. Карабаг — упомянут у Эвлия Челеби. В середине XVII в. в нем было ок. 3000 домов, 7 мечетей, 7 бань, 3 хана и 600 лавок (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 240–241)⁸¹.

8. Маку — в XVII–XVIII вв. относился к Ереванской области, управлялся султаном.

9. Баязид — в XVII в. также принадлежал Сефевидам и входил в Ереванское беглярбекство. Значительная часть жителей его были армяне⁸².

⁷⁸ Сейчас с. Юхары-Айлис (Верхний Айлис) в Ордубадском районе Нахичеванской АР. — *Примеч. А. А.*

⁷⁹ Городище Астапата находилось недалеко от с. Тазакенд Шарурского района Нахичеванской АР. Было затоплено водами Аракского водохранилища в 1971 г. — *Примеч. А. А.*

⁸⁰ Пропущено. — *Примеч. А. А.*

⁸¹ Сейчас с. Карабаглар в Шарурском районе Нахичеванской АР. — *Примеч. А. А.*

⁸² Расположен в Турции, с 1934 г. называется Догубаязит. — *Примеч. А. А.*

в) Основные причины, определявшие развитие городов Восточного Закавказья XVII–XVIII вв.

Развитие городов зависело от ряда причин как внутреннего, так и внешнего порядка и, в первую очередь, от степени развития товарного производства и общественного разделения труда в рамках данного района. Процесс формирования /с. 178/ местных рынков, как мы стараемся доказать ниже, зашел довольно далеко и именно следствием развития товарного хозяйства, хотя и опутанного многочисленными сетями натурального хозяйства в его различных формах, явился рост городов как экономических центров. Второй причиной, повлиявшей на развитие городов, являлась внешняя и транзитная торговля — в последнем случае развитие города зачастую определялось его географическим положением. Но крупнейшие города Закавказья XVII–XVIII вв., такие как Тебриз, Шемаха, Ганджа, Ереван и др., являлись одновременно экономическими центрами своих областей, страны в целом и в то же время важнейшими центрами внешней торговли.

Кроме чисто экономических причин, большую роль в процветании или упадке городов, а зачастую и в вопросе их существования как таковых, играли факторы внешнего или во всяком случае не экономического порядка, такие как войны, феодальные усобицы (особенно в XVIII в.), землетрясения и эпидемии. Наиболее ярким примером воздействия войн является известное разрушение Аббасом I города Джуги (Джульфы) на Араксе, вызванное, с одной стороны, экономическими (стремлением перенести центр крупной оптовой торговли шелком в политический центр государства, Исфаган), а с другой — военно-стратегическими причинами (Тер-Аветисян 1937). Огромный ущерб экономике страны в целом и крупнейшему городу Ширвана Шемахе нанесло его разрушение и резня жителей кызылбашами Аббаса I в начале XVII в. (A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. P. 114–115), разорение аварскими феодалами /с. 179/ городов Ганджи и Шемахи в 1721 г. (Hassan Dchalalians 1876. P. 206, 210–211; Мартирос ди Аракелу жаманакагруг'йун А 1956. С. 430), Тебриза турками в 1723 г. (Ананун Ванецу тарегруг'йун. С. 371), Акулиса Азад-ханом афганом в 1751 г. (Perrin 1753. P. 130; Geschichte 1755. S. 84) и др.

В качестве примера губительного воздействия на жизнь городов местных усобиц можно привести разорение города Ордубада Мхитарбеком в 1727 г. (Davith-Beg 1876. P. 252), и, наконец, захват города Шемахи Фетх-али-ханом кубинско-дербентским, результатом чего явился упадок промышленности и торговли в этом центре Ширвана (Гмелин 1771. С. 97, 101–102).

Большой ущерб экономике городов наносили очень частые в XVII–XVIII вв. большие землетрясения. Наиболее серьезные из них, такие

как землетрясения 1641, 1721 и 1779 гг. в Тебризе, 1666 г. в Шемахе, 1631 и 1678 гг. в Ереване (Исаһак вардапети жаманакагрут'йун 1951. С. 302, 303, 310; Архив армянской истории 1912. С. 108; Йарут'ин Халифайеан жаманакагир. С. 146) приводили к разрушению городов и массовой гибели людей.

В средневековых городах Закавказья очень часто возникали эпидемии, уносившие в могилу тысячи и десятки тысяч людей. Так, еще в 981 г. х. (1573/74 гг.) вспыхнула эпидемия чумы в Ардебиле, от которой в городе и его округе за короткий срок умерло до 30 000 человек (Искандар-бйк туркемән Муншй 1376/1956–1957. С. 118). В 1033 г. х. /с. 180/ (1625/26 гг.) чума вновь появилась в округе Ардебиля, унеся более 100 000 жизней и опустошив всю округу (Там же. С. 1021). В 1712 г. эпидемия свирепствовала в г. Баязиде (Исаһак вардапети жаманакагрут'йун 1951. С. 304). Чума свирепствовала по всему Закавказью в конце 30-х гг. XVIII в. (Муһаммад Кәзим. С. 168–169). Большой ущерб производительным силам страны нанесла эпидемия 1755 г. (Йарут'ин Халифайеан жаманакагир. С. 137). Весьма велика была детская смертность. В источниках часты упоминания о детских эпидемиях. Особенно сильные детские эпидемии были в 1618 и 1689 гг. (Архив армянской истории 1912. С. 62). /с. 181/

§ 2. Городское население и экономика городов Азербайджана и Восточной Армении в XVII и XVIII вв.

Вопрос о городском населении, в свою очередь тесно связанный с вопросами городской экономики и социальной жизни, является одним из наиболее малоисследованных вопросов. Трудность его изучения главным образом в ограниченности источников. Никакой точной статистики в Кызылбашском государстве (XVII — перв. пол. XVIII в.) и полунезависимых ханствах второй половины XVIII в. не велось. Поэтому даже общая численность городского населения представляется нам очень приблизительно. Об общей тенденции в изменении численности городского населения сказано выше, добавим только, что численность населения городов зависела главным образом от двух причин: во-первых, от экономического расцвета или упадка города или области в целом и, во-вторых, от причин чисто внешнего порядка, о которых говорилось выше (см.: с. 179–181). Так, в начале XVII в. в результате массового переселения Аббасом I армянского населения в Иран, почти совершенно обезлюдили такие города, как Ереван и Нахичеван, так что вскоре ереванский беглярбек Амир-гюне-хан каджар с целью заселения этих городов вынужден был не только собирать разбежавшиеся по горам и лесам остатки коренного населения, но и переселять азербайджанское население из южного Азербайджана в эти города, а также приводить

из Западной Армении, принадлежавшей Турции, армян, которых кызылбаши захватывали во время своих набегов на турецкие владения (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 520). /с. 182/

В городах Азербайджана и Восточной Армении XVII–XVIII вв. в основном жили две национальности: азербайджанцы и армяне. Кроме них в городах проживало некоторое количество персов и евреев. В городе Ереване, кроме того, жило некоторое количество цыган (Шахазиз 1931. С. 29). Армяне составляли значительный процент населения не только в городах Ереванской области, но и в городах Азербайджана. Так, по данным второй половины XVIII в. число армянского населения в Азербайджане и Восточной Армении равнялось (Бурнашев 1793. С. 7, 9, 10, 15, 16, 19, 20, 22, 24, 25):

в Дербенте	— до 1 000 дворов
в Нухе и ее округе	— до 1 000 дворов
в Ширване	— до 2 000 дворов
в Карабахском ханстве	— до 7 000 дворов
в Гандже	— до 1 500 дворов
в Ереванской области	— до 3 000 дворов
в Нахичеванской области	— до 500 дворов
в Карадаге	— до 300 дворов
в городе Тебризе	— до 500 дворов
в округе Мараги	— до 2 000 дворов
в округе Хоя	— до 1 000 дворов.

Армянское купечество играло доминирующую роль в торговле городов Азербайджана, армянские ремесленники жили рядом с ремесленниками-азербайджанцами. Армянские и азербайджанские светские и духовные феодалы в одинаковой степени эксплуатировали крестьян и городские низы обеих нацио/с. 183/нальностей. В свою очередь, эксплуатируемые низы обеих национальностей выступали против общих эксплуататоров — кызылбашских и местных феодалов.

По своему социально-экономическому положению население городов Азербайджана и Армении XVII–XVIII вв. можно разделить на шесть категорий: 1) светские военно-землевладельческие феодалы, 2) духовенство (мусульманское и христианское), 3) купечество, 4) ремесленники, 5) крестьяне, 6) прочие слои городского населения — разорившиеся крестьяне и ремесленники, различного рода поденные рабочие и др. Такое деление условно, поскольку иногда бывает трудно разграничить, например, мелкого купца и ремесленника, обладателя лавки на рынке, который сам сбывает свои товары. В то же время внутри каждой из этих категорий существовали различные подразделения, отличавшиеся и по своему социально-экономическому положению и по своей политической роли. Полная и точная дифференциация всех этих слоев с указанием всех конкретных особенностей каждого, в настоящее время невозможна.

а) Светские военно-земледельческие феодалы

Под этим термином, нам кажется, следует объединить всех светских феодалов, живших в городах и имевших там земельное или иное имущество, или же живших в городе, но экономически более связанных с деревней. В городах Восточного Закавказья XVII–XVIII вв. экономический и политический удельный вес феодалов-землевладельцев был очень велик. Города, как правило, вследствие, с одной стороны, их полуаг/с. 184/ рарного характера, а с другой — экономического и политического господства кочевой и оседлой знати являлись местом сосредоточения значительной части этой знати. Многие феодалы (в том числе и феодалы-кызылбаши), имевшие владения в кочевых или оседлых земледельческих сельских районах, имели дома в городах, особенно в тех, которые являлись административно-политическими центрами⁸³. Некоторые крупные феодалы, имевшие владения в том или ином городе, могли проживать сами в более крупных городах, областных центрах или даже в столице Исфгани. Так, например, с 1677 г. владел Акулисом (т. е. имел право на сбор с него государственных налогов) некий Исахан-бек. Сам он проживал в Исфгани, а причитающиеся ему с Акулиса сборы собирал его сын Мусабек (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 110).

Терминология городской знати этого периода в источниках не всегда однородна. В нарративных источниках городская знать (высшая прослойка землевладельцев-феодалов) именуется чаще всего терминами «айян» (اعيان) (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 360; Мухаммад Тәхир Вахид 1329/1950. С. 22–23; Мухаммад Кәзим. Л. 266; Абӯ-л-Ҳасан Гулистанӣ 1359/1941. С. 123, 149), «савахиб-е шехр» صواحب شهر («хозяева города») (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 299; Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 33), «акабир» — اکابر («великие, знатные, вельможи») (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 74), «ноджаба» (نجبا) (Мухаммад Тәхир Вахид 1329/1950. С. 22) («благородные, знатные»). В практической жизни /с. 185/ землевладельцы-феодалы, в целом, чаще всего именовались «беками» или «меликами», причем последний термин чаще всего применялся к землевладельцам-армянам. Крупнейшие представители кызылбашской знати носили титулы хана или султана (Петрушевский 1949а. С. 97–112). В армянских источниках для обозначения знати, в т. ч. и городской, употребляются термины «парон»⁸⁴ – *պարոն* («господин»), «ишхан» — *իշխան* (князь).

⁸³ То, что даже верхушка кызылбашской знати имела дома в городах и в обычное время жила в городах, видно, например, из текста «Тарих-е алам ара» (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 199).

⁸⁴ О «паронах» Баязида см. «Хронику Исаака вардапета» (Исаак вардапети жаманакагрут'йун. С. 310–311), об «ишханах» городов см.: Архив армянской истории 1893. С. 32; 1894. С. 56, 90.

По экономической роли и политическому влиянию городскую знать этого времени можно разделить на 3 категории:

- 1) кызылбашская военно-кочевая знать,
- 2) местные мусульманские (в основном, азербайджанские феодалы-землевладельцы),
- 3) армянские феодалы-землевладельцы.

Такое деление в более или менее чистом виде присуще лишь XVII и, возможно, первой половине XVIII в. Для более позднего времени характерно слияние первой и второй категории, явившееся следствием все большего сближения между кызылбашскими и местными феодалами, процесс которого происходил на протяжении XVII и XVIII вв., а также итогом общего усиления знати местного происхождения, которое, в свою очередь, явилось в XVIII в. одной из причин фактического отделения областей Северного Азербайджана (где эта знать была наиболее сильна) от ханств Южного Азербайджана и северно-западного Ирана, где кызылбашская знать сохранила свою доминирующую роль.

Кызылбашская военно-кочевая знать была особенно сильна в городах Южного Азербайджана, Ереване, Нахичеване и Гандже, т. е. в тех районах, где находились сильные кочевые кызылбашские племена. После выселения Аббасом I армянского населения Еревана, Нахичевана и Хоя в центральный Иран, Южный Азербайджан и южный Прикаспий, население упомянутых городов пополнилось главным образом за счет переселения туда кызылбашей из южного Азербайджана и Ирана (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 520). Прибывшие кызылбашские беки составили значительный процент в составе прослойки феодалов в указанных городах. В частности, в городе Нахичеване господствующее положение заняли кенгерлинские беки (кенгерлу — ветвь кызылбашского племени устаджлу), [ставшие] владельцами земель, садов и пастбищ как в самом городе, так и за его пределами, а главы племени кенгерлу являлись бессменными правителями и фактическими собственниками города Нахичевана в XVII–XVIII вв. В городе Ереване феодалы-мусульмане составляли большинство еще и в момент присоединения Ереванской области к России (1828 г.) (Шопен 1852. С. 468).

Местная азербайджанская по национальности знать была наиболее сильна, с одной стороны, в северо-восточных районах страны (старых областях Ширване и Шеки) с такими городами, как Шемаха, Нуха, Баку, Дербент, позднее Куба, а с другой — в городах Тебризе, Ардебиле, Султание, Ордубаде и других на юге, /с. 187/ верхушка которых с самого начала активно поддерживала сефевидских шахов и получала от них различные льготы и привилегии⁸⁵. В силу специфических условий

---

⁸⁵ О льготах Тахмаспа I (1524–1576) городу Тебризу см.: Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 308; об освобождении города Ордубада, из которого

местная городская знать Южного Азербайджана с самого начала оказалась тесно связанной с кызылбашской знатью.

Что касается армянских феодалов, то таковые имелись почти во всех городах, хотя и по численности, и по своему богатству и политическому влиянию они занимали второстепенное положение. Армянские феодалы-землевладельцы, стремясь урвать в правах с феодалами-мусульманами, принимали мусульманство⁸⁶.

Основной собственностью городских феодалов являлись их земельные владения. Земельные владения (пахотные поля, виноградники, сады) находились в городе или за его чертой. Участки пахотной земли имелись и в самих городах. Так, у города Нахичевана в начале XIX в. имелось до 300 халвар (450 десятин) городских пахотных земель, которые засеивались следующими культурами /с. 188/ (Собрание актов 1838. С. 360):

под хлеб	— 250 халвар
под хлопок	— 20 халвар
под [пропущено. — <i>Примеч. А. А.</i>]	— 10 халвар
и 20 халвар под огородами.	

В городе Ереване в начале XIX в. также значительная часть земель запахивалась для сардара (хана) (Шопен 1852. С. 470). Вышеупомянутые городские земли Нахичевана принадлежали «наиболее почетным жителям», т. е. городским феодалам (Собрание актов 1838. С. 360).

О количестве земельных владений городских феодалов мы можем судить лишь приблизительно. Наибольшие земельные владения имели крупнейшие феодалы-ханы. Так, последний хан Ганджи Джавад-хан зияд-огли каджар имел 42 пашни в округе города Ганджи, которые засеивались 151 тагарами (44 454 кг) хлеба и 38 тагарами (11 587 кг) ячменя (Акты 1868. С. 587).

Можно предполагать, что в XVII–XVIII вв. основные земельные владения городских феодалов относились к категории «мулька» (арм. «хайреник»), т. е. [были] безусловной частной собственностью, которая свободно передавалась по наследству, продавалась, отдавалась в вакф, менялась. Мульком могли являться целые селения, отдельные участки земли, источники орошения, мельницы, дома, лавки и т. п. Юридически продавалось, покупалось, выменивалось, дарилось при наличии

происходили знаменитые визири Аббаса I Хатим-бек Ордубади и его сын Мирза-Абу-Талиб, от податей Аббасом I см.: Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 506. Что касается города Ардебил, то, будучи колыбелью Сефевидов, он и в XVII в. находился в особом, привилегированном положении.

⁸⁶ Захарий Акулеци в своем «Дневнике» упоминает о мелике Акулиса Шах-назаре, умершем в 1670 г. (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 76). Этот Шахназар, по словам Акулеци, «назло своим противникам» принял мусульманство и умер в должности мелика (правителя) Акулиса.

мулька-села, не все село, а лишь право на взимание опреде/с. 189/ленной доли феодальной ренты. Другая часть ренты с мульковых земель шла в казну. На деле же феодал являлся владельцем не только части земельной ренты, но и самой земли, поскольку от него зависело практическое право распоряжения этой землей, а также и самими крестьянами. Например, в прошении группы ганджийских беков, бежавших после взятия города Ганджи князем Цициановым, русскому правительству в 1804 г. имущество беков выражается в количестве крестьян, которыми они владели (Там же. С. 595).

Принадлежавшие им земли феодалы обычно сдавали в аренду жившим на них крестьянам. Условия аренды были различны в различное время и в различных областях. Немецкий путешественник Энгельберт Кемпфер, побывавший в Кызылбашском государстве в 80-х гг. XVII в., сообщает, что доля арендатора зависела от различных причин, в т. ч. и от того, какие культуры разводились на арендуемой земле. Так, при возделывании ячменя доля арендатора равнялась $\frac{1}{3}$ урожая. Если крестьянин не имел своего рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря и семян (т. е. если у него была лишь его рабочая сила), то обычно на его долю оставлялась $\frac{1}{4}$ урожая. При возделывании риса, хлопка, чечевицы и некоторых других культур доля крестьянина составляла $\frac{2}{5}$ урожая (Kämpfer 1712. P. 92).

Мульковые земли приобретались обычно покупкой. В Ереванском Матенадаране сохранилось большое количество документов о купле-продаже мульковых земель — лишь небольшая /с. 190/ часть этих документов издана (Абрамян 1941). В качестве примера возьмем купчую, относящуюся к городу Дербенту, датированную 1758 г.: «Я, Ага, сын высокопреосвященного Гочи Атаджяна, добровольно и в соответствии с Шариатом продал турецкому подданному, армянину Вардану в Дербенте участок земли, на котором посеяно 5 тагаров пшеницы; границы участка: с востока (он прилегает) к участку сына Имам-верды Мирзы, с юга — к общинному пастбищу, с западной стороны к саду Ярзлар-кули-бека и к земле армянина Захара, с севера к саду упомянутого покупателя. Так было, как говорит купчая. Писана в месяце джамади-аввал 1171 г. х., 1207 г. армянской эры в месяце июле» (Там же. С. 68). Далее следуют печати свидетелей.

Подобные же примеры можно привести по другим городам. В архиве Матенадарана сохранилась купчая от 1650 г. о продаже живущим в Ереване Султан-беком за 4 тумана половины своего наследственного мулька в селении Угайян (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 61 [перс. яз.]). Там же имеется купчая о продаже и другой половины мулька с того же села в 1645 г. жителем Еревана, неким Хусейном сыном Аслан-бека, за 5 туманов (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 74 [перс. яз.]). В другой купчей от 1623 г., относящейся к городу Маку, говорится о прода-

же неким Али-султаном сыном Казан-бека участка пахотной земли за 150 ашрафи (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 15 [перс. яз.]). /с. 191/

Мульковые земли приобретались также и путем прямого захвата. В одном документе, датированном 1653 г., говорится о том, что сироты некоего Ахмада Шамахеци и его брат, жители Еревана, обращаются в шариатский суд по поводу мультка села, захваченного неким Ахмед-ханом (Матенадаран, Архив Католикоса, 12, № 337 [перс. яз.]).

Наконец, феодалы в XVII–XVIII вв. захватывали общинные земли, превращая их в свои владения. В одной из хроник XVIII в. приводится случай, когда кенгерлинские беки Нахичевана в 1719 г. пытались силой отнять земли армянского селения. Когда крестьяне послали своих ходоков в Тебриз, чтобы найти там защиту, кенгерлинцы в количестве 600 человек напали на селение и разграбили его (Жаманакагракан манр һатвац'нер 1956. С. 524–525).

Все мультковые земли передавались по наследству, о чем обычно упоминалось в купчих. В случае утраты документов на право владения мультком, возникали многолетние тяжбы, т. к. часто случалось, что земли мелких феодалов захватывались более крупными или церковью. При этом церковь (христианская и мусульманская) обычно уже не расставалась с подобного рода приобретениями. Для примера возьмем документ из архива Матенадарана о разделе наследства некоего Хан Ахмеда ереванского в шариатском суде в 1615 г. Упомянутый Хан Ахмед предъявил в суд иск на армянина Ходжа-Тумана, сына Саркиса, поверенного в делах эчмиадзинского католикоса, в связи с тем, что «св. престол» присвоил пахотные земли Пири-дервиш. Земли эти принадлежали еще деду Хан Ахмеда, но в последнее время не обрабатывались, а /с. 192/ стали пустошью, которой и завладел монастырь Уч-Килиса (Эчмиадзин). Хан Ахмед потребовал не только вернуть земли, но и доходы с них за годы их использования монастырем. Сам Хан Ахмед умер, так и не дождавшись разрешения спора. Но его наследники продолжали тяжбу и, наконец, шариатский суд вынес свое решение. Земля осталась за монастырем, но последний должен был уплатить наследникам хан Ахмеда 3 тумана (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 75 [перс. яз.]).

Кроме мультков, феодалы имели земельные владения на правах тиуля (о тиуле см.: Петрушевский 1949а. С. 184–221). Официально тиуль не являлся собственностью. Тиуль даровался центральной властью чаще всего военнотрудовой знати. Эволюция развития тиуля как формы земельного владения в XVII–XVIII вв. шла в сторону увеличения прав тиульдара. Последнее обстоятельство зависело, во-первых, от общей тенденции к укреплению феодальной собственности на землю, наблюдаемой на протяжении XVII–XVIII вв. и, во-вторых, от силы центральной власти, которая, широко практикуя с XVI в. раздачу земель на правах тиульного

держания, стремилась ограничить права тиульдаров, в то время как последние, наоборот, стремились расширить таковые. Основное отличие тиуля от мультка к концу XVIII в. заключалось, во-первых, в отсутствии права тиульдара продавать тиуль и, во-вторых, в незакрепленности права наследования. Тиули могли передаваться по наследству лишь при санкционировании этого специальным указом правительства⁸⁷. /с. 193/

В XVII–XVIII вв. на правах тиульного держания давались целые города. В частности, тиулем беглярбека южного Азербайджана считался город Тебриз (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 175). Из более мелких тиулей можно указать на Астару (Там же. С. 328). Но большинство служилых феодалов имели на правах тиульного держания отдельные земельные участки. Так, в серии Нахичеванских документов сохранился документ о кенгерлинском феодале Ноуруз-беке, имевшем на правах тиуля пахотные земли в городе Нахичеване, с которых он получал $\frac{1}{10}$ бахры (основного поземельного налога) (Передняя Азия в документах 1936. С. 102 [перс. текст], 104 [русс. перев.]).

Кроме земельных владений городские феодалы имели в собственности (на правах мультка-хайреника) виноградники (о виноградниках-мультках в городе Ереване у некоего Арутюна см.: Абрамян 1941. С. 93; примеры собственности виноградника у ереванца вне города см.: Симеон Ереванци 1958. С. 110, 180), сады, мельницы, оросительные каналы⁸⁸, лавки, караван-сарай, конюшни, дома, рабочий скот. В качестве примера имущественного положения крупного городского феодала можно взять известного тебризского помещика первой половины XVIII в. Самад-бека, имущество которого исчислялось в 160 000 туманов деньгам и в различном движимом и недвижимом имуществе («амвал ва /с. 194/ асбаб ва нагди» — اموال و اسباب و نقدی). Кроме того, Самад-беку принадлежали 220 000 баранов, 30 000 кобылиц с жеребятами, 20 000 голов рабочего скота, 7 000 верблюдов и 2 000 мулов (Мухаммад Казим. Л. 318). Последние цифры (поголовье скота) следует признать преувеличенными, но на основании их все же можно составить представление об имущественном положении крупного феодала. Наконец, до нас дошла опись имущества последнего Ганджийского хана Джавад-хана зияд-оглы кад-жар. Джавад-хану лично принадлежали (Акты 1868. С. 597):

⁸⁷ О разделе по смерти мунаджима (звездочета) Молла Мухаммед-Тахира его тиуля между его сыновьями см.: Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 311.

⁸⁸ Как известно, почти повсеместно в Азербайджане и Армении огромную роль играло искусственное орошение, что относится и к городам. В частности, в городе Тебризе в середине XVII в. было 900 кязиров (подземных оросительных каналов и арыков) (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 253). Купля и продажа источников орошения довольно часто является содержанием купчих, например, о продаже кязира — купчая 1676 г., см.: Абрамян 1941. С. 94; о кязире — мультке (хайренике) (Там же. С. 117); о продаже арыка в Тебризе см.: Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 579 [перс. яз.].

в крепости Ганджи	—	19 домов, 2 бани, 40 лавок для ремесленников, 1 монетный двор, 1 мельница, 1 стеклянный завод
в форштадте г. Ганджи	—	5 караван-сараяв, лавок торговых (годных 48, разоренных 28), 1 баня, 6 мельниц,
в Калис-кянде (предместье города)	—	1 дом, 1 масляный завод, 1 сад,
в окружности города	—	10 оросительных каналов и пашни, о которых упоминалось выше. /с. 195/

Купля и продажа земельных участков, виноградников, арыков и т. д. за наличные деньги имела широкое распространение в XVII–XVIII вв. Мелкие феодалы, разоряясь, попадали в долги к купцам и ростовщикам, а также к церкви. Только зависимым положением можно объяснить факт отдачи в вакф христианскому монастырю своего сада мусульманином Наджат-беком юзбаши каджаром, о чем сохранилась дарственная в архиве Матенадарана (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 242 [перс. яз.]).

С другой стороны, и сами феодалы, если у них оставались свободные средства, могли давать их в рост, а в случае несостоятельности должника в счет уплаты долга забирали имущество последнего (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 165 [перс. яз.])⁸⁹.

Крупные городские феодалы были тесно связаны с торговлей. Помимо того, что они контролировали торговлю, получая от нее соответствующие выгоды, благодаря наличию у них в собственности караван-сараяв, лавок и мастерских, многие из них наживались на торговле шелком. У Захария Акулеци (втор. пол. XVII в.) приведен случай, когда везир Азербайджана ([в] городе Тебризе) заставил акулисских купцов купить у него шелк второго сорта за 12 500 диан (динаров) [за] литр, тогда как его настоящая цена была 8 000 диан. Разницу же в цене везир присвоил себе (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 75–76).

Городская светская знать в Закавказье наряду с мусульманским духовенством занимала в городах важнейшие адми/с. 196/нистративные должности, а отдельные ее представители занимали высокое положение

⁸⁹ [Это] долговая расписка об отдаче в счет долга в 4 тумана Соломоном, сыном Мкртича Валадянца, парону Сааку шести участков пахотной земли.

и в рамках всего Кызылбашского государства. В этом отношении показательна карьера наследственных калантаров города Ордубада из фамилии Насирийе, потомков известного ученого XIII в. Насир-ад-дина туси. Представитель этой фамилии Хатим-бек ордубади, предки которого на протяжении XVI в. занимали важные должности в Сефевидском государстве, в конце XVI в. стал этемад-эд доулэ Кызылбашской державы. После его смерти Аббас I утвердил в этой должности его сына Абу-Талиб мирзу, который одновременно оставался и калантаром города Ордубада (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 531–534, 680). Роль калантаров из этой фамилии была столь велика, что источники именуют их маликами, собственниками Ордубада (Мухаммад Йусуф 1318/1900–1901. С. 261).

В городе Акулисе в XVII в. большим влиянием пользовалась семья местного землевладельца Мусабека. Этот Мусабек сам, очевидно, жил в первой половине XVII в. Сын его Исахан-бек (ум. 1680 г.) пользовался большим влиянием при шахском дворе и в 1677 г. взял от шаха в откуп сбор в свою пользу мал-ва-джейхат (основной поземельный налог) с города Акулиса и семи соседних сел. Сын его Мусабек с 1679 г. занимал должность акулиского судьи. В 1680 г. он заложил на южной стороне акулиского рынка караван-сарай, землю под который приобрел у 3–4 частных лиц за 39 туманов (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 110, 118–122). В конце XVIII в. в Ереване большим влиянием пользовались два армянских мелика — Габриель юз-баши (сотник) из фамилии Гегамян и старшина армян города /с. 197/ Авраам из фамилии Мелик-Агамаян (Акты 1866. С. 119).

Мелкие военно-служилые феодалы в городах, особенно феодалы из кызылбашских племен, состоявшие на военной службе у государства и подчиненные местным ханам и султанам, вообще являлись весьма беспокойным элементом. Жалованье за службу им выплачивали местные правители за счет доходов с провинции. В случае задержки в платеже жалования эти служилые люди не останавливались перед открытым возмущением. Так, в Ереване в 1677 г. служилые люди из кызылбашских племен каджар и байят возмутились против беглярбека Сефи-кули-хана, в течение двух лет не платившего им жалования⁹⁰; хан со своими сторонниками заперся в крепости, где и был осажден своими стропти-

---

⁹⁰ Этот Сефи-кули-хан родом из Дагестана служит образцом того, как местные ханы использовали свою должность для личного обогащения. Впервые назначенный беглярбеком Еревана в 1667 г., он в 1674 г. был снят с должности, арестован и его конфискованное имущество, оценивавшееся в 30 000 туманов, было увезено в Исфаган на 400 верблюдах. Когда же он вторично был снят в 1679 г., то на этот раз он сам увез свое имущество на 700–800 верблюдах (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 61).

выми вассалами. С обеих сторон были посланы жалобы в Исфаган. От шаха для расследования дела прибыл некий Джанибек, который по обычаю того времени собрал с обеих сторон много взяток и уехал обратно. Тогда Сефи-кули-хан призвал себе на помощь своего вассала, соседнего Нахичеванского хана, прибывшего в Ереван с 100 всадниками. С их помощью были схвачены и посажены в колодки главарь бунтовщиков Фатали-бек кадждар с 50 другими зачинщиками, прочие же разбежались, одни в Ганджу, другие в /с. 198/ Исфаган, жаловаться на самоуправство ханов. Через два месяца хан Нахичевани со своими людьми уехал из Еревана, и тогда беглецы вернулись в Ереван, опять заперли Сефи-кули-хана в крепости и заставили его выпустить Фатали-бека.

Вторая осада Сефи-кули-хана продолжалась до 26 января 1679 г., когда из центра приехал новый назначенный шахом в Ереван хан с воинами, арестовавший бунтовщиков и в колодках отославший их в Исфаган (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 110–112).

В начале XVII в. городская знать в странах Закавказья являлась одним из элементов, помогавших Аббасу I восстановить господство Сефевидов в Азербайджане и Восточной Армении. Активная просефевидская ориентация сложилась в городах Баку⁹¹, Дербенте⁹², Нахичеване⁹³, Ордубаде, не говоря уже о го/с. 199/родах Южного Азербайджана⁹⁴. Иначе было в первой половине XVIII в. Последние Сефевиды еще встречали поддержку со стороны феодалов, в т. ч. и городских [феодалов] Южного Азербайджана⁹⁵, но Надир-шах, вначале также

⁹¹ В 1607 г., вскоре после взятия Аббасом I Шемахи, турецкий гарнизон в Баку был вырезан местной знатью, за что представители последней были пожалованы шахом почетными одеждами, подарками и союргалиями (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 516).

⁹² В том же 1607 г. к Аббасу I явился сын Хаджи-Мухаммеда дербенди (одного из влиятельнейших лиц в этом городе) с группой дербентской знати и с несколькими вассалами уцмий и признал себя вассалом шаха (до этого в Дербенте также стоял турецкий гарнизон). Присоединение Дербента было особенно необходимо Аббасу I, ибо через Дербент в Закавказье проходили с севера войска крымского хана, вассала султана. Поэтому шах богато одарил дербентскую знать и освободил Дербент от податей в диван (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 516).

⁹³ В 1603 г. полководец Аббаса I Зульфегар-хан караманлу подошел к Нахичевану, где засел турецкий гарнизон. По соглашению с Зульфегар-ханом, турки, сдав оружие, были отпущены, но военнотружильные местные феодалы изъявили желание служить Аббасу I (Arakel de Tauriz 1874. P. 279). О радостной встрече кызылбашей знатью Нахичевана пишет и Искендер Мунши (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 466).

⁹⁴ О радостной встрече Аббаса I в Тебризе см.: Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 639; по словам Искандера Мунши, в Тебризе жители сами хватили турок и убивали их.

⁹⁵ После захвата афганцами Исфагана именно Южный Азербайджан стал основной базой бежавшего на север принца Тахмаспа.

доброжелательно встреченный беками Закавказья (Лерхе 1790. С. 52), своими репрессиями вызвал недовольство городской знати, которое в северных районах Азербайджана переросло в открытый заговор. В ответ на это Надир решил крутыми мерами и казнями сломить сопротивление феодалов Северного Азербайджана. Это было тем более необходимо для него, т. к. именно в это время он безуспешно пытался сломить сопротивление вольных аварских обществ Дагестана. Были казнены большие группы феодалов Шемахи, Кабалы и Дербента, у казенных было конфисковано имущество на общую сумму в 200 000 туманов (Мухаммад Казим. Л. 3196–320а).

В последующий период знать городов Северного Азербайджана являлась надежнейшим оплотом самостоятельности ханств. В частности, таковой являлась по отношению к Фетх-**с. 200**/али-хану кубинско-дербентскому знать города Дербента (Абӯ-л-Ҳасан Гулистанӣ 1359/1941. С. 162)⁹⁶. Тебризская знать в 1785 г. помогла хойскому Ахмед-хану овладеть Тебризом (Бурнашев 1793. С. 22).

б) Духовенство

В городах Азербайджана и Армении очень большую роль играло духовенство. Ввиду того, что основное население городов составляли азербайджанцы и армяне, и духовенство в городах являлось или мусульманским — шиитским (большинство азербайджанцев по религии являлись муоульманами-шиитами) или христианским. Духовенство было неоднородно по своему социально-экономическому положению. Наряду с его высшими слоями (сеидами, ахундами, улемами, частью молл, а у армян — епископами, вардапетами), существовала значительная прослойка мелкого духовенства — часть священников, монахи, дервиши, которые на социальной лестнице стояли далеко позади верхушки духовенства. В городах имелись армянские монастыри «ванки» (*վանք*) или «пустыни» (*անապատ*) и мусульманские дервишеские обители-«текие» (تكية) (описание их см.: Kämpfer 1712. P.⁹⁷). Так, в городе Ереване во второй половине XVII в. было 23 мужских и 5 женских монастырей. Однако, по большей части это были небольшие обители с 5–6 монахами (Chardin 1811. P. 177). Армянские монастыри имелись также в Шемахе, Акулисе, На/**с. 201**/хичеване, Хое, Тебризе и других городах. По свидетельству Эвлия Челеби, в Тебризе в середине XVII в. было до 600 تكيه, в г. Мараге — 40, в Ареше одна (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 250, 269, 288), в Урмии три (Evliya Çelebi 1949.

⁹⁶ Когда Фатали-хан кубинский и дербентский потерпел поражение от лезгинских феодалов, то дербентская знать активно поддержала его, и лезгины были отражены.

⁹⁷ Пропущено. — *Примеч. А. А.*

С. 71). В XVII в. в городе Ниязабаде было ок. 100 дервишей (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 293).

Во всех городах (а в XVII в. и в больших селениях) имелись мечети. В середине XVII в. таковых имелось (Там же. С. 236, 240, 242, 248–250, 269, 270, 288):

в городе Нахичеване	— 40
в городе Карабаге	— 7
в городе Тесви	— 7
в городе Тебризе	— 120
в городе Мараге	— 60
в городе Уджане	— 7
в городе Ареше	— 40.

В руках у духовенства находилось все тогдашнее образование. Во всех городах имелись мусульманские школы «медресе». Так, в Тебризе в середине XVII в. было 47 больших медресе, лучшим из которых являлась медресе Шах-джехана, в Шемахе [было] 7 [медресе] (Там же. С. 250, 296). Число обучавшихся в медресе было различно. Так, в медресе при мечети Хусейн-али-хана в Ереване было в начале XIX в. ок. 200 учеников (Шопен 1852. С. 466). При христианских церквях также имелись духовные школы. /с. 202/

В XVII в. в период усиления миссионерской деятельности католической церкви в Иране, в ряде городов Азербайджана и Армении существовали католические монастыри, ставившие целью вовлечение армянского населения в лоно католической церкви и усиление влияния римской курии на Востоке. Центром католической пропаганды в XVII в. являлся Нахичеванский край, но и в Тебризе, например, существовал особый монастырь капуцинов (Cerseau 1740. Р. 26; Белл 1776. С. 71). В Ереване находился монастырь кармелитов (Стрейс 1935. С. 223). До середины XVIII в. католическая миссия существовала даже в городе Гандже и лишь после взятия его аварцами в 1752 г. миссия покинула город (Perrin 1754. Р. 139–146).

Ввиду социальных и организационных особенностей армянского и мусульманского духовенства их следует рассматривать в отдельности.

Армянское духовенство городов Азербайджана и Армении за исключением униатского (главным образом в Нахичеванском крае) подчинялось верховному католику всех армян, жившему в Эчмиадзине (иначе Уч-Килиса), а на территории Карабаха — Гандзакскому католику (в нагорном Карабахе). Во всех городах главы армянского духовенства, одновременно являвшиеся и главами армянских общин вообще, именовались «араджнорд» (*արաճյոճորդ*), буквально «на/с. 203/чальник» (Архив армянской истории 1893. С. 266, 416; 1894. С. 56). Как правило, араджнорды имели титул «вардапета». От Эчмиадзинского престола в

городах — административных центрах имелись особые представители «нвираки» (*նվիրակ*). Главы городских монастырей носили титул вардапет. В источниках высшие духовные чины именуются «ишханами» (Архив армянской истории 1894. С. 40, 90). Высшее армянское духовенство в XVII в., а также при Надир-шахе (1736–1747) пользовалось большими правами и привилегиями. В частности, большим влиянием при дворе Надир-шаха пользовался католикос Авраам Кретацци, который испросил у шаха ряд привилегий для армянского духовенства и купечества⁹⁸. Сефевидские шахи, используя широкие международные связи армянского духовенства⁹⁹, прибегали к его помощи в своих дипломатических отношениях с другими странами. Так, в ответ на польское посольство шах Сефи I (1629–1642) послал в Польшу армянского епископа Августина (hАкоб hИусин верагравац' жаманакагрут'йун 1951. С. 196).

Основными церковными собственниками в городах являлись монастыри. Городские монастыри могли иметь собственность в городе или за его пределами. Самым крупным собственником в городах был Эчмиадзинский монастырь. Верхов/с. 204/ный католикос всех армян имел среди прочей собственности земельные владения, виноградники, сады, арыки, кяризы, лавки, караван-сарай, дома в Тебризе, Ереване, Шемахе, Маку, Хое, Дербенте и других городах. Общее количество монастырской собственности в городах изменялось в течение рассматриваемого периода. Собственность монастырей увеличивалась, во-первых, за счет мельковых владений и, во-вторых, за счет вакфных пожалований от частных лиц. Мельковые владения приобретались главным образом посредством купли. Начиная с 30-х гг. до конца XVII в. Эчмиадзинские католикосы приобрели особенно много мельковых имуществ¹⁰⁰. К концу XVII в. Эчмиадзинский монастырь имел в городе Ереване три орошенных виноградника и три водяных мельницы (*զրաշար*), вода для которых бралась из р. Занги (Симеон Ереванци 1958. С. 140). «Пустыня» (*անիստան*) Анании апостола в Ереване имела в этом городе два виноградника (Там же. С. 141). В городах католикос обычно приобретал мельки через посредников — различных духовных или светских лиц. Так, в 1125 г. х. (1713/14 гг.) католикос Александр Джугайеци приобрел в городе Тебризе кяриз у некоего Махмат-шефи через посредничество местного жителя армянина Авраама, сына Манука (Там же. С. 201). В 1132 г. х. (1721/22 гг.) «святой престол» приобрел в том же Тебризе

⁹⁸ Об этом он сам пишет в своей истории Надир-шаха (Abraham de Crète 1876. P. 278–279).

⁹⁹ В XVII–XVIII вв. армянские колонии имелись в Индии, Иране, Турции, арабских странах, Италии, Франции, Голландии, России, на Балканах и в Польше.

¹⁰⁰ Об этом подробно рассказывает католикос Симеон Ереванци в своем «Джамбре» (*Ջամբր*) — 60-е гг. XVIII в.

через посредничество местного жителя Тер-Нерсеса два оросительных канала (Там же. С. 202).

В вакф монастырям отдавались земельные участки, виноградники, дома и прочее имущество частными лицами или отдельными крестьянскими общинами¹⁰¹. /с. 205/

В городах монастыри чаще всего получали в «дар» на основе вакфного права виноградники. Так, в одном из документов архива Матенадарана от 1751 г. говорится о получении неким Иосифом сыном Галуста в счет долга в два тумана виноградника от Авраама Акулеци; в свою очередь Иосиф передал этот виноградник в вакф монастырю (Матенадаран, Архив Католикоса, 242, № 154). Другой пример — вакфная грамота 1772 г.: ереванец Арутюн отдает в вакф Эчмиадзину свой виноградник в городе Ереване — этот виноградник с двух сторон прилегает к двум другим его виноградникам, с третьей — к винограднику некоего Ованеса и с четвертой — к улице (*լուշէ*) (Абрамян 1941. С. 93). Далеко не всегда вакфные пожалования являлись добровольными. Как правило, они вызывались тем, что их первоначальные владельцы попадали в зависимое положение от монастырей. Выше нами приведен пример передачи в вакф христианскому монастырю сада мусульманином Наджат-беком, со стороны которого это никак не могло являться актом религиозного благочестия (см. С. 195).

Монастыри и высшее духовенство приобретали не только земли, виноградники, сады, но и объекты торговли — лавки и караван-сарай. В качестве примера приведем текст купчей, датированной 1680 г. (перевод со среднеармянского наш. — А. Н.): «Причина составления этого акта в том, что я, Айваз Далватерянец купил у сыновей Костанда Терякянца их хайреник [состоящий] из половины лавки (*ղուրան*) на базаре; [другая] половина этой лавки была вакфом святого престола. И вот /с. 206/ теперь, в лето 1680, я, вышеупомянутый Айваз по своему добровольному желанию и по своей воле, свою приобретенную [покупкой] половину лавки, также продал араджнорду Микаелу вардапету за три тумана, половина которых составляет 15 000 диан, взял и полностью продал с четырьмя ее сторонами: первая сторона [примыкает] к базару, вторая к [кварталу] Кочин, третья к Маргаре и четвертая к [водопроводной] трубе.

Эта половина лавки, которую я купил и продал не должна вызывать претензий и исков ни со стороны моих братьев и племянников, ни со стороны моих сыновей и дочерей, ни со стороны детей или внуков последних, ни со стороны родственников и друзей, ни со стороны дальних наследников и никто из них да не скажет слова Микаелу вардапету

---

¹⁰¹ Пример передачи в вакф монастырю земли крестьянской общиной см.: Абрамян 1941. С. 47.

относительно половины этой лавки, которую я продал, ибо одна половина ее была вакфом, а другую половину я, Айваз, купил и продал Микаелу вардапету, взяв полную цену; все это записано и засвидетельствовано и признано всеми уважаемыми жителями Астапата» (далее следуют подписи свидетелей, в том числе и тех лиц, которые продали половину лавки Айвазу) (Абрамян 1941. С. 127). О покупке за 30 туманов араджнордом Астапата Ованесом вардапетом караван-сарая на базаре у некоего Айваза сына Мактеси Саака, получившего, в свою очередь, этот караван-сарай по наследству, свидетельствует купчая 1188 г. арм. эры (1739 г.). В купчей специально указывается, что караван-сарай продается со всеми лавками внутри и вне его и с конюшней (Там же. С. 142). /с. 207/

Принадлежавшие им виноградники, сады и т. д. монастыри обычно сдавали в аренду мелким землевладельцам. В качестве примера, на каких условиях сдавались они в аренду, возьмем один документ, датированный 1735 г. Некий Тугурхунци Тер-Минас сын Тер-Григора берет у святого Престола по соглашению с Саргисом вардапетом в аренду виноградник сроком на 10 лет. За это он обязан в год платить 450 л (2160 кг) изюма, независимо от того, приносит ли виноградник урожай. Кроме того, арендатор обязан уплачивать с упомянутого виноградника «мал-ва-джехат» (государственный поземельный налог). В случае, если потребуются ремонт ограды виноградника, арендатор по соглашению о собственником обязан починить ее. В обязанности арендатора входило орошение виноградника и подрезание подвойных лоз (Там же. С. 80–81). Сдача виноградников в аренду являлась выгодным делом для собственника, что видно из следующего примера. Эчмиадзинский монастырь имел среди прочих владений виноградник с источником орошения в городе Тебризе. Долгое время виноградник не использовался, запустел и источник высох. Рядом с этим виноградником находился виноградник местного жителя, «таджика» (оседлого азербайджанца) Мирза-Шефи. Последний обратился к католикосу с предложением либо продать ему пустующий виноградник, либо сдать в аренду. И «святой Престол» предпочел сдать ему виноградник в аренду на условиях уплаты в год 1 000 л пшеницы (4 800 кг) и взятии на себя ½ расходов по постройке ограды (см. «Дневник католикоса Симеона»: Архив армянской истории 1894. С. 477, 630). Сами арендато/с. 208/ры обрабатывали виноградники обычно путем найма рабочих.

Общие доходы духовенства слагались из доходов с монастырских и личных владений, а также из приношений армянского населения городов. Существовали три вида приношений церкви армянским населением:

- 1) католикосу,
- 2) епископам или араджнордам,
- 3) священникам (Папазян 1954а. С. 378).

Для характеристики конкретных доходов монастырей со своих владений приведем документ из архива Матенадарана, датированный 1147 г. х. (1736/37 гг.). Документ относится к селениям Уч-Килиса (Вагаршапат), Умакан и Масдар, принадлежавшим Эчмиадзинскому католикусу. Земли эти обрабатывались двумя плугами жителями названных деревень и засевалось на них 1500 сумаров (72 т) пшеницы. Жители этих селений были обязаны:

- 1) обрабатывать поля и сады, принадлежавшие монастырю,
- 2) платить пшеницей и другими зернами десятину монастырю и другие налоги (не указано какие точно), установленные шариадом,
- 3) в добавление к вышеуказанному, жители Уч-Килис и Умакана обязаны уступать «в пользу бедных вышеуказанного монастыря» $\frac{1}{10}$, а жители Масдара $\frac{1}{12}$ своих доходов.

Далее в документе указывается, что монастырь имел 500 голов баранов, с которых никаких налогов не взималось. И, наконец, крестьяне данных селений должны были вносить /с. 209/ 350 курушей в ереванское казначейство, «с взносом которых они свободны были от всех прочих податей» (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 76).

Монастырские владения находились в привилегированном положении. Шахи и местные ханы в ответ на челобитные черной братии не скупились на налоговые и иные льготы. О различных льготах монастырям можно судить на основании шахских фирманов монастыря города Акулиса в архиве Матенадарана. Первый из них, указ Аббаса I, датированный 1604 г., обращен к хакиму и даруге Акулиса и предписывает последним соблюдать интересы Акулиского монастыря в отношении его вакфных поместий («Эмляк-е вакфи» املاك وقفی), расположенных в долине р. Вананд и других местах и освобожденных от податей в диван («хогуг-е-дивани» حقوق ديوانی) (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 30). Второй указ — 1606 г. Аббаса I в отношении тех же земель и садов Акулиского монастыря. Из указа видно, что земли эти были отданы в вакф упомянутому монастырю еще во времена Тахмаспа I (1524–1576). Данный указ был издан в связи о том, что крестьяне не платили монастырю «бахрече» — поземельный налог (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 31). В связи с этим, предписывалось калантару и даруге Акулиса обеспечить поступление и этой подати в монастырское ведомство (о «бахрече» см.: Папазян 1954а. С. 363–364). Следующий фирман также Аббаса I датирован 1621 г. Содержание указа в том, что поскольку армяне Акулиса, Нахичевана и Азад-Джерана (Нахичеванский край) «по своей вере и праву» выплачивают монастырю города Акулиса «зьякят» (налог с имущества /с. 210/ в пользу бедных мусульман, судя по данному указу он взимался и с христианского населения в пользу монахов и хаггулла حق الله — термин не совсем

ясный, очевидно десятинна, поскольку в буквальном переводе означает «сбор в пользу бога»), то предписывается всем калантарам, хакимам и даругам не препятствовать сбору этих статей (Матенадаран, Архив Католикоса)¹⁰².

К данной серии примыкает указ Аббаса II на имя ереванского беглярбека Мухаммед-кули-хана от 1645 г., являющийся подтверждением более раннего указа на имя прежнего беглярбека Калб-али-хана. Указ был издан в ответ на прошение католикоса, в котором последний испрашивал разрешение на ремонт церквей ереванского округа, требовавших ремонта. Шах предписывал беглярбеку не препятствовать ремонту и оказать католикосу содействие (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 80). В 1649 г. в ответ на прошения католикоса ереванский беглярбек Кей-хосров-хан даровал [ему] налоги с ереванских городских владений Эчмиадзина. Монастырю были уступлены следующие налоги:

1. В старом городе Ереване всего на сумму 15510 динаров, в том числе:
  - 1) с виноградника в Даракянде (часть Еревана) — 6570 динаров
  - 2) с виноградника, называемого Чайкантиран — 5749 динаров
  - 3) с виноградника в предместье — 3191 динаров
2. С мельницы в предместье Саргиса — 1587 динаров¹⁰³.

В XVIII в. монастыри и духовенство также добивались при/с. 211/ вилегий и налогового иммунитета. В 30-х гг. XVIII в. Надир-шах, благоволивший к католикосу Аврааму Кретаци, по его просьбе подтвердил права Эчмиадзина на его владения. Специальным указом шах запретил своим войскам, огнем и мечом проходившим Закавказье, приносить вред монастырским поместьям, убивать и угонять скот и т. д. Главным образом в интересах армянского духовенства и купечества была отменена Надиром джизия (налог с христиан) (Abraham de Crète 1876. P. 278–279). В архиве Матенадарана сохранился указ правителя Южного Азербайджана Азад-хана афгана (под властью которого временами находились и Ереванская область и северо-западный Иран и который вел ожесточенную борьбу за наследие Надир-шаха с Хасан-ханом каджаром и Керим-ханом зендом, а на севере враждовал с грузинскими царями, также претендовавшими на Ереванскую область) от 1168 г. х. (1754 г.). Этим указом освобождались от всех налогов (мал-ва-джехата, багара, бахры, налога со скота и др.) все монастырские поместья, а также принадлежавшие им караван-сарай, мельницы, данги (рисовые

¹⁰² Без уточнения номера документа. — *Примеч. А. А.*

¹⁰³ Данный указ приложен (фотокопия персидского текста и его армянский перевод) к вышеупомянутой диссертации А. Папазяна (1954а. С. 408–409).

мельницы), бани и т. д. (Матенадаран, Архив Католикоса, 1, № 419; Симеон кат'уликос Ереванци 1873. С. 227). Получали привилегии монастыри и от других ханов. В частности, в 1152 г. х. (1739 г.) хан Карабакша Панах-хан также освободил монастырские поместья от налогов (Матенадаран, Архив Католикоса, 2, № 134).

Политическая роль армянского духовенства в XVII–XVIII вв. определялась прежде всего его влиянием на армянское население областей Кызылбашского государства. Большие армянские /с. 212/ колонии имелись и в городах внутреннего Ирана. Не говоря уже об Исфагани с ее знаменитым предместьем Джульфой, упомянем о городе Хамадане, в котором в XVII в. было 300 дворов армян (Мартирос ди Аракелу жаманакагруг'юн А 1956. С. 433). Армянское крупное купечество, игравшее основную роль во внешней и внутренней торговле и оказывавшее при всех особенностях деспотического строя Сефевидской монархии значительное влияние на правительство (Тер-Аветисян 1937. С. 39, 80, 86; A Chronicle of the Carmelites in Persia 1939. P. 157), было тесно связано, с одной стороны, с господствовавшими кызылбашскими феодалами и в целом с феодальным строем, а с другой, — с армянским духовенством. Одновременно высшее духовенство находилось в теснейших связях с армянскими колониями за границей, которые в духовном отношении подчинялись Эчмиадзинскому католикосу. Конечно, армянское духовенство в целом оставалось не вполне равноправным, а самоуправления местных властей, особенно усилившиеся в конце XVII — начале XVIII в., и, наконец, давление со стороны народных масс армянского населения, на которых шахские благодеяния не распространялись, приводили к тому, что и крупное духовенство включилось в русло антикызылбашской борьбы и искало помощи извне, вначале на Западе, а с конца XVII в. — в России. Однако непоследовательность его в этом вопросе очень ярко видна в колебаниях политической ориентации католиков, что особенно ярко видно на примере Авраама Кретаца (30-е гг. XVIII в.). Лишь во второй половине XVIII в. можно считать прочно установившейся ориентацию высшего армянского духовенства на Россию. В этот период армянское /с. 213/ духовенство, всегда ориентировавшееся на сильную центральную власть, видя непрерывную междоусобную борьбу местных ханов, стало практически главой всех [сил.] ориентировавшихся на Россию в Восточном Закавказье.

Мусульманское духовенство в городах также не было однородным: наряду с верхушкой его, богатейшими и влиятельнейшими сеидами, зачастую происходившими из одних и тех же (как, например, в Тебризе) фамилий, к верхушке духовенства относились мударисы, улемы, мусавалли гробниц «святых», влиятельные муллы. Внизу же социальной лестницы стояли дервиши и различные низшие служители мечетей и

мазаров. По свидетельству Эвлия Челеби, в городе Тебризе в середине XVII в. было до 12 000 низшего духовенства (علمای ادانی); к этой категории он относил также и тогдашний медицинский персонал, принадлежавший к духовному сословию, а именно врачей (طبیب), хирургов (جراح), лиц, пускающих кровь (فصاد) (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 252). В Ереване в момент присоединения к России было 92 лица, принадлежавших к мусульманскому духовному сословию, в том числе (Шопен 1852. С. 468):

мулл — 50
сеидов — 39
дервишей — 3.

Наиболее влиятельное мусульманское духовенство было в городах Тебризе и Ардебиле, поскольку Южный Азербайджан исторически являлся шиитским центром Ирана.

Экономически и политически мусульманское духовенство было значительно могущественнее христианского. Шиит/с. 214/ское духовенство в Кызылбашской державе с самого ее основания являлось надежнейшей опорой Сефевидов, которые сами происходили из верхушки духовенства города Ардебиля и являлись одновременно духовными главами в государстве. Однако непрерывно возраставшее могущество шиитского духовенства вынудило шахов уже во второй половине XVII в. принять меры к ограничению его влияния — с этой целью в 1670 г. при шахе Сулеймане было произведено разделение должности садра (важнейшей функцией садра было управление церковными имуществами и контроль над судопроизводством) на две отдельные должности; один из садров — «садре-мамалик» управлял вакфными имуществами на территории государственных земель, а второй — «садр-е хассе» на землях домена (Chardin 1811. P. 50; Kämpfer 1712. P. 99–100; Sanson 1694. P. 23). Тем не менее, к началу XVIII в. могущество и богатство мусульманского шиитского духовенства еще более возросло, и Надир-шах, раздраженный к тому же приверженностью высшего шиитского духовенства к низложенным Сефевидам, сделал известную попытку религиозной реформы, формальная сторона которой заключалась в том, что шиизм перестал считаться господствующим толком ислама в Иране. Оставляя в стороне внешнеполитические мотивы, которыми руководствовался при этом Надир, следует сказать, что в сущности это была прежде всего попытка ослабить экономически и политически высшее шиитское духовенство.

В северных районах Азербайджана часть населения, несмотря на репрессии и гонения со стороны Сефевидских /с. 215/ шахов¹⁰⁴,

¹⁰⁴ Аббас I, например, вырезал в Карабахе целое суннитское племя «джагирлу» (Arakel de Tauriz 1874. P. 311).

оставалось суннитами. В период существования полунезависимых ханов (втор. пол. XVIII в.) известный Фетх-али-хан кубинско-дербентский, смотря по обстоятельствам, придерживался то шиитского, то суннитского толка, хотя, официально являясь вассалом Керим-хана зенда, именовал себя шиитом (1771. С. 49).

Огромные богатства шиитского духовенства складывались в течение всего XVI и XVII вв. Наиболее богатым являлось высшее духовенство Ардебилля и Тебриза. В Ардебиле находилась вторая по величине и значимости шиитская святыня на территории Кызылбашской державы¹⁰⁵, гробница предка Сефевидов шейха Сефи-ад-дина ардебилля, родословную которого официальная версия того времени возвела через седьмого имама Муса-Казима к Али, племяннику и зятю Мухаммеда (Петрушевский 1949а. С. 68). Эта гробница (мазар), в которой, кстати сказать, были похоронены и все потомки Сефи-ад-дина до шаха Аббаса I включительно, обладала громадными земельными и иными богатствами (описание Ардебильского мазара см.: Олеарий 1870. С. 591–592; Стрейс 1935. С. 239–294; Петрушевский 1947). Высшее духовенство Ардебилля обладало /с. 216/ большими доходами и от многочисленных паломников, приходивших со всего Ирана поклоняться гробнице этого «святого». Мутавалли (попечитель) этой гробницы в XVII в. являлся одновременно и хакимом (правителем) города Ардебилля (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 109, 216). На эту должность назначались обычно очень влиятельные люди¹⁰⁶. Лица, занимавшие эту должность, обычно использовали ее для личного обогащения. Так, например, в 1016 г. х. (1655/66 гг.) мутавалли Назар-али-хан был снят с этой должности за то, что присваивал вакфные имущества, арестован и посажен в крепость (Там же. С. 216).

Огромным влиянием в Кызылбашском государстве пользовались сеиды¹⁰⁷ из города Тебриза. Так, по смерти Тахмаспа I (1576 г.) большим весом при дворе пользовались четыре брата сеида из фамилии Аскуйе (اسكويه) (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 143–144). Большинство тебризских сеидов занимали высокие должности в самом Тебризе. Часто высшие духовные должности в Тебризе передавались по наследству в одной и той же знатной фамилии. Так, во второй

---

¹⁰⁵ Основные шиитские святыни, города Неджеф и Кербела в арабском Ираке, временно присоединенном к Кызылбашской державе Аббасом I, были потеряны уже при его преемнике Сефи I в 1639 г. После этого главной святыней на территории Ирана стала гробница Имам-Реза в городе Мешхеде.

¹⁰⁶ Например, в 1655 г. мутавалли Ардебильского мазара был назначен Муртазакули-хан, до этого времени занимавший должность курчи-баши (вторая после этемад-эд-доуле должность Кызылбашского государства) (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 216).

¹⁰⁷ Официально сеидами именовались лица, являвшиеся потомками Мухаммеда. Однако на деле, конечно, они были самого различного происхождения.

половине XVI в. должность шейх-уль-ислама в Тебризе занимал сначала сеид Моуляна-энайет-улла, а затем его сын Моуляна-Мухаммед-али тебризи (Там же. С. 158). /с. 217/

При Аббасе I, в период оккупации турками Азербайджана, многие тебризские сеиды ушли в Иран, где занимали видные и доходные должности в городах Йезде, Исфагане, Кашане (Там же. С. 153). В частности, один из знатнейших тебризских сеидов Мир-Нааметулла в конце XVI в. ушел с кызылбашами в Иран и долгое время являлся кази города Исфагана, тогда как его брат занимал указанную должность в городе Тебризе (Там же. С. 153). Представители знатных духовных фамилий Южного Азербайджана занимали и высшие гражданские должности. Например, вторым этемад-эд-доуле Аббаса I был Мирза-Мухаммед, по матери происходивший из сеидов города Тебриза (Там же. С. 153).

Высшее шиитское духовенство обладало большими личными богатствами и доходами. Многие его представители имели земельные владения на правах мурья¹⁰⁸. Духовные лица могли наделяться тиульными владениями. Так, в 1073 г. х. (1662/63 гг.) умер мулла Мухаммед-тахир, занимавший должность придворного мунаджима (звездочета), и принадлежавший ему тиуль был отдан его детям (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 311).

Одной из распространенных форм духовных владений являлся в XVII–XVIII вв. союргаль. Вопрос о союргале неоднократно рассматривался в исторической литературе. Наиболее обстоятельно он исследован в работе И.П. Петрушевского. /с. 218/ И.П. Петрушевский путем анализа ряда союргальных грамот охарактеризовал союргаль как вид условного земельного владения светских и духовных феодалов (1949а. С. 145–183). Однако в XVII в. в источниках почти нет упоминаний о новых пожалованиях в качестве союргала земельных владений светским феодалам. Союргаль же в качестве духовного владения упоминается гораздо чаще. Характерно, что Шарден (втор. пол. XVII в.) знает союргаль лишь как род церковного бенефиция (Chardin 1811. P. 65). С другой стороны, можно, нам кажется, в XVII–XVIII вв. говорить об определенной эволюции самой сущности союргала как феодального института. Если в документах XV–XVI вв. союргаль выступает перед нами в виде наследственного земельного владения, владелец которого обладал правом налогового иммунитета и был обязан нести военную службу, то в более поздний период термин «союргаль» приобретает несколько иной смысл. В 1952 г. А.К. Лэмбтоном были опубликованы в персидском оригинале и с английским переводом две сефевидские союргальные грамоты

¹⁰⁸ О сеиде Мир-Миране, владельце «имений и пахотных земель» и о сеиде Шах-Касиме Нур-Бехше, собственнике «имений и доброкачественных пахотных земель» см.: Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 145.

(Lambton 1952. P. 44–54). Поскольку обе они связаны с крупным духовенством г. Тебриза и союргаль, как это видно и из других источников, являясь одним из видов доходов крупного мусульманского духовенства в XVII–XVIII вв., необходимо хотя бы вкратце рассмотреть вышеупомянутые фирманы.

Первый из них датирован месяцем сафаром 1067 г. х. (1656 г.) и является подтверждением более раннего указа /с. 219/ от месяца рамазана 1047 г. х. (1638 г.). Указ относится к фамилии известных тебризских сеидов Ваххаби. О предке их Мир-Неаметулле упоминалось выше (см. с. 217). Сыну этого Мир-Неамет-уллы Амир-Абдулле и были пожалованы в союргаль 3 тумана 695 динаров «из сумм налогов и доходов с города Тебриза и других мест» («аз бабет-е мал-веджехат ва воджухат баладе-йе Тебриз ва гийре»). По смерти сеида Амир-Абдуллы вышеуказанная сумма в виде союргалья перешла к сыну его, сеиду Мир-Мухаммед-Ибрагиму, за исключением суммы, слагаемой из 1 динара с каждых 6 динаров, взимаемых в качестве подушной подати («серане» سرانه)¹⁰⁹ с армянского населения всего Азербайджана (Южного). Последняя сумма, согласно завещанию покойного Амир Абдуллы, передавалась другому внуку Мир-Неаметуллы. Между двумя ответвлениями потомства Мир-Неаметуллы началась тяжба из-за данного союргалья, истории которой и разрешению ее в конечном итоге при посредничестве садр-е мамалик Кызылбашской державы, Мирза-Мухаммед-Мехди, и посвящен этот указ. В данном случае нас интересует не сам процесс тяжбы, а вопрос о том, что же в данном случае представлял из себя оспариваемый союргаль. Между тем из указа ясно видно, что этот союргаль представлял из себя не какое-либо конкретное земельное или иное владение, а определенную сумму денег из числа общих доходов с города Тебриза и других районов (очевидно Южного Азербайджана), во-первых, и с подушной подати с армян-христиан области, во-вторых. Тот же самый смысл союргалья мы /с. 220/ видим и из второго документа, опубликованного Лембтоном, относящегося к той же фамилии сеидов и датированного месяцем ша'абаном 1115 г. х. (1704 г.). На этот раз тяжба началась из-за тех же 6 динаров подушной подати, которые полсотни лет назад были присуждены деду нынешних истцов Мир-Абдулле первым из рассматриваемых указом в виде союргалья. Таким образом, из текстов данных союргальных грамот видно, что под союргалем XVII–XVIII вв. понималось не конкретное пожалование земельных владений, а определенная часть тех или иных государственных налогов. При пожаловании таких союргалей, конечно, не могло идти

---

¹⁰⁹ Подушная подать «серане» в Кызылбашском государстве взималась с немусульман (армян, индийцев и гебров). См.: Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 67 (перс. текст).

никакой речи об обязанности жалуемого лица выставлять определенное число воинов или нести военную службу самому. Не связан в данном случае сюргаль и с мо'афи (налоговым иммунитетом), поскольку и без того содержанием его оговорена конкретная сумма получаемых сумм из государственных налогов.

Эволюция сюргалья в рассматриваемый период ведет к исчезновению его как формы военного лена. Нам не приходилось встречать в источниках упоминаний о новых пожалованиях в XVII в. сюргалей в форме земельных владений. Имеющиеся данные дают возможность предполагать, что в XVII–XVIII вв. сохранились лишь те сюргали этого типа, которые были пожалованы в более ранний период. Сюргаль же в форме определенной доли общегосударственных налогов лишь терминологически сходен со старым сюргалем — военным леном, практически же он представляет уже явление иного порядка. Во второй половине XVIII в. термин сюргаль в источниках не встречается. /с. 221/

в) Купечество

Городские торговцы делились на несколько категорий. В сущности купцами в полном смысле этого слова, т. е. такими торговцами, для которых торговля стала их единственным занятием и которые не занимались сами производством товаров, которыми они торговали, являлись крупные торговцы оптовики — совдакяры (سوداگر), таджиры (تاجر) или «ходжи». Прочие же категории торговцев, так или иначе связанных непосредственно с ремеслом или земледелием, должны скорее относиться по своему социально-экономическому положению к двум последним слоям населения. Наличие большого числа мелких торговцев-ремесленников объяснялось тем, что процесс отделения торговли от ремесла (как и с другой стороны ремесла от земледелия), происходил в данных странах чрезвычайно медленно, хотя первые этапы его относятся здесь к очень отдаленным временам. Поэтому в данном разделе мы рассматриваем лишь категорию купцов-совдакяров. Все они были теснейшим образом связаны с внешней торговлей и их торговые операции совершались от Швеции на западе, до Китая и Филиппин на востоке. Богатейшими из них уже в XVII в. являлись купцы города Акулиса. Купцы могли совершать торговые поездки лично, но случалось, что группа купцов объединялась и вручала одному из своей среды деньги и товары, и этот последний выступал в данном случае в роли торгового посредника. Такой способ торговли мог оказаться очень рискованным для купцов, доверивших свои товары и капиталы. Так, в 1673 г. в городе Измире умер купец Григорий Даватджи, за которым числилось на 300 000 марчи/с. 222/ли товаров других купцов. В частности, акулис-

ские купцы дали ему 52 000 марчили, которые возвращены им не были. В результате многие купцы разорились. В том же году в Измире умерли еще два купца, за которыми числилось 700 000 марчили. Эти двое до этого были чуть не убиты своими кредиторами, но сумели выкрутиться благодаря взяткам (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 64). Тем не менее, многие купцы шли на торговлю через посредника ввиду большой сложности совершения торговых поездок.

Основной функцией купечества было посредничество между непосредственными производителями (ремесленниками и крестьянами) и потребителями других областей или стран. В своем районе или городе ремесленник сам сбывал производимые им товары. В то же время в XVII–XVIII вв. имелась своего рода специализация определенных районов на производстве ряда продуктов сельского хозяйства или промышленности (см. ниже, с.¹¹⁰). В роли посредника в сбыте шелка-сырца, изделий из шелка и других товаров в других районах страны или за рубежом и выступали купцы. Поскольку сам производитель не имел ни средств, ни возможности лично заниматься сбытом продуктов своего труда, тем более что сами товары, им производимые, часто не являлись предметами широкого потребления, а служили главным образом для удовлетворения потребностей высших слоев общества, то он вынужден был просто отдавать товары купцу по ценам, которые последний устанавливал. Собственно говоря, существовали два способа отношений между купцом и непосредственным производителем. Первый из них — покупка товаров у непосредственного производителя самим купцом — такого рода сделки были /с. 223/ разрешены указом Сефи I от 1629 г. (Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 13–14). Однако едва ли не более распространенным оставался другой способ, вытекавший из абсолютного господства феодальных отношений в стране. Поскольку непосредственные производители находились в различного рода феодальной зависимости либо от феодального государства (большинство городских ремесленников, крестьяне домена и общегосударственных земель), либо от отдельных феодалов, то большая часть, а зачастую и весь прибавочный продукт отдавался ими либо феодалу, либо феодальному государству. Последние же, в свою очередь, сбывали определенную часть его купцам. В этом случае между производителем и потребителем становилось два посредствующих звена — феодал и купец. И если в первом случае купец являлся хозяином положения и мог диктовать свои условия крестьянину или ремесленнику, то во втором случае он часто сам являлся пострадавшей стороной и вынужден был принимать условия государства или отдельного крупного феодала

---

¹¹⁰ Не указана. — *Примеч. А. А.*

(Дневник Закария Акулисского 1939. С. 75–76). Поэтому купцы в XVII–XVIII вв. были тесно связаны с феодалами и феодальным государством и полностью зависели от него.

Крупные купцы занимались не только торговлей. Очень важной статьей их доходов являлись различного рода откупа. В Кызылбашоком государстве, вероятно, не было чего-либо не сдававшегося на откуп. На откуп сдавались базары, налоги (Там же. С. 70), пошлины, монетные дворы¹¹¹ и т. д. В этом отношении /с. 224/ чрезвычайно интересна история отдачи на откуп ереванского монетного двора. В 1658 г. ереванский Неджаф-кули-хан отдал монетный двор в Ереване акулисскому купцу Симону. В 1663 г., когда Неджаф-кули-хан был переведен в Шемаху, он забрал с собой и Симона. Новый ереванский хан Аббас-кули-хан также отдал монетный двор на откуп двум купцам, одному из Астапата — ходже Саркису и другому из Еревана — другому Ходже Саркису. За откуп они платили в год 1 500 туманов. В 1668 г. Симон вернулся в Ереван и вновь получил на откуп монетный двор. Когда же в 1670 г. Симон был назначен зараф-баши (начальником монетного двора) в столице Исфагане, то ереванский монетный двор взял на откуп купец Агабек, который держал его до своей смерти в 1674 г. И с 1674 по 1679 г. откупщиком ереванского монетного двора был опять ереванский купец Саркис, которого сменил акулисец Мосей (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 101).

Тот же самый купец Симон брал на откуп сбор пошлин в Ереване (Там же. С. 101).

Крупные купцы накапливали огромные богатства, большая часть которых оставалась у них в виде сокровищ, в деньгах, золотом и серебряной посуде. Так, в 1703 г. умер купец Сафар Ахиджанц, оставив много сокровищ и посуды из золота и серебра (Ананун Ванецу тарегрут'йун 1951. С. 352). Афганцы, взявшие в 1722 г. Исфаган, нашли в Новой Джульфе 60 000 фунтов стерлингов, наличными деньгами у братьев купцов Карделян и 40 000 фунтов у купца /с. 225/ Я. Черимянца (Krusinski 1742. P. 52). Стесненные рамками феодального строя и сами органически связанные с ним, купцы могли применять свои средства лишь для дальнейшего увеличения своего товарооборота, либо для покупки земли, виноградников, садов, мельниц и, наконец, для ростовщических операций. Очень многие купцы в XVII–XVIII вв. вкладывали свои средства в покупку земель, садов и т. д. В частности, упомянутый купец Симон имел в городе Ереване в числе прочего имущества и земли (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 89). Захарий Саркаваг

---

¹¹¹ Монетные дворы существовали в XVII в. в Тебризе, Ереване, Арdebиле (Sansou 1694. P. 159–160).

рассказывает об одном купце из городка Карби, торговавшем шелком в Турции и являвшимся собственником скота, виноградников, мельниц (Зак'ареа Саркаваг 1873. С. 131).

В 1665 г. умер Ходжа-Авак из Акулиса; его имущество оценивалось в 3 000 туманов и состояло из дома, имения, денег и земли (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 73). Сам Захарий Акулеци, автор известного «Дневника» рассказывает, как он купил сад, смежный со своим домом за 54 тумана и затем израсходовал на постройку там давлен для олив 46 тумана (Там же. С. 63). Но особенно показателен здесь пример ереванского купца — ходжи Сета. Этот ходжа Сет, живший в первой половине XVII в., являлся собственником ряда виноградников в городе Ереване и земель в окрестных деревнях. И сам Сет, и его сын Якоб, и сын последнего Саак, и сын Саака Авраам, и родственник последнего Саргис приобретали в Ереване и его области виноградники (Симеон Ереванци 1958. С. 121, 180–181)¹¹². /с. 226/

Купцы являлись одновременно и ростовщиками. Свои свободные средства они сужали под проценты мелким собственникам, ремесленникам-лавочникам, с которых потом взыскивали все, что возможно. С другой стороны, вечно нуждавшиеся в деньгах феодалы часто прибегали к займам. Захарий саркаваг упоминает о *դրամատիրքի* (букв., «денежные люди», «владельцы денег») под которыми, очевидно, подразумевает крупных купцов, занимавших деньги ереванскому хану по 10–20 туманов каждый (Зак'ареа Саркаваг 1873. С. 78). Вышеупомянутый акулиский купец Симон давал деньги в заем некоему юз-баши (сотнику) Алла-верды-беку в городе Тебризе (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 40). Все это еще более объединяло купечество с классом феодалов. Недаром крупное купечество, совдакяры, резко выделялись и отличались от мелких лавочников-ремесленников¹¹³. Купечество в XVII–XVIII вв. и политически было тесно связано с господствовавшими в стране землевладельческими и служилыми феодалами.

Купцы могли занимать видные административные должности в городе. В частности, в середине XVII в. должность калантара в городе Ереване занимал внук вышеупомянутого Сета, Саак (Симеон Ереванци 1958. С. 180).

¹¹² О покупке виноградника в Ереване внуком Сета Сааком в 1650 г. говорит документ Матенадарана (Матенадаран, Архив католикоса, I, № 85). О ходже Сукиасе, собственнике села, см.: Симеон Ереванци 1958. С. 127. В 1131 г.х. (1718/19 гг.) католикос Астуатсатур приобрел в с. Ошакан 9 виноградников и 12 мельниц у двух купцов из Еревана за 70 туманов (Там же. С. 187).

¹¹³ Известный политический деятель и писатель начала XIX в. Д. Мориер, работавший секретарем английского посольства в Иране, резко разграничивал экономическое и правовое положение этих двух категорий (Morier 1813. P. 334).

В Кызылбашском государстве существовал, судя по некоторым данным, особый глава купечества, носивший титул «ме/с. 227/лик-оль-таджар» (ملك التاجر). Однако о функциях его и правах почти ничего не известно, в городах купечество подчинялось общегородской администрации.

г) Ремесленники

Значительную группу городского населения составляли ремесленники. Еще Искандер Мунши писал, что «большинство населения славного города Тебриза торговцы и люди ремесла и промышленности» (اهل حرفت و صناعت). Никаких же точных данных о численности ремесленников в городах Восточного Закавказья до нас не дошло. Можно, однако, предполагать, что далеко не во всех городах ремесленники составляли большинство населения. При большом удельном весе в городской экономике таких отраслей хозяйства, как садоводство, огородничество, виноградарство и в ряде случаев зернового земледелия, очевидно, что во многих городах процент ремесленного населения сильно снижался за счет крестьянского. Поскольку местом работы ремесленника и одновременно сбыта его товара являлась лавка — دكان «доккан», некоторую помощь в уяснении вопроса о численности ремесленников в городах середины XVII в. оказывают данные о количестве лавок в городах, имеющиеся у Эвлия Челеби. Однако следует иметь в виду, что в одной и той же лавке могли работать два ремесленника одновременно. С другой стороны, существовали, как можно предполагать, ремесленники, работавшие у себя на дому. Эвлия Челеби дает следующие данные о численности лавок в городах Азербайджана и Восточной Армении (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 236–288):

1. Нахичеван — до 1000 лавок /с. 228/
2. Карабах — до 600 лавок
3. Маранд — до 600 лавок
4. Тебриз — до 7000 лавок
5. Марага — до 7000 лавок
6. Уджан — до 600 лавок
7. Кехрван — до 800 лавок
8. Хой — до 1000 лавок
9. Ареш — до 800 лавок.

Жан Шарден, побывавший в Тебризе в 60-х гг. XVII в. считал, что в нем ок. 15 000 лавок, однако эта цифра нам кажется сильно преувеличенной¹¹⁴.

¹¹⁴ Шарден в ряде случаев несомненно преувеличивает численность городского населения в Кызылбашском государстве. Достаточно сказать, что население

Точно так же в нашем распоряжении нет полных данных о видах ремесел, существовавших в городах XVII–XVIII вв. Наиболее полный перечень ремесел, существовавших в городах Кызылбашской державы XVII в. имеется у французского миссионера Рафаэля дю Мана, прожившего в Иране 52 года и оставившего замечательное описание состояния Сефевидского государства в 1660 г. Всего у дю Мана перечислено 42 вида различных ремесел (не включая такие профессии, как фокусники, дервиши и т. д.). Вот они (du Mans 1890. P. 197–213): 1) ткачи по золоту, серебру и шелку — شعرباف , 2) زرکش «те, которые растягивают золото и серебро в нити столь тонкие, что их едва можно видеть», 3) مالو کوب «те, которые на очень маленьких наковальнях такими же молоточками сплющивают эти золо/с. 229/тые и серебряные нити, а жены этих рабочих накатывают их на шелк».

Про эти три категории ремесленников дю Ман говорит, что несмотря на несовершенство своих орудий труда, они не уступают французским мастерам.

4) زرگر	мастера по золоту и серебру,
5) مسگر	медники,
6) رویگر	лудильщики,
7) کاشی پز	мастера, изготавливающие фаянсовую посуду,
8) نقاش	художники,
9) کمانگر	лучники,
10) تیرگر	изготавливающие стрелы,
11) شیشه گر	стекольщики,
12) حکاگر	граверы, резчики,
13) نجار	плотники,
14) صحاف	переплетчики,
15) کاغذساز	делающие бумагу,
16) آهنگر	кузнецы,
17) کفشدوز	башмачники,
18) درزی	портные
19) ریخته گر	литейщики,
20) نعلچی	изготавливающие подковы,
21) دو اتگر	аптекарь,
22) نانوا	пекарь,
23) قنادی	кондитер,
24) دباغ	кожевник,
25) رنگساز	красильщик,
26) چیب ساز	изготавливающий ситец, /с. 230/
27) خراط	столяр,

Табриза, по его оценке, составляло 550 000 человек — цифра, которая должна быть сокращена минимум в 3 раза (Chardin 1811. P. 327).

28) زینساز	седельник,
29) دلودوز	делающий кожаные ведра,
30) باروتساز	изготавливающий порох,
31) کاردگر	делающий ножи,
32) تیغساز	делающий лезвие для сабель,
33) قنذاق ساز	делающий приклады для мушкетов,
34) ریسمانیاف	изготавливающий веревки,
35) صندوقساز	изготавливающий сундуки,
36) ساعت ساز	часовщик,
37) سوزان ساز	изготавливающий иголки,
38) کوره پز	обжигающий кирпичи,
39) بنا	строитель,
40) معمار	архитектор,
41) حامل	грузчик, носильщик,
42) شمشیر ساز	изготавливающий мечи.

Вопрос об организации ремесленников до сих пор полностью не разрешен. Лучшей работой по данному вопросу продолжает до сих пор оставаться монография С. Егиазарова (1891). Егиазаров кроме амкарств города Тифлиса изучал армянские цехи Закавказья на примере амкарств Ахалциха и частично Еревана. Кроме цеховых уставов первой половины XIX в. им были использованы данные Шардена (XVII в.) и ряд более ранних документов.

Что касается цехов в городах Азербайджана, то иссле/с. 231/дований по этому вопросу вообще нет, что объясняется почти полным отсутствием источников по данному вопросу. До сих пор, можно считать, под вопросом самое существование ремесленных организаций в городах северного Азербайджана. В последней статье на эту тему (Алиев 1957в) ее автор поставил вопрос о конкретном существовании ремесленных организаций в городах Северного Азербайджана во второй половине XVIII в. Ф. Алиев, не найдя в источниках конкретных данных о существовании амкарств в городах Северного Азербайджана, все-таки приходит к выводу, что они там существовали на основании следующих предположений: во-первых, ссылкой на запись 20-х гг. XX в., основанной, в свою очередь, на ссылке на свидетельства стариков, утверждавших, что они помнят существование цехов в городах Северного Азербайджана; во-вторых, ссылкой на существование амкарств в соседних странах, главным образом, Грузии и Турции и, в третьих, на сходстве ремесленной терминологии в Грузии и Азербайджане (Там же. С. 129–130). Нам кажется, что все эти предположения еще не разрешают вопроса. Единичная ссылка на запись 20-х гг. XX в., в свою очередь, основанная на устных свидетельствах лиц, которые сами по себе к тому же могли засвидетельствовать лишь явления, относившиеся на полстолетия поз-

же изучаемой Ф. Алиевым эпохи, отнюдь не может опровергнуть того факта, что в описях городов Азербайджана XIX в. не встречается никаких упоминаний об амкарствах азербайджанских ремесленни/с. 232/ков. Ссылки же на косвенные данные (соседние страны, сходство терминологии) сами по себе также не решают вопроса без конкретных данных. В источниках же XVI–XIX вв. нет упоминаний о ремесленных организациях в Северном Азербайджане¹¹⁵.

Что касается городов Южного Азербайджана, то в нашем распоряжении имеются конкретные данные о существовании в них цехов. Так, Адам Олеарий в своем описании города Ардебилля пишет, что в Ардебиле по обеим сторонам майдана находятся лавки, «в которых работают ремесленники, каждого цеха особо» (Олеарий 1870. С. 583). О цехах в городах Южного Азербайджана имеются сведения и в более поздних источниках (Подробное описание Персии 1839. Ч. I. С. 108). Можно поэтому предположить, что к городам южного Азербайджана относятся в полной мере упоминания о цехах ремесленников — эснафах (اصناف) Кызылбашской державы XVII–XVIII вв. Интересным поэтому является выяснение их особенностей и социальной сущности. О наличии ремесленных цехов в городах Кызылбашского государства говорят многие современные источники (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 102; du Mans 1890. Р. 30–31; Chardin 1735. Т. III. Р. 98; Tadhkirat al-Mulūk 1943. Р. 80–81 [перс. текст]). Однако еще Шарден, которому мы обязаны наиболее подробными сведениями о них, отмечал, что они «не являются тем не менее цехами в полном смысле слова» (Chardin 1735. Т. III. Р. 98). /с. 233/ Сравнимая их с ремесленными корпорациями европейских стран, Шарден замечал, что ремесленники этих цехов, например, никогда не собирались вместе (Ibid.). С другой стороны, ремесленники одной специальности жили обычно в одном районе (du Mans 1890. Р. 30) и официально существовали профессиональные организации, во главе которых стояли особые главы — «риш-сефиды», «пишвайян» или «кедходайян» (по терминологии источников — Tadhkirat al-Mulūk 1943. Р. 78, 80–81; Мухаммад Казим. Л. 266).

В XVII в. эти главы назначались калантаром, а в Исфагани шахом (Tadhkirat al-Mulūk 1943. Р. 76 [перс. текст]; Chardin 1735. Т. III. Р. 98). Эти цехи («эснафы») не имели никаких специальных уставов; по крайней мере нам ничего о таковых не известно. Какие же функции выполняли эти ремесленные организации и какова была их роль в рассматриваемый период? Анализ источников показывает, что организации эснафов выполняли не столько производственные,

---

¹¹⁵ Интересно, что С. Егиазаров, говоря о цехах Еревана, отмечает, что мусульманские (азербайджанские) ремесленники в отличие от армянских не были организованы в цехи: Егиазаров 1891. С. (не указана. — *примеч. А. А.*).

сколько административно-налоговые функции. В частности, через них производилось налоговое обложение ремесленников. В XVII — первой половине XVIII в. ремесленники большинства специальностей облагались податью, носившей название «бониче» (بنیچه) (Tavernier 1681. Т. I. P. 544; du Mans 1890. P. 30–31, 33; Chardin 1735. Т. III. P. 99; Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 76–77, 80–81 [перс. текст]). От этой подати освобождались ремесленники таких специальностей, как каменщики, столяры и некоторые другие, которые взамен этого должны были работать на шаха или местных правителей, когда те от них этого требовали (Tavernier 1681. Т. I. P. 544; Chardin 1735. Т. III. P. 99, 346). Шарден писал, что в его /с. 234/ времена эта подать равнялась 10 су с лавки (Chardin 1735. Т. III. P. 346). Возможно, что определенная доля бониче бралась натурой. Бониче устанавливалась так. Нагиб города собирал глав цехов и вместе с ними устанавливал размеры бониче, «согласно закону, праву, порядку и обычаю». Сбором бониче с эснафов ведал калантар города (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 76–77 [перс. текст]).

Кроме бониче и обязательных работ, на цехи падали расходы по содержанию в городах иностранных послов (du Mans 1890. P. 30–31)¹¹⁶. Наконец, на эснафы могли возлагаться всякого рода периодические расходы по постройке общественных зданий, мостов, источников орошения в городах. Например, в 1070 г. х. (1659/60 г.г.) при постройке моста в Исфагане часть расходов была возложена на цеха («хамкаран», синоним эснафов) города (Мухаммад Тāхир Ваҳид 1329/1950. С. 260). Судя по «Тазкират-оль-мулук», ришсефиды цехов играли большую роль в установлении рыночных цен, которые назначались городской администрацией по соглашению с главами цехов (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 80 [перс. текст]). Но ни о какой роли эснафов в регламентации самого производства сведений в источниках мы не находим. Даже мастера важнейших ремесленных специальностей утверждались калантаром и нагибом города (Ibid. P. 81). В целом же, говоря /с. 235/ о самом ремесленном производстве, нам кажется, можно признать, что в сущности организации самого производства и ремесленники, организованные в цехи, и ремесленники, не входившие в эснафы, (такое положение очевидно существовало в городах Северного Азербайджана) мало чем отличались друг от друга. Самостоятельный ремесленник — мастер (уstad — اوستاد) работал обычно в лавке, расположенной, как правило, на рынке. Лавка могла быть собственностью ремесленника или могла сдаваться ему в аренду государством, местными феодалами (светскими и духовными), купцами. Ремесленник-лавочник мог работать либо на заказ, либо сам сбывал свои изделия здесь же на рынке.

¹¹⁶ Эти расходы именовались «хавадис» (حوادث) — «случайные расходы», интересно, что дю Ман в данном случае разделяет ремесленников, организованных в цехи, от ремесленников вне цехов.

В случае работы по заказу, ремесленники обычно брали у заказчика деньги на закупку сырья, которые назывались «харджи» (خر جي) (du Mans 1890. P. 31).

Каждый ремесленник-мастер мог брать себе одного или нескольких учеников («шагирд» شاکرد). В условиях отсутствия строгого цехового режима и связанной с этим большей свободы ремесла, отношения между мастером и учеником устанавливались по их взаимному соглашению. Ученик получал плату в течение всего периода своего обучения ремеслу; он мог в любое время расторгнуть договор, но и мастер мог при желании прогнать ученика (Chardin 1735. Т. III. P.¹¹⁷; Salmon, van Goch 1738. S. 74–75). Практически, конечно, ученик во многом зависел от мастера — особенно это проявлялось /с. 236/ в тех случаях, когда в ученики отдавались дети или несовершеннолетние — как правило, их родителями.

Отсутствие строгой цеховой регламентации проявлялось и в том, что ремесленники не были строго ограничены в производстве одного какого-либо товара. Например, ремесленник, делающий котлы, мог взяться за изготовление тазов (Chardin 1735. Т. III. P. 98).

В несколько ином положении находились армянские ремесленники. До XIII–XIV в. Армения, как известно, развивалась по своему своеобразному пути, и там существовал свой особый тип феодальных отношений, во многом сходный с тем, который существовал в соседней Грузии. Но если в Грузии этот тип феодальных отношений сохранился и в период позднего средневековья, то в Армении, потерявшей свою независимость уже в XII в. в силу ряда обстоятельств, среди которых не последнюю роль играл захват Армении кочевыми племенами, главным образом, тюркского и курдского происхождения, массовым поселением на ее территории этих племен, а позднее и оседлого населения, установилось экономическое и политическое господство пришлой тюркской и курдской военно-феодальной знати. В итоге, к XVII в. феодальные отношения в Армении (восточной) по существу не отличались от таковых же в соседних Азербайджане и Иране (Петрушевский 1949а. С. 64–65). Однако элементы старых феодальных отношений сохранились, приспособившись к новому. Именно как остаток старых отношений сохранились в армянских городах (и были перенесены армянскими переселенцами в другие страны, например, в Грузию) цеховые организации, возникновение /с. 237/ и корни которых следует искать в армянском феодализме XI–XIII вв. И в период позднего средневековья в городах Армении мы видим большинство армянских ремесленников, организованных в ремесленные корпорации, носившие название համկարութիւն («амкарство»); на территории же Турции эти

---

¹¹⁷ Пропущено. — *Примеч. А. А.*

корпорации именовались, как и в Иране, «эснафами»¹¹⁸. В данном случае для нас особенно интересны те конкретные особенности, которые отличали армянские амкарства от эснафов Ирана и Азербайджана. Армянские амкарства на рассматриваемой нами территории имелись в городе Ереване, а в XVIII–XIX в. амкарства существовали у армянских ремесленников городе Шуши.

Одно из основных отличий и особенностей армянских амкарств состояло в том, что они являлись более оформленными организациями, нежели эснафы Азербайджана и Ирана. В частности, армянские амкарства имели свои письменные статуты, уставы¹¹⁹. В этом отношении они напоминали европейские цехи.

Во главе армянских амкарств стояли особые главы, именуемые «устабаши» (*ուստաբաշի*), которые избирались ремесленниками своего цеха (Абрамян 1956. С. 253). Устабаши обладал большими полномочиями в рамках своего цеха; в числе прочих он имел судебные функции. Например, устабаши разрешал все тяжбы /с. 238/ между ремесленниками своего амкарства, стоимость которых не превышала двух туманов — в противном случае спор разрешался уже городским судьей (Там же). Особенностью армянских амкарств являлось также и то, что они регулировали само производство ремесленников. Так, согласно ст. 6 упомянутого устава XVIII в. в обязанность главы цеха входил надзор за тем, чтобы производимые ремесленниками товары были определенного веса, размера, качества (Там же). В составе амкарств имелись полноправные мастера — «уста» или «варпет» (*վարպետ* — *վարպետ*), подмастерья — «халифе» и ученики-«ашакерт» (*աշակերտ*).

Ремесленные уставы определяли права и взаимоотношения между ними. Ученик мог стать в зависимости от своей квалификации ремесленника, а также от желания мастеров цеха либо мастером, либо халифой. В конечном счете карьера ученика зависела от мастеров цеха. Статья 11 цитируемого устава гласила: «Если какой-либо ученик достоин стать мастером или халифой, то мастера этой специальности должны собраться и решить (этот вопрос); если он достоин этого — следует выдать ему письменное удостоверение, если не достоин — то он должен пребывать в услужении у данного цеха» (Там же. С. 254).

В функции армянских амкарств, так же как и в функции иранских эснафов, входила регулировка и контроль за налоговым обложением

¹¹⁸ До нас дошел список названий 65 армянских эснафов на территории Турции (Архив армянской истории 1914. С. 338).

¹¹⁹ Старейший цеховой устав армянских ремесленников, дошедший до нас, относится к XIII в. От XVIII в. дошел устав ремесленников в рукописи Матенадарана: недавно текст его издан В. А. Абрамян в приложении к ее книге «Ремесла в Армении IV–XVI вв.» (Йалак'с археставорац 1956. С. 253–258).

ремесленников. Амкарство являлось посредником между правительственной и городской администрацией /с. 239/ и ремесленником. Сохранение амкарств-эснафов было в интересах центрального правительства и местных феодалов, поскольку оно значительно облегчало налоговую и административную организацию городского населения. Главы амкарств и часть мастеров были тесно связаны с крупным купечеством и городскими феодалами и помогали последним держать в повиновении городские низы. Мастера могли приобретать на правах мультка земельные владения, даже вне пределов города. В архиве Матенадарана сохранилась купчая от 1066 г. х. (1655 г.) о продаже в Ереване мастером («уста») эчмиадзинскому престолу за 7 туманов части села Ошакан Ереванской области (Матенадаран, Архив католикоса, I, № 100). Другой документ о такого же рода операции, относящийся к Акулису, датирован 1799 г. (Там же. № 545).

Социально-экономическая роль амкарств в данный период не являлась прогрессивной: в позднее средневековье цехи являлись организацией пережиточной, сковывавшей в своих тесных рамках развитие производства. Характерно, что наиболее развитые в XVII–XVIII вв. виды ремесел, такие как ткачество и производство бархата, не были связаны с амкарствами.

Мир и относительное спокойствие экономической жизни, наступившие после прекращения длительных и разорительных войн на территории Закавказья со второй трети XVII в., способствовали подъему и росту производительных сил страны. В целом, хозяйство еще в значительной степени оставалось натуральным. Это проявлялось и в том, что подати взыски/с. 240/вались в значительной степени натурой, продуктами ремесла, скотоводства и земледелия. В сельскохозяйственных районах налоги платились, главным образом, хлебом, шелком, хлопком, причем два последних продукта собирались, в основном, натурой ввиду их большего экспортного значения.

В XVII в. местные правители (в т. ч. и закавказские) определенную часть доходов с области натурой высылали в Исфаган (Kämpfer 1712. P. 137). В источниках часто встречаются упоминания о пожалованиях шахов различным чинам на огромные суммы в 10 000–15 000 туманов товаров, в т. ч. «прекрасных одежд из бархата и соболей», «ценных тканей», золотой и серебряной посуды, керманских ковров и т. д. (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 102; Мухаммад Тәхир Вахид 1329/1950. С. 23, 37). При дворе шаха и местных беглярбеков в XVII в. существовали большие мастерские, называвшиеся «кархане». Кархане не являлись каким-либо новым, свойственным лишь этому периоду явлением. Подобные мастерские имелись еще в странах арабского халифата, а позднее в Хулагуидском Иране (Петрушевский

1951б; Али-Заде 1956. С. 47). Эти мастерские возникли в условиях господства натурального хозяйства, когда шахи и крупные феодалы, не имея возможности приобрести на рынке все нужные им предметы, получали их из такого рода мастерских. И в XVII в. экономическая сущность этого института сохранилась с той лишь разницей, что вместо /с. 241/ принудительного, рабского труда, на эксплуатации которого были основаны кархане более раннего периода, в этих мастерских использовался труд свободных ремесленников, находившихся в привилегированном положении и получавших плату частично деньгами, частично натурой (о кархане в XVII в. см.: della Valle 1745. P. 197–198; Chardin 1811. Т. VII. P. 329; Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 55–69). Не случайно, что во второй половине XVII в. с наметившимися некоторыми элементами разложения натурального хозяйства и ростом внутреннего рынка этот институт стал изживать себя. Например, сократилось количество шахских кархане за счет того, что дворцовое ведомство стало находить более выгодным заказывать изготовление шелковых материй в соседние с Исфаганом деревни крестьянам, снабжая их нитками и шелком и оплачивая труд (Chardin 1811. Т. VII. P. 330). Такого же рода производство, которое по типу своему приближается к рассеянной мануфактуре, было в XVII в. и в Азербайджане и Армении.

В городах Азербайджана и Восточной Армении в XVII в. особое развитие получили производство различных товаров, шедших, главным образом, на внешний рынок. Тебриз, например, славился производством хлопчатобумажных, шелковых и золотых тканей и лучшими на Востоке тюрбанами (Tavernier 1681. Т. I. P. 47; Der allerneueste Staat 1725. S. 314). Большой удельный вес в товарообороте Тебриза играла парча (زر بفت), производимая в этом городе. Существовало много сортов и разновидностей шелковых тканей и парчи (Chardin 1735. Т. III. P. 119). Сырье поставлялось из соседних областей (хлопок из Армении и Карабаха, /с. 242/ шел[к] из Гиляна и Ширвана). Во второй половине XVII в. Тебриз потреблял для своего производства до 6 000 тюков шелка (Chardin 1811. Т. II. P. 327–328). Производством шелковых тканей славились Шемаха, Ганджа и другие города.

И в текстильном производстве появились отдельные элементы разделения труда. Так, при производстве одного из сортов парчи участвовали в процессе его изготовления 5–6 человек (Chardin 1735. Т. III. P. 119). В XVII в. в городах появляются крупные мастерские типа простейшей мануфактуры. Европейские и русские источники именуют их обычно «фабрики» или «мануфактуры». Правда, ни один источник XVII–XVIII вв. не дает нам точного представления о том, что они представляли из себя, но уже из самого употребления в отношении их вышеуказанных терминов по аналогии с тем, что подразумевалось

под таковыми в Западной Европе и России, мы можем предположить, что эти фабрики являлись предприятиями мануфактурного типа. Кроме того, в нашем распоряжении имеются данные начала XIX в., дающие понятие о внутренней структуре заведений этого типа. Это были небольшие заведения на 1–2, иногда больше, ткацких стана, при каждом состояло 4–5 рабочих, каждый из которых выполнял особую производственную операцию (Легкобытов 1832–1836. Ч. III. С. 110–112). Подобного рода предприятия, судя по данным источников, имелись в большинстве крупных городов Закавказья, но наиболее важными центрами их были города Тебриз и Шемаха. Однако последняя, пережив тяжелые последствия страшного нашествия полчищ Надир-шаха, когда сам город был /с. 243/ разрушен до основания и перенесен на другое место, возродила свою шелкоткацкую промышленность, основа которой черпалась из местной домашней промышленности, еще с начала XVII в. широко распространенной во многих районах страны (Олеарий 1870. С. 738). Из Тебриза прибыли в Шемаху до ста лучших специалистов-ремесленников («фабрикантов»), которые оказали свою помощь в восстановлении былой славы города как центра шелковой промышленности (Гмелин 1771. С. 101–102). Но на этот раз Шемаха пострадала от феодальных усобиц, которые и во второй половине XVIII в. наносили большой ущерб экономике страны. Когда известный Фетх-али-хан кубинско-дербентский овладел Шемахой с помощью шекинского хана, то его политика привела к резкому упадку шелкоткачества в этом городе, и даже упомянутые тебризские ткачи покинули город (Там же). В конце XVIII в. на первое место в Северном Азербайджане по производству шелковых тканей вышла Ганджа.

Следует упомянуть еще об одной категории ремесленников в городах — о ремесленниках-крепостных, зависимых от отдельных феодалов. О ремесленниках этого рода мы не встречаем сведений в источниках XVII в., хотя очевидно они существовали и в то время. Но, начиная с середины XVIII в., они упоминаются в источниках, и, судя по описанию 1823 г. (Еромолов, Могилевский 2-й 1866) Шуши, в этом городе число ремесленников, зависимых от феодалов, было велико. В этом описании говорится и о ханских ремесленниках, и о ремесленниках, принадлежавших отдельным /с. 244/ феодалам. Нам кажется, что возникновение этой категории ремесленников можно объяснить определенными условиями, сложившимися в стране во второй половине XVIII — начале XIX в. Как уже говорилось выше, в XVII в. в связи с развитием товарно-денежных отношений и увеличением товарооборота в стране стал отмирать древний институт кархане — крупных мастерских, существование которых было тесно связано с господством натурального хозяйства и которые обслуживали потребности господствующего класса

в этих условиях. Однако события первой половины XVIII в. привели не только к политическому распаду страны, но и к сокращению внутреннего рынка и значительной натурализации хозяйства (ниже, с.¹²⁰). В этих условиях господствующий класс — феодалы — вынужден был прибегать к какому-то иному способу удовлетворения своих потребностей в продуктах ремесла. Так, на наш взгляд, возникла довольно значительная категория зависимых ремесленников, игравших в новых условиях ту же роль, что и ремесленники кархане XVII в. В отдельных случаях можно проследить и конкретный процесс образования этой категории ремесленников. Например, среди документов Нахичеванской серии имеется любопытный документ, который, хотя и датирован 1822 г., однако типичен и для второй половины XVIII в. Один из кенгерлинских беков, Мухаммед-султан, приводит в город Нахичеван из окрестных селений несколько армянских и азербайджанских семей с тем, «чтобы они могли заняться работой при вышеупомянутом беке». В персидском оригинале текста выражение «занияться работой» звучит «бе касб-е кар машгул шавад» (/с. 245/ *بکسب کار مشغول شود*), в котором термин «касб-е кар» может быть переведен лишь как занятие ремесленника или мелкого торговца (Передняя Азия в документах 1936. С. 114–115). Таким образом, в данном случае речь идет о переселении ремесленников — зависимых крестьян в город. Если вспомнить историю возникновения города Шуши, то можно предположить, что поскольку основная часть ее населения происходила из окрестных сел, то крестьяне, занимавшиеся различного рода ремеслами и промыслами, оставались феодально-зависимыми от своих старых хозяев — беков джеваншир и др. и во вновь основанном городе. Очевидно, такой же процесс происходил в середине XVIII в. и при заселении развалин старой Шемахи Меме-Саидом. В ходе общего процесса укрепления феодальной собственности, который характерен для XVIII — начала XIX в., укреплялась и власть городских беков над зависимыми ремесленниками, которые в документах первой половины XIX в. именуются «принадлежащими» бекам.

Таким образом, в XVII–XVIII вв. в городах Азербайджана и Восточной Армении существовало три категории ремесленников: 1) ремесленники, организованные в цеха — армянские ремесленники и азербайджанские ремесленники городов Южного Азербайджана¹²¹, 2) свободные

¹²⁰ Пропущено. — *Примеч. А. А.*

¹²¹ Любопытно, что в упомянутых Нахичеванских документах встречаются две различные категории ремесленников Нахичевана. С одной стороны, это *کسبه* арабск. мн.ч. от *کاسب* — «ремесленник, мелкий торговец», и с другой — *اصناف* эснаф. Вероятнее всего, под первыми подразумеваются зависимые (а возможно и свободные) ремесленники, но не организованные в цехи, тогда как термином *اصناف* обозначаются цеховые ремесленники, существовавшие

ремесленники, не входив/с. 246/шие в цеха и зависевшие лишь от феодального государства. Ремесленники этой категории существовали во всех городах Закавказья, они преобладали в шелкоткацкой и хлопчатобумажной промышленности и из них вербовались основные рабочие кадры «фабрик» («мануфактур») XVII–XVIII вв.; 3) ремесленники, зависимые от феодалов, обслуживавшие нужды господствующего класса в условиях господства натурального хозяйства.

д) Прочие слои городского населения

Если источники XVII–XVIII вв. очень немногие говорят конкретно о всех вышеупомянутых слоях городского населения, то о низших слоях городского общества сведений, можно сказать, вообще нет.

Для всех городов Азербайджана и Армении общей чертой являлся их полудеревенский характер. Процесс отделения ремесла от земледелия, города от деревни здесь чрезвычайно затянулся. Причины этого явления до сих пор не выявлены, т. к. состояние изученности истории стран Ближнего и Среднего Востока не позволяет еще прийти по этому важнейшему вопросу к каким-либо определенным выводам. Нам кажется, что большую, если не основную роль в этой замедленности развития сыграло многовековое господство кочевой знати в большинстве этих стран (см. ниже, с. 122).

Даже города, существовавшие уже в течение многих столетий, являлись не только центрами ремесла и торговли, но одновременно в их экономике большое место занимали садоводство, огородничество и даже зерновое земледелие. Как /с. 247/ видно из данных Эвлия Челеби, а также из описаний европейских путешественников, во всех городах Закавказья огромные площади были заняты под садами. Отдельные города даже специализировались на разведении определенных садовых культур. Не будем здесь специально останавливаться на положении крестьянства, составлявшего значительный процент населения городов, поскольку конкретных данных по крестьянам городов нет, в отношении же общего положения крестьянства в XVII–XVIII вв. можно сослаться на имеющиеся исследования, лучшими из которых являются вышеупомянутые монография И.П. Петрушевского и диссертация А.Д. Папазяна. Кроме крестьянства в городах имелись и другие категории населения, которые источники называют «аджамир» и «оубаш» اجامره و اوباش — букв. «чернь», «голодранцы» (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 72, 117, 310), «зо‘афа» (ضعفا) —

в Нахичеване, более связанном исторически с Ереванской областью и Южным Азербайджаном (Передняя Азия в документах 1936. С. 117–118).

¹²² Не указана. — *Примеч. А. А.*

«слабые» (Там же. С. 254). Об этих категориях городского населения источники пишут в двух случаях: во-первых, в связи с их выступлениями и восстаниями против верхов и, во-вторых, в связи с активной борьбой их с турецкими захватчиками (Там же). В обычное время, как можно предполагать из отдельных высказываний источников, эта часть населения работала поденщиками на виноградниках, полях, в садах феодалов, духовенства, купцов¹²³. Они же вместе с крестьянами и ремесленниками использовались на больших оросительных и оборонительных ра/с. 248/ботах. О числе их можно судить по такому факту, относящемуся, правда, к Западной Армении: в 1561 г. потребовалось довести воду к виноградникам города Вана. Работа проводилась под надзором местного паши. Из Вана для произведения этих работ было согнано 8 000 поденщиков (*uşurşlı*) (Архив армянской истории 1912. С. 123). Об использовании большого числа городских жителей на различного рода работах за поденную плату говорят и другие данные (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 37, 117; об использовании нескольких тысяч жителей Ардебилля на постройке плотины за городом см.: Олеарий 1870. С. 583).

В тяжелые годы, особенно в голодные лета, в городах скапливалось много беглецов из голодающих округов. Так, во время сильного голода 1673 г. в Акулисе окопилось такое количество нищих, что городская администрация специально назначала людей выгонять их из города, — зато это было очень на руку зажиточным слоям населения, которые заставляли доведенных до отчаяния людей работать совершенно бесплатно на них (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 94). /с. 249/

§ 3. Торговля городов Азербайджана и Восточной Армении

а) Условия для торговли

В XVII–XVIII вв. города являлись центрами торговли. Общие условия торговли в Азербайджане и Армении в этот период не оставались неизменными. Основной причиной, определявшей развитие не только внутренней, но и внешней торговли, следует считать степень развития производительных сил страны, степень развития товарного производства, разложения натурального хозяйства и отделение промышленности от земледелия. Транзитная торговля в XVII–XVIII вв. уже не имела такого значения, как в более ранний период. К этому времени были освоены и широко использовались морские пути, связывающие страны

---

¹²³ Например, Захарий Акулеци писал, что он использовал для обработки своего виноградника 2 000 рабочих в течение 5 лет (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 95).

Европы с Индией и Восточной Азией. Древние сухопутные торговые пути через Ближний Восток потеряли свое значение.

Поэтому навряд ли правильно мнение тех историков, которые даже причины упадка Сефевидского государства связывают с расцветом и упадком транзитной торговли через Иран. Исторические факты свидетельствуют, что именно в то время, когда сухопутные пути через Иран на Восток имели первостепенное значение для Европы (XIV–XV вв.), Иран и Закавказье никогда не были объединены на длительный период времени, в то же время именно в эпоху существования Сефевидского государства транзитная торговля потеряла свое значение, хотя и не исчезла совершенно. Итальянские торговые республики, которые еще в XVI в. не без успеха преследовали свои политические и торговые цели в Иране, в XVII в. поч./с. 250/ти не имеют сношений с Сефевидским государством.

Уже в XVII в. внешняя торговля стран Ближнего Востока определялась почти исключительно товарами, производимыми в этих странах. В частности, торговые интересы европейских стран в Кызылбашской державе определялись, главным образом, шелком, который производился в ее северных областях. Производство шелка возрастало на протяжении XVII в. Так, согласно Адаму Олеарию, в первой половине XVII в. в Кызылбашском государстве производилось ежегодно от 10 000 до 20 000 тюков шелка (в тюке — 216 фунтов). Из них (Олеарий 1870. С. 791):

Гилян давал	— 8 000 тюков в хороший год,
Ширван	— 3 000 тюков в хороший год,
Хорасан	— до 3 000 тюков в хороший год,
Мазендеран	— 2 000 тюков в хороший год,
Карабах	— 2 000 тюков в хороший год.

Из них лишь 1 000 тюков оставались в Иране, весь же остальной шелк шел за границу. Во второй же половине XVII в. по всей Кызылбашской державе производилось 22 000 тюков шелка (по 276 фунтов каждый) из них (Chardin 1735. Т. III. P. 123):

в Гиляне	— 10 000 тюков,
в Мазендеране	— 2 000 тюков,
в Азербайджане (очевидно, в Ширване), по терминологии Шардена — в Мидии	— 3 000 тюков,
в Хорасане («Бактрии»)	— 3 000 тюков,
в Карабахе и Грузии	— в каждой по 2 000 тюков.

В начале XVIII в. из-за разорительных войн и набегов горских феодалов резко сократилось производство шелка в/с. 251/ Азербайджане. На протяжении всей первой половины XVIII в. основным поставщиком шелка для местной промышленности и внешней торговли являлся Гилян, значительно менее затронутый бедствиями этой эпохи, нежели Закавказье.

В 40-х гг. XVIII в. Гилян производил в год 30 000 батманов (ок. 90 000 кг) шелка, из которых 6 000 оставались в стране, 4 000 вывозились сухопутным путем через турецкие владения, а остальной шелк (20 000 батманов) вывозился через Каспийское море (Напвай 1753. Vol. II. P. 16).

Именно из-за шелка, большая часть которого, как видно из вышеприведенных данных, вывозилась за границу, в Иране велась борьба за монополию его вывоза между голландскими, английскими, французскими, русскими и иными купцами. В XVII в. торговля шелком находилась, главным образом, в руках купцов Новой Джульфы, предместья Исфагана; но и купечество северных городов получало определенную выгоду от нее.

Сефевидские шахи с самого начала оказывали покровительство внешней торговле и крупному купечеству. Хроники сообщают факт, когда основатель этой династии Исмаил I, узнав в 1512 г. об ограблении кызылбашами племени текелю каравана купцов в Азербайджане, приказал казнить часть виновных, другую же распределил между прочими племенами (Йахйя б. 'Абд ал-Латиф ал-Қазвини. Л. 164а; Шереф-хъан Бидлисй 1862. С. 149). Поэтому крупное армянское купечество Закавказья в начале /с. 252/ XVII в. с восторгом встретило войска Аббаса I (Каш и Текандер 1896. С. 33). В XVII в. Сефевиды оказывали большое внимание охране дорог и интересов купечества. В Кызылбашской державе существовало правило личной материальной ответственности местных правителей в случае ограбления купца (Tavernier 1681. Т. I. P. 556). По жалобам купцов могли сниматься правители провинций¹²⁴.

Положение изменилось в конце XVIII в., когда шахское правительство, все более нуждавшееся в средствах, старалось увеличить поступление их в казну посредством увеличения налогов; в свою очередь местные правители старались выкачать побольше средств из податного сословия. Сильно пострадало и купечество (Hassan Dchalalians 1876. P. 204)¹²⁵. Большую роль для развития торговли играла отмена тамги (налога с торговцев) Тахмаспом I¹²⁶. Очень выгодную для купечества реформу в порядке /с. 253/ и способе приобретения шелка произвел шах

¹²⁴ Тавернье рассказывает о снятии беглярбека Еревана по жалобам купцов города (Tavernier 1681. Т. I. P. 505–506). О снятии беглярбека Хамадана по жалобе арабского купца см.: Sanson 1694. P. 111–112.

¹²⁵ Польский иезуит И. Крусинский, живший в Исфагане в первой четверти XVIII в., сравнивая условия для торговли в XVII в. и в начале XVIII в., приводил случай, когда ограбленный тбилисский купец обратился к местным властям за содействием. В ответ на это ему было заявлено: «найди вора и я верну тебе твое имущество» (Krusinski 1742. P. 95).

¹²⁶ Налог этот на торговцев был введен в XIII в. Хулагуидами, и составлял 1 динар с каждых 240 динаров имущества торговца. См.: «О финансах» Насир-ад-дин-Туси издания В. Минорского (Minovi, Minorsky 1940. P. 761, 773). Об отмене тамги см.: Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 123.

Сефи I (1629–1642). Если до этого времени монопольное право скупки шелка у райатов и землевладельцев принадлежало казне, то по указу Сефи I купцы могли теперь непосредственно скупать шелк у крестьян без посредничества казны (Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 13–14). Благоприятно отразился на развитии торговли мир 1639 г. с Турцией. При Надир-шахе делались попытки восстановления безопасности торговли¹²⁷, но в общем положение мало изменилось¹²⁸, а для стран Закавказья господство этого завоевателя принесло, как известно, неисчислимые бедствия. После смерти Надир-шаха начавшиеся междоусобия тяжело отразились на состоянии торговли. На некоторое время положение улучшилось в 1752 г., когда мирный договор Ираклия II с Азад-ханом, правителем южного Азербайджана «возвратил некоторую свободу торговли» (Peggin 1754. P. 450).

Купечество городов Азербайджана и Армении вело оживленную торговлю также с Турцией, различными областями Ирана, Средней Азией, Индией¹²⁹. Местные купцы ездили даже /с. 254/ в Китай и на Филиппины. Так, в 1631 г. купец из Азербайджана Якоб Исусян совершил торговую поездку в Индию и дошел до Манилы (Филиппины) с товарами на сумму в 200 туманов (hАкоб hИусин верагвац' жаманакагрут'йун 1951. С. 196). В XVII в. в Кызылбашском государстве лучшей считалась японская медь (Tavernier 1811. P. 338; Chardin 1811. Т. III. P. 355).

В XVII в. было пять основных торговых путей, по которым купцы Закавказья вели торговлю с зарубежными странами. Первый из них — старый караванный путь из Тебриза через Диярбекир на Алеппо и далее морем в Европу. Второй путь — из того же Алеппо на Тебриз через Месопотамию (Ирак арабский). Третий — из Тебриза на Ереван, Тбилиси, Западную Грузию, через Черное море в Константинополь. Четвертый — из Азербайджана через Западную Армению (Эрзрум), далее через Трапезунд, Каффу, Аккерман, Яссы, Люблин на Варшаву. Пятый путь — из Шемахи на Дербент, Терки, Астрахань и далее в Россию (Tavernier 1811. P. 254–281). Торговля с Индией шла через Иран либо сухопутным путем, либо через южные порты.

В торговле с Россией наибольшую роль играли города Дербент¹³⁰ и Баку.

¹²⁷ Например, при Надире был схвачен Мехди-хан зенд за грабежи купцов (Абу-л-Хасан Гулистанй 1359/1941. С. 127).

¹²⁸ О недовольстве купцов Надиром и бесчинствах его заместителей в отношении купцов, см.: Nanway 1753. P. 233–234, 337. Там же о бегстве купцов в Индию и Турцию.

¹²⁹ О торговле армянских купцов в Индии имеются специальные работы (Тер-Григорян 1922а; 1922б; 1922в; Seth 1957).

¹³⁰ Об огромной торговой роли Дербента писал Эвлия Челеби, который говорил, что в Дербенте торговали товарами из России, Средней Азии и Китая (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 310).

Условия торговли в Азербайджане и Армении в XVII–XVIII вв. были нелегкие. Дороги очень часто находились в плохом состоянии (см., например, описание дороги из Шемахи в Баку: Гмелин 1771. С. 86); несмотря на меры, предпринимаемые правительством, /с. 255/ даже в XVII в. часто случались нападения на караваны разбойников (см.: Стрейс 1935. С. 242). Не говоря уже о времени полунезависимых ханств XVIII в., даже в XVII в. не существовало единой денежной системы; по областям каждый хан чеканил свою монету, и таковая ходила лишь в пределах его области (Krusinski 1742. P. 50). В случае необходимости ханы подделывали монету (Гмелин 1771. С. 206), и, можно сказать, что в течение всего рассматриваемого периода полноценной монеты никогда в обращении не было.

Точно также не только на территории всей Кызылбашской державы, но и на территории закавказских беглярбекств не существовало единых мер веса и объема. В частности, тебризский ман (батман) был равен 2,94 кг, в то время как таковой же в Гандже составлял 6,4 кг, а так наз. шахский ман равнялся 5,888 кг. Официальной денежной единицей являлся туман, делившийся на 10 000 динаров. Однако практически ходившая монета носила совершенно другие названия, туманы же и динары употреблялись лишь при расчетах. Стоимость денег менялась на протяжении XVII–XVIII вв. Колебания курса денег того времени — вопрос до сих пор не изученный.

Очень велики были всякого рода таможенные поборы. В период существования Сефевидского государства (XVI — перв. четверть XVIII в.) таможенные и дорожные (рахдарные) пошлины собирались в общегосударственное казначейство. Во второй половине XVII в. они составляли огромную сумму в 60 000 туманов (Chardin 1735. Т. III. P. 351). В /с. 256/ казну шли в тот период и доходы с ширванской нефти, составлявшие в конце XVII в. 20 000 туманов (1 000 000 ливров) (Sanson 1694. P. 100). Наиболее значительные таможенные сборы давали в XVII в. таможи Дербента (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 310)¹³¹ и Баку. Единой системы дорожных пошлин в Кызылбашской державе не существовало, и в различных провинциях сборы их были различны (Chardin 1735. Т. III. P. 346). В первой половине XVII в., например, дорожная пошлина при переправе через р. Аракс у Нахичевани составляла 10 аббаси с вьюка, тогда как в городе Маранде, по соседству, брали 13 аббаси с вьюка (Tavernier 1681. Т. I. P. 42, 45). Единицей оценки товара служил обычно верблюжий вьюк.

Во второй половине XVII в. дорожные пошлины в Кызылбашской державе были от 1 су до 5–6 ливров с вьюка (Chardin 1735. Т. III. P. 346).

---

¹³¹ В первой половине XVIII в. общая сумма сбора пошлин в Дербенте была ок. 1000 рублей (Гербер 1760. С. 204).

В Шемахе в начале XVIII в. брали 50 су с вьюка. Кроме постоянно существовавших дорожных сборов местные ханы даже в XVII в. могли накладывать небольшие поборы на ввозимые в город товары (так, в 1632 г. хан города Кума Ирак-е аджем наложил небольшую пошлину на фрукты, ввозимые в город: Tavernier 1681. Т. I. P. 65). Обычно таможи находились либо в городах (при въезде в город), либо на переправах через реки (о таможне при переправе через Аракс, см.: Tavernier 1681. Т. I. P. 42; о таможнях на р. Атте см.: Гмелин 1771. С. 54), либо на границе ханств.

В условиях существования оживленной торговли, очень важную роль играли караван-сарай. В Кызылбашском государств. **257**/стве XVII в. строительство караван-сарая производилось как центральной властью, так и местными правителями¹³² и частными лицами (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 121). Лучшие из караван-сарая были расположены в городах. Во всех городах Азербайджана и Армении в XVII в. было по несколько караван-сарая, в крупных же городах их были десятки. Так, в середине XVII в. (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 236, 241, 242, 269, 270):

в Нахичеване было	— 20 караван-сарая,
в городе Карабаге	— 3 караван-сарая,
в городе Тесви	— 6 караван-сарая,
в городе Маранде	— 3 караван-сарая,
в городе Мараге	— 40 караван-сарая
в городе Уджане	— 7 караван-сарая.

В городе Тебризе было в XVII в. до 300 караван-сарая (Chardin 1811. Т. II. P. 322), в Шемахе — 7 (Котов 1852. С. 4). В Ереване в начале XIX в. было 7 караван-сарая (Шопен 1852. С. 468).

Собственно говоря, караван-сарай были двух родов: одни для путешественников и паломников, а другие для торговцев — вторые-то и являлись собственно караван-сараями (Chardin 1811. Т. II. P. 146).

В этих караван-сараях торговцы должны были платить, во-первых, пошлину за въезд и, во-вторых, определенную плату за **с. 258**/ пребывание в них (Ibid.). В караван-сараях кроме жилых помещений находились лавки, конюшни, склады. Большие караван-сарай могли вмещать до 300 человек и даже более (Ibid. P. 322). Караван-сарай являлись собственностью государства, местных правителей, религиозных учреждений¹³³, частных лиц. В последних случаях они являлись мульками

¹³² Лучший караван-сарай в городе Ереване в середине XVII в. построил беглярбек, см.: (сноска пропущена. — *Примеч. А.А.*) P. 164. Лучший караван-сарай в Тебризе в первой половине XVII в. был построен везирем провинции (Tavernier 1681. Т. I. P. 47).

¹³³ Мазар Сефи-ад-дина в Ардебиле владел 8 караван-сараями в городе (Олеарий 1870. С. 591).

(хайрениками) и в качестве таковых свободно могли продаваться и покупаться (см. купчие о продаже караван-сараев: Абрамян 1941. С. 140, 142). В XVIII в. в связи с войнами, междоусобиями и общим сокращением внешней торговли, многие караван-сарай, особенно из числа крупных, пришли в упадок и находились в развалинах.

б) Внешняя торговля городов Азербайджана и Восточной Армении в XVII–XVIII вв.

В XVII–XVIII вв. Азербайджан и Восточная Армения имели широкие торговые связи со многими странами Азии и Европы.

Наиболее исследован вопрос о торговле Закавказья с Россией (см. библиографию), хотя и в его изучении имеются значительные пробелы, которые могут быть восполнены, однако, лишь специальными исследованиями.

Между Россией и Кызылбашским государством оживленная торговля началась уже с середины XVI в. после присоединения при Иване IV Казанского и Астраханского ханств, служивших до этого времени препятствием для торговли Русского государства с Востоком. Одновременно торговый путь через /с. 259/ Россию по Волге на Каспийское море начал интересовать и западноевропейские державы, особенно северные государства (Англию, Голштинию, Швецию и ряд других), для которых торговля с Ближним Востоком через Россию дала бы большие выгоды, если бы политика русского правительства, стоявшего на страже отечественного купечества, не ставила на пути транзитной торговли ряд препятствий (Зевакин 1940), которые в конце концов привели к тому, что основная торговля стран Западной Европы с Ираном и Закавказьем продолжала идти через Турецкую империю, а в XVII в. и через южно-иранские порты.

Поэтому на практике волжский торговый путь обслуживал главным образом торговлю России с Ираном и Закавказьем, и торговля западноевропейскими товарами производилась через посредничество русских, армянских и отчасти мусульманских (иранских и азербайджанских) купцов. XVII в. был периодом мирных, главным образом торговых связей между Русским государством и Ираном. Об этом свидетельствуют не только многочисленные русские архивные данные, но и иранские и даже западноевропейские источники. Французский путешественник Шарден (60-е гг. XVII в.) передает в своих записках свой разговор с этемад-эд-доуле Сефевидского государства, в котором последний между прочим заявил: «Московия (Россия) является нашим соседом и нашим другом и торговля ведется между нашими государствами с давних времен без перерыва; почти ежегодно между нами происходит обмен посольствами» (Chardin 1811. Т. II. Р. 174–175). Официальный историограф

второй половины XVII в., ставший в конце этого столетия этемад-эд-доуле, /с. 260/ Мухаммед Тахир Вахид также писал, что между Россией и Ираном существуют прочные дружеские отношения (Мухаммад Тāхир Вахїд 1329/1950. С. 308). Серьезный конфликт между Россией и Сефевидами возник лишь в связи с борьбой за влияние в северном Дагестане в середине XVII в. (Там же. С. 159–160). В остальном же русское правительство, заинтересованное в развитии торговли с Ираном, практически шло на уступки шахскому правительству. Это особенно ярко видно на примере грузинского вопроса. На протяжении всего XVII в. русское правительство фактически признавало Грузию вассалом Ирана, хотя и оказывало посильное покровительство грузинским царям.

Торговля России с Закавказьем велась главным образом из Астрахани через порты Дербент, Ни[я]забад и Баку. Основной статьей вывоза в Россию (и далее в Западную Европу) был в XVII в. шелк-сырец и шелковые изделия, производимые в Шемахе, Тебризе и других городах. Из России ввозили, главным образом, металлы, добыча которых в Закавказье и Иране была слабо налажена (олово, медь, свинец, железо), меха, сукна, водку. В XVII в. велась упорная борьба за монопольный вывоз шелка через Россию, однако практически значительная часть его (если не большинство) даже в 60-е–70-е гг. XVII в., в период заключения известных договоров армянских купцов Джульфы с Россией, вывозилась иными путями. К тому же купцы Новой Джульфы торговали, в основном, гилянским шелком, тогда как значительная часть ширванского шелка закупалась акулисскими и иными купцами Закавказья и вывози/с. 261/лась через Турцию.

С конца XVII в. в торговле с Россией возникли существенные затруднения, связанные, главным образом, с позицией, которую заняли купцы Новой Джульфы (Зевакин 1929. С. 11), после того как все их попытки получить право свободного транзита на Запад через Россию окончились неудачей.

В Закавказье серьезным препятствием торговле русских купцов стали нашествия горских феодалов, а также восстания местного населения. Афганское нашествие и взятие Исфагана в 1722 г. окончательно убедили правительство Петра I в том, что обанкротившиеся Сефевиды неспособны защитить торговые интересы русских купцов в Иране. Так называемый «Персидский» поход Петра I был вызван прежде всего экономическими интересами русского купечества на Каспийском море. Не случайно Петр I стремился закрепить за Россией богатые шелком области южного Прикаспия и Азербайджана. Население прибрежных областей Азербайджана и Гиляна дружелюбно встретило русские войска и приняло манифест Петра I. Однако основная часть Ширвана с Шемахой были захвачены Турцией, также имевшей свои экономические интересы

в Закавказье и поддержанной многими дагестанскими владетелями. Уступка Россией Прикаспийских провинций Надир-шаху (окончательно по договору 1735 г.) была следствием создавшейся политической обстановки, когда постоянная угроза со стороны турок и их дагестанских союзников, а также выяснившаяся экономическая невыгодность оккупации этих районов заставили русское пра/с. 262/вительство в обмен на союз с Надир-шахом против Турции очистить Прикаспийские области.

Время правления Надир-шаха тяжело отразилось на состоянии торговли Закавказья с Россией. Наряду с разрушением Шемахи, избиениями в Дербенте и других местах, немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что Надир-шах действовал в контакте с англичанами, которые уже тогда пытались помешать русской политике в Закавказье и Иране. Поэтому и купечество, особенно приморских городов, заинтересованное в расширении торговли с Россией, стало в оппозицию к шаху.

Политическая обстановка, сложившаяся в Закавказье в середине XVIII в. в значительной степени определила направление и размеры внешней торговли. Наиболее связанными с Россией оказались приморские земли Азербайджана, и порты Баку и Дербент оставались центрами торговли с Россией. Через эти города велась торговля не только с внутренним Азербайджаном и Арменией, но одновременно они же служили как бы промежуточными пунктами в торговле России с Гиляном и внутренним Ираном. Торговля на Каспийском море велась, главным образом, на русских судах из Астрахани вдоль западного побережья Каспийского моря до гилянских и мазендеранских портов. В Баку (а одно время в Сальянах) находился русский торговый консул, который являлся посредником между русскими купцами и местными властями и одновременно политическим агентом русского правительства в Восточном Закавказье.

Основные статьи ввоза и вывоза оставались те же самые, что и в более ранний период, хотя заметно изменение /с. 263/ в сторону большего ввоза из России промышленных товаров русского и западноевропейского производства. Так, в описи товаров, вывезенных из России в Закавказье и Иран в 1766 г., упомянуты из товаров русского производства армяки, армянские башмаки, бумага писчая, белила, зеркала стальные, замки павловские, рыбная кость, изюм, мыло, хрустальная, оловянная, фарфоровая посуда, холст, сукно сермяжное и некоторые другие товары, а из товаров западноевропейского происхождения — бархат, иглы, парча, посуда, зеркала, сукна, сахар, пряности и некоторые другие товары (АВПР, ф. перс., д. 4 (1728–1796 гг.). Л. 14). В то же время среди товаров, ввезенных в этом году в Россию из Ирана и Закавказья, основное место занимали по-прежнему шелковые изде-

лия и шелк-сырец (Там же. Л. 15–16). Через бакинский порт в 80-х гг. XVIII в. ввозилось в год до 400 т шелка-сырца (Forster 1798. P. 228). Что же касается шелковых тканей, то вывоз их сократился с конца 60-х гг. XVIII в., после разорения Шемахи Фетх-али-ханом кубинско-дербентским и сокращением и упадком шелкового производства в Ширване (Гмелин 1771. С. 100–102). Во второй половине XVIII в. лучшие шелковые ткани ввозились из Гиляна, и к началу XIX в. они вытесняют ткани местного производства даже в самом Азербайджане (Броневский 1823. С. 402). К началу 70-х гг. XVIII в. сократился и вывоз шелка-сырца, что в значительной степени может быть отнесено за счет разорения Ширвана Фетх-али-ханом кубинско-дербентским. С целью иллюстрации этого положения приведем данные о вывозе шелка в Россию с 1767 по /с. 264/ 1170 гг.:

В эти годы вывоз шелка в Россию составлял (Гильденштедт 1809. С. 25):

- в 1767 г. — 1255 пудов 31½ фунтов,
- в 1768 г. — 1284 пудов 17 фунтов,
- в 1769 г. — 2209 пудов 5 фунтов,
- в 1770 г. — 1216 пудов 29 фунтов.

В 80-х гг. XVIII в. вывоз шелка несколько увеличился, но, в целом, в конце XVIII в. объем торговли остался тот же, что и в 70-х гг. XVIII в. Так, по официальным данным за период с 1773 по 1777 гг., ввоз товаров в Россию составлял 51 794 рублей, а вывоз — 96 843 рублей. В то же время за период с 1793 по 1797 гг. ввоз составлял 52 906 рублей, а вывоз — 91 619 рублей. Общая стоимость экспорта и импорта в 1793–1797 гг. была даже меньше, нежели в 1773–1777 гг. (Reineggs 1807. Vol. II. P. 247). Объяснялось это, в первую очередь, политическими условиями в Закавказье во второй половине XVIII в. В условиях существования феодальной раздробленности местные ханы проводили политику экономической изоляции своих владений, разорения соседних земель. Так Фетх-али-хан кубинский, объединивший к 80-м гг. XVIII в. вокруг Кубинско-дербентского ханства северо-восточный Азербайджан, проводил в общем политику расширения торговых связей с Россией, но в то же время, находясь во враждебных отношениях с другими ханствами, препятствовал вывозу товаров из них через подвластные ему дербентский и бакинский порты. А с разорением Фетх-али-ханом Шемахи и ее округи сократился вывоз шелка-сырца из этой об/с. 265/ласти, в итоге, в 80-х гг. XVIII в. основная масса шелка-сырца ввозилась в Россию из Гиляна (Ibidem. P. 278). Подвластный Фетх-али-хану бакинский хан, а также и другие местные владельцы нередко в своекорыстных целях оказывали препятствия русской торговле, вызывая недовольство не только со стороны русских, но и со стороны местных купцов (АВПР,

ф. перс., д. 470 (1774–1800 гг.). Л. 112–118, 166–167, 186–188). Поэтому, хотя в торговле с Россией были заинтересованы и тесно с ней связаны местные торгово-купеческие слои, тем не менее она, как указано выше, количественно не возросла на протяжении второй половины XVIII в. Отсюда возникло и противоречие между местными феодальными правителями и купечеством Закавказья, стремившимся к созданию более свободных условий торговли с Россией. Ориентация купечества на Россию объяснялась его тесными связями с русской торговлей и тем, что оно не видело другого выхода из сложившегося положения, как лишь через посредство усиления экономических и политических связей с Россией.

Азербайджан и Восточная Армения вели оживленную торговлю с соседними областями Ирана, особенно с Гиляном, Мазендараном и Ираком Персидским (عراق عجم). Еще до XVII в. исторически сложилась экономическая взаимозависимость между этими соседними странами, а в условиях единого государства торговля между Ираном и Закавказьем приобретала особенно жизненный характер. Особенно тесно с Гиляном и северо-западным Ираном был связан южный Азербайджан. В частности, шелкоткацкое производство Тебриза получало /с. 266/ шелк-сырец в основном из Гиляна¹³⁴. В то же время шелкоткацкая промышленность города Кашана в Иране получала часть шелка из Ширвана (Hanway 1753. Vol. II. P. 16). Во второй половине XVIII в. в Азербайджан ввозились из Ирана шелковые и хлопчато-бумажные материи (Олеарий 1870. С. 703; Белл 1776. С. 70; Гмелин 1771. С. 82; von Bieberstein 1798. P. 81). Северный Азербайджан поддерживал тесные торговые отношения с Гиляном и зависел (как и южный) от ввоза из Гиляна риса (Гмелин 1771. С. 81–82, 100). В то же время район Баку снабжал весь Иран солью и нефтью (Там же).

В XVII в. первостепенную роль играл сухопутный караванный путь через Тебриз на север к Черному морю в Грузию, к Дербенту. В условиях феодальных междоусобиц и войн XVIII в. этот путь потерял свое значение, и основная торговля Ирана на севере шла через каспийские порты Гиляна и Мазендерана.

Во второй половине XVIII в. с внутренним Ираном поддерживали торговые связи, главным образом, ханства южного Азербайджана, тогда как северо-восточные ханства все более экономически обособлялись от них, так что к концу XVIII в. северо-восточный Азербайджан, несомненно, был более экономически связан с Дагестаном и русскими владениями на Кавказе. Любопытно, что и Гилян к 90-м гг. XVIII в.

¹³⁴ В Тебризе в XVII — начале XVIII в. перерабатывалось до 6000 тюков шелка (Chardin 1811. Т. II. P. 327–328; Der allerneueste Staat 1725. S. 314). В основном, этот шелк привозился из Гиляна.

все более /с. 267/ связывался с приморским Азербайджаном. Этим объяснялось сопротивление ряда городов Гиляна нашествию Ага-Мохаммед-шаха каджара, и обращение части населения Гиляна за помощью к бакинскому, кубинскому и другим азербайджанским ханам, в лице которых она надеялась получить защиту от кочевых тюркских полчищ Ага-Мохаммед-шаха. Немаловажную роль сыграло при этом и то обстоятельство, что вышеназванные ханства находились под покровительством России, тогда как Ага-Мохаммед-шах с самого начала начал ставить препятствия русско-гилянской торговле, имевшей огромное значение для экономики страны.

Торговля с горными районами Дагестана развивается особенно на протяжении XVIII в., когда последние начинают снабжать районы Северного Азербайджана различными продуктами ремесла (Броневский 1823. С. 452). Точно также на протяжении XVIII в. заметно непрерывное увеличение торговли с Грузией. Во второй половине XVIII в. для Северного Азербайджана и Восточной Армении торговля с Грузией приобрела особенно важное жизненное значение. Русский военный представитель в Тифлисе полковник С.Д. Бурнашев отмечал, что при возмущениях в Гандже в Тифлисе немедленно ощущался недостаток в самых необходимых вещах (Бурнашев 1793. С. 16).

Большое значение имела для городов Восточного Закавказья торговля с Турцией, а через нее с арабскими странами, в частности, с Ираком (арабским) и Сирией. Еще в XVI в. в период почти непрерывных войн между Сефевидами /с. 268/ и Турцией существовало положение о свободной караванной торговле даже во время военных действий. Одной из причин того, что Турция стремилась захватить Азербайджан, было желание отнять у Сефевидов шелководческие районы Ширвана. Благоприятно отразился на торговле с Турцией договор 1639 г. (Зак'ареа Саркаваг 1873. С.¹³⁵). Торговля с Турцией носила в XVII в., в основном, транзитный характер, и через Турцию вывозились на запад и на северо-запад (через Черное море), главным образом, шелк-сырец и шелковые ткани. В торговле с турецкими владениями и через них с Европой участвовали, главным образом, купцы Армении, западного и южного Азербайджана.

В XVIII в. торговля в этом направлении сильно сократилась, что было связано, в первую очередь, с перенесением центра внешней торговли на Каспийское море.

В XVII в. сильно сократилась торговля с Итальянскими республиками, которые после открытия морских путей в Индию и Америку стали приходить в упадок. Некоторое время сохраняла свое значение торговля армянских купцов с Венецианской республикой, но и в данном

---

¹³⁵ Пропущено. – Примеч. А. А.

случае острова св. Лазаря служили, скорее, промежуточным пунктом для торговли с более развитыми европейскими державами. Армянские купцы Закавказья основную торговлю с Западной Европой вели через турецкие владения, и на всех этапах этого торгового пути возникали и множились армянские торговые колонии.

В то же время для XVII в. характерно проникновение европейского торгового капитала непосредственно в страны Востока, в том числе в Иран и Закавказье. Западноевропейские торговцы стремились получить иранский и закавказский шелк всеми возможными путями. Выше упоминалось уже о попытках Англии и других европейских государств получить свободный транзит через Россию. Неудачи этих попыток обусловили увеличение торгового оборота на старом пути через османские владения. Однако конкуренция со стороны местных, особенно армянских купцов, а также таможенные и иные затруднения заставляли западноевропейских купцов пользоваться и морским путем вокруг Африки. В связи с этим, все большее значение приобретали южноиранские порты, на благоустройство и организацию которых Сефевидские шахи обращали большое внимание.

С самого начала XVII в. наиболее связанными с торговлей с Кызылбашским государством оказались Голландия и Англия — сильнейшие морские державы того времени. Первые привилегии Аббаса I англичанам и голландцам относятся еще к 1600 г. (Hurewitz 1956. P. 15–16). В 1623 г. голландцы заключили первый торговый договор с Ираном, по которому они были освобождены от большинства таможенных сборов (Ibid. P. 16–17), а в 1631 г. иранские (т. е. главным образом армянские) купцы получили право экстерриториальности в Нидерландских штатах (Ibid. P. 20–21).

С Англией торговый договор был заключен в 1624 г. Этот договор был также очень выгоден английским купцам (Ibid. P. 18–20). Позднее, в 1688 г. купцы Новой Джульфы заключили с англичанами особый договор, учитывавший интересы обеих сторон (Raffi 1914. P. 195). /с. 270/ Возможно, что с заключением этого договора было связано ухудшение отношений между джульфинскими купцами и Россией, имевшее место с конца XVII в.

Позднее других крупных европейских держав добилась привилегий в Иране Франция, первый договор с которой Сефевиды заключили в 1674 г. (Hanway 1753. P. 29). Позднее, при шахе Султан-Хусейне (1694–1722), Франция заключила с Ираном выгодные для нее договора 1708 и 1715 гг. (Hurewitz 1956. P. 32–42; Lang 1957. P. 107, 108).

В XVII — первой четверти XVIII в. центром торговли с западноевропейскими купцами являлся Исфаган, где находились центральные английские и голландские фактории. Представители этих факторий

были и в городах Закавказья, в частности, в Шемахе (Bell 1787. S. 46), откуда они отправляли закупленный на местах шелк в Исфаган и через Турцию на запад. После афганского разгрома Исфагана (1722 г.), во время которого сильно пострадали европейские купцы, торговля с севером страны значительно сократилась. Особенно большой удар был нанесен купцам Новой Джульфы, наиболее связанным с западноевропейской торговлей. Купечество же Гиляна и Восточного Закавказья, освободившись от этих опасных, находившихся под покровительством шахов конкурентов, и будучи более связанным и заинтересованным в северном торговом пути через Россию, все более освобождалось от опеки Новой Джульфы и европейских купцов. Торговля шелком через южные порты все более сокращается и во второй половине XVIII в. почти /с. 271/ замирает. Раньше всех это заметили наиболее предприимчивые английские купцы, которые уже с начала 20-х гг. XVIII в. стали делать попытки путем переговоров с русским правительством, а затем и прямых интриг при дворе Надир-шаха обеспечить себе льготы и права в торговле на Каспийском море. Однако попытки эти успехом не увенчались, и во второй половине XVIII в. западноевропейские купцы были вытеснены из Закавказья. Новая попытка, в новых экономических (для Западной Европы) и политических условиях со стороны англичан и французов утвердиться в Закавказье и Северном Иране относится уже к концу XVIII в. и является по существу частью всей той сложной и упорной борьбы за Закавказье и влияние в Иране, которая активно развернулась с начала XIX в.

в) Вопрос о внутренней торговле в Восточном Закавказье XVII–XVIII вв.

Процесс формирования внутреннего рынка в Восточном Закавказье чрезвычайно затянулся. Причины этого в настоящее время не могут быть полностью и окончательно определены, хотя можно высказать по этому [поводу] некоторые соображения. Нам кажется, [что] одной из важнейших причин медленного разложения натурального хозяйства для Азербайджана явилось длительное господство, экономическое и политическое, феодалов-кочевников. При этом следует вспомнить известную характеристику К. Марксом особенностей восточного феодализма, связанных в значительной мере с сосуществованием /с. 272/ кочевого и оседлого земледельческого хозяйства (Маркс, Энгельс 1932. С. 488).

Такое сосуществование характерно и для Азербайджана и Армении XVII–XVIII вв. При этом, нам кажется, основное внимание следует обратить на последствия внешних вторжений кочевников (например, Надир-шаха, отчасти Ага-Мохаммед-шаха каджара), несомненно, тяжело отразившиеся на состоянии экономики страны и на процесс заселения

кочевыми (главным образом, тюркскими, отчасти курдскими) племенами территории Азербайджана и Армении, особенно интенсивно проходивший в XIII–XVI вв. Следствием его явилось установление экономического господства феодалов-кочевников и над территориями с оседлым населением. В государствах XIII–XVI вв. знать кочевых племен владела и большинством земельных районов страны. Однако, являясь органически более связанными с кочевым хозяйством, феодалы племен, даже давно поселившихся на данной территории, были абсолютно чуждым, но в то же время господствующим элементом в стране. Земледельческие районы и города являлись для них лишь подвластной территорией, с которой они получали основную массу своих доходов, причем формы получения этих доходов, принесенные из среды общества экономически менее развитого (кочевое) в обществе более развитом, не только не являлись связанными с существовавшими производственными отношениями, но находились в прямом противоречии с таковыми и оказывали прямо отрицательное и пагубное воздействие на развитие экономики древних земледельческих районов Азербайджана и Армении. Феодал-кочевник любыми /с. 273/ средствами стремился обеспечить себе получение максимума доходов с подвластной ему территории. В отличие, например, от русского дворянства или земельного дворянства Западной Европы, кочевые феодалы не были совершенно заинтересованы или как-либо иначе связаны с земледельческими округами, кроме как лишь путем взимания с них дани в форме феодальной ренты. Они не имели, например, собственного хозяйства, в развитии и совершенствовании которого были бы так или иначе заинтересованы. Поэтому и в XVII в. полностью господствовала нерентабельная архаичная издольная аренда, при которой земельный собственник стремился лишь увеличить свою долю в производимом продукте, и которая приводила к массовому разорению непосредственного производителя. Такое же господство кочевых феодалов мы наблюдаем и в городах. Временное ослабление военно-кочевой знати в XVII в. привело к экономическому подъему и росту внутреннего рынка.

Показателями роста товарного производства и в определенной степени разложения натурального хозяйства явился рост денежной ренты, а также увеличение внутреннего товарооборота. В середине XVII в. местные рынки существовали не только в городах и торговых местечках, но и во всех сколько-нибудь значительных селах страны (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 236–312).

Судя по описанию Эвлия Челеби и европейским источникам, можно говорить о существовании во второй половине XVII в. отдельных местных экономических округов, центрами которых являлись городо-центры области. /с. 274/

Показателями элементов разложения натурального хозяйства являются и упадок кархане, и появление предприятий элементарно-мануфактурного типа.

Длительные войны и феодальные усобицы нанесли большой удар [по] состоянию внутренней торговли. Искусственно разрывались исторически сложившиеся экономические связи между соседними областями. Местные ханы и правители, руководствуясь своими узкоклассовыми интересами, могли оказывать и практически оказывали влияние на торговлю между своими округами. Если даже в Сефевидском государстве не были ликвидированы внутренние таможенные границы и не была установлена единая система сбора пошлин, общая денежная система и т. д., то в XVIII в. и существовавшая ранее общность в этом отношении была нарушена. При Надир-шахе, например, в Шемахе с верблюжьего вьюка с шелковыми и парчевыми товарами брали по 1 рублю 50 копеек, а в Баку по 52 копейки (Арунова, Ашрафян 1958. С. 268). В период же существования независимых и полунезависимых ханств, в случае, если между ханами возникала вражда, они нередко закрывали границы своих владений для торговли. Так, Фетх-али-хан кубинский препятствовал торговле своих подданных с соседним Карабахом и владениями Ираклия II. Поэтому внутренняя торговля, зависевшая в этот период времени от всякого рода зачастую совершенно поверхностных явлений, значительно сократилась и развивалась неравномерно. Политическая раздробленность приводила к экономическому разобщению территорий одного и того же народа и в то же время к уменьшению возможности их объединения в составе /с. 275/ единого национального государства. Это характерно не только для Армении, западная часть которой прочно удерживалась османами, а восточная угнеталась кызылбашскими и азербайджанскими ханами, но и для Азербайджана. Судя по сохранившимся скудным данным, внутренняя торговля даже в более мирную вторую половину XVIII в. далеко не напоминала того уровня, которого она достигла во второй половине XVII в. В этот период нет и подобия того развития местных рынков, о котором говорит описание Эвлия Челеби. Даже в начале XIX в. основное место в торговле таких городов как Баку и Шемаха занимали шелковые изделия, шелк-сырец — т. е. товары, шедшие на экспорт.

Можно предполагать, что основная масса товаров первой необходимости производилась в это время для потребления самим производителем или выплачивалась натурой феодалу и феодальному государству. Вновь господствующей стала рента натурой. Показателем натурализации хозяйства явилось сокращение ремесла и увеличение роли крепостных и зависимых ремесленников в городах (см. выше, с. 244–247).

Краткие выводы

1. В XVII–XVIII вв. в Азербайджане и Восточной Армении было всего около 40 городов. Большинство из них существовало в XVII в., тогда как в XVIII в. их число сократилось.

2. Города этого времени были двух типов: города типа «шахр» («кагак»), являвшиеся одновременно и административно-политическими центрами своей области или округа, и города типа «касаба» («гюгакагак»), букв. — торговые местечки, городки-поселения, по своему экономическому значению и типу отличавшиеся от сельских поселений и являвшиеся крупными торговыми и ремесленными центрами, но по своему административному устройству не принадлежавшие к городам. Как их понимали в рассматриваемый период. Города второго типа с ростом своего значения могли переходить в первую категорию.

3. Экономический расцвет городов зависел, в первую очередь, от развития внутреннего рынка в стране и в определенной степени определялся состоянием внешней торговли. Однако в условиях XVII–XVIII вв. даже само существование городов могло зависеть и от чисто внешних причин, например, от внешних нашествий и междоусобных войн.

4. Экономически и политически в городах господствовали феодалы, светские и духовные, из которых на первом месте стояла военно-кочевая знать племен. Сила и влияние феодалов в городах определялась их земельной и иной собственностью в городе и за его пределами. Этому чрезвычайно способствовало то обстоятельство, что города и в XVII–XVIII вв. сохраняли свой полуаграрный характер.

5. Основное отличие городов от поселений сельского типа состояло в том, что они являлись центрами ремесла и торговли. В XVII–XVIII вв. существовали три категории ремесленников: 1) ремесленники, организованные в цехи, 2) свободные ремесленники, 3) ремесленники, зависимые от феодалов. Наиболее жизненными из них были свободные ремесленники, которые были заняты, главным образом, в ткацкой промышленности.

6. В XVII в. в связи с временным объединением страны и прекращением войн и внутренних междоусобий растет товарное производство, появляются элементы разложения натурального хозяйства. Это выражается, в частности, в упадке кархане и появлении предприятий элементарно-мануфактурного типа.

7. В XVIII в. в связи с усилением феодальной раздробленности происходит определенная натурализация экономики, сокращение внутреннего рынка.

8. Внешняя торговля страны определялась, главным образом, товарами, производимыми внутри страны.

Наблюдается непрерывное увеличение торговых связей с Россией. /с. 278/

ГЛАВА III. ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ВОЕННАЯ РОЛЬ ГОРОДОВ

Система общегосударственного и местного областного и городского управления в Кызылбашском государстве, как известно, отличалась громоздкостью и сложностью. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что афганские завоеватели в 20-х гг. XVIII в., покорив основные области Ирана и желая стать настоящими господами на завоеванной территории, столкнулись немедленно с большими трудностями в деле организации управления страной. Тогда афганский шах Махмуд приказал найти опытного и знающего чиновника, который составил бы для новых хозяев подробное и вместе с тем четкое руководство по организации государственной администрации сефевидского периода. Так была составлена уже упомянутая «Тазкират-ол-мулук» («Памятная записка для царей»).

Сложная бюрократическая система управления возникла в Сефевидском государстве не на пустом месте. Громоздок и ветвист был управленческий аппарат и в других средневековых государствах на территории Ирана и Закавказья, начиная от Сасанидской державы и кончая тимуридскими княжествами XV в. Однако еще и в Сефевидском государстве в XVI в. управленческий аппарат был значительно проще, нежели тот, о котором рассказывает «Тазкират-ол-мулук». Проще и меньше он был, в основном, за счет общегосударственного центрального аппарата. Дело в том, что хотя Сефевидские шахи в XVI в. и имели официальной столицей (دار السلطنة) Тебриз, а затем Казвин, однако практич. с. 279/чески сами довольно редко находились в ней. В условиях непрерывных войн и походов шахи большую часть жизни проводили в движении, на зимовках (кышлаг) и летовках (яйлаг) в соответствии с потребностями своего полукочевого воинства. В этих условиях весь двор передвигался вместе со ставкой шаха, и это в определенной мере препятствовало излишнему росту государственного аппарата. Но было и другое, более важное обстоятельство. Как уже говорилось в гл. I, шахи в XVI в. почти не имели земель категории хассе. Вся территория государства раздавалась в уделы эмирам, главным образом, кызылбашских племен, которые этими уделами и управляли. А так как эмиры тоже большую часть времени со своими мулязимами проводили в походах и грабежах, то в своей области, округе или отдельном городе они оставляли особого чиновника — даругу (Йахйā б. ‘Абд ал-Лаџиф ал-Қазвйнй. Л. 159а). Последний же имел штат подчиненных значительно меньший, чем в более поздний период.

В XVII в., когда начался процесс образования домена, управление этой территорией, отнятой у кызылбашских эмиров, требовало не

только количественного роста аппарата, но и значительного его усложнения. С другой стороны, шахи, значительно расширив свою социальную базу, опираясь на домен и постоянную армию, увеличивали центральный и государственный аппарат, а также чиновничий аппарат на землях дивани. Местные правители уже не имели прежней власти и силы и для того, чтобы следить за ними, вовремя предупреждать их возможные заговоры, а также взимать с райатов налоги; увеличивается и растет численность чиновников на местах. Многие должности, существовавшие раньше, теперь изменили свое содержание, другие создавались вновь. Чиновничий аппарат непрерывно разрастался и, наконец, достиг размеров, описанных в «Тазкират-оль-мулук».

Жизненность этой бюрократической системы была тесно связана с существованием единого, хотя и не прочного, феодально-деспотического государства. Не случайно ее пытались сохранить афганские завоеватели в период своего кратковременного господства. Характерно, что эта система существовала и в государстве Надир-шаха, и при нем штат чиновников, особенно налогово-полицейского аппарата, вполне достиг уровня начала XVIII в.

Во второй половине XVIII в. в полунезависимых ханствах Закавказья управленческий аппарат значительно упростился в соответствии с потребностями правящего класса. Феодалу-правителю на малой территории уже не требовалось такой сложной системы управления, как в громадном, разноукладном и разноплеменном Кызылбашском государстве XVII — первой половины XVIII в.

Целью настоящей главы является изучение городского управления в Кызылбашском государстве XVII — первой половины XVIII в.¹³⁶

Города Азербайджана и Армении позднего средневековья, находясь в составе различных государственных образований, созданных в результате завоеваний, разделяли судьбу всей остальной завоеванной территории. В случае мирной сдачи города жителям его сохранялась жизнь, и они облагались в больших или меньших размерах теми поборами и повинностями, которые несли и раньше, или же новыми налогами, которые существовали в стране, откуда являлись завоеватели. В случае же сопротивления захватчики истребляли иногда чуть ли не все население города-ослушника. Так было и в XVI в. при создании разбойничьего государства Сефевидов. Неисчислимые бедствия принесли кызылбаши не только христианскому населению Грузии и Армении, но и мусульманскому азербайджанскому и иранскому населению.

¹³⁶ Вторая половина XVIII в. в виду значительных изменений в системе управления по сравнению с предшествующим периодом, а также в виду того, что этот вопрос в достаточной мере отражен в упомянутой работе Ф. Алиева, в настоящей работе не затрагивается.

Жестоко страдали от них и города. Так, в 906 г. х. (1501/2 гг.) Исмаил I подошел к городу Баку, который не пожелал платить дань ново-явленному шаху. После взятия города штурмом кызылбаши произвели в нем резню, а затем наложили на Баку контрибуцию в 1 000 туманов (Ҳасан-и Рӯмлӯ 1931. С. 45–47).

Хроники, описывая «деяния» кызылбашей в XVI в., неоднократно упоминают о поголовном истреблении (قتل عام) населения непокорных городов.

В захваченные города назначались хакиды из числа кызылбашских эмиров, которые держали там гарнизон и своего чиновника — даругу — для сбора податей и поддержания порядка. Городское население находилось в подчиненном, неравноправном положении, подвергалось поборам, а в местах с суннитским населением (часть северного Азербайджана) и религиозным гонением. В более сносном положении, нежели другие слои населения, находилась городская знать Южного Азербайджана, а также крупное /с. 282/ купечество. Однако и оно находилось в подчиненном положении у военной знати. Поэтому в таких условиях не могла сложиться система самоуправления, характерная для городов Европы периода расцвета феодализма. Однако данные источников позволяют установить, что элементы самоуправления в отдельных городах имели место и в XVI в. В частности, в Тебризе в XVI в., крупнейшем городе Сефевидской державы, местная городская знать, шиитское духовенство, купечество и даже верхушка ремесленных корпораций пользовались настолько большим влиянием, что, по сообщению итальянского путешественника д'Алессандри, главы двух основных частей города, разделенных по религиозному признаку, имели в городе больше власти, чем сам шах (d'Alessandri 1873. P. 224). Высшие слои населения Тебриза с самого начала активно поддерживали Сефевидов и последние поэтому предоставляли Тебризу не только освобождение от налогов (мо'афи) (Искандар-бик туркемән Мунши 1376/1956–1957. С. 308), но и некоторую самостоятельность во внутренних делах. Крупное тебризское восстание 1573 г., исследованное И.П. Петрушевским (1942), явилось мощным выражением отпора города чрезмерным посягательствам кызылбашской знати.

Определенными элементами самоуправления пользовался в XVI в. Ордубад, который не передавался кызылбашским эмирам, а находился в управлении местной знати, из среды которой, а именно, из среды влиятельнейшей фамилии Насирийе, происходили /с. 283/ калантары города.

Однако это было самоуправление иного типа, нежели городские «вольности» городов Европы XI–XIII вв., и базировалось оно совсем на иной основе. Если в Европе городское самоуправление зародилось в борьбе городов, точнее городских ремесленников и купцов, против

феодалов, при наличии в то же время борьбы крупных владетельных сеньборов с королевской властью, которая являлась естественным, хотя и не постоянным союзником городов в этой борьбе, то в упомянутых случаях в Азербайджане XVI в. городские права основывались прежде всего на том, что верхушка Тебриза, Ордубада, Ардебилля, оказывавшая активное содействие Сефевидам, получила от них определенные права, определенную долю самоуправления по отношению к кызылбашской военщине, которой другие города не пользовались. В некоторой степени это было выгодно и самой кызылбашской знати, пока она была сильна вокруг шахской власти. Если здесь и было какое сходство с европейскими городами XI–XIII вв., то оно было чисто внешним. Это станет понятным, если сравнить сами города Европы того времени и Закавказья XVI в. Первые возникли в борьбе с притязаниями крепостников-феодалов, тогда как вторые к XVI в. существовали много столетий, в них самих давно существовала феодальная духовная и светская знать, да и полуаграрный характер их экономики способствовал прочному господству в них феодалов. Практически, в данном случае речь шла о самостоятельности одной группы феодалов (старой местной городской знати) от пришлой военно-кочевой кызылбашской знати, причем определенную выгоду от этого получали купечество и верхушка цехов. /с. 284/

Несколько иное положение сложилось в XVI в. в армянском городе Джуге (Джюльфе) на Араксе. В руках его купцов была сосредоточена почти вся крупная оптовая торговля Ближнего Востока. Союз с купечеством Джуги был выгоден Сефевидам, и поэтому в XVI в. город этот пользовался самоуправлением в рамках Кызылбашской державы. Крупное купечество Джуги избирало из своей среды калантара, или по-армянски *khāqakhapeta* *քաղաքապետ* — градоначальника. Этот термин употреблен в отношении одного из последних калантаров Ходжи Хачика на его надгробии в старой Джуге (1604 г.) (Костанянц 1913. С. 181; о городе Джуге см. монографию: Тер-Аветисян 1937).

В XVII в. с укреплением шахской власти всякая самостоятельность городов была ликвидирована. Исключение составляло лишь предместье Исфагана, Новая Джюльфа, пользовавшаяся и в XVII в. самоуправлением. Взамен административно-политической самостоятельности города получали за верную службу шаху моафства.

В XVII в. система городского управления в Сефевидском государстве претерпела ряд существенных изменений, связанных с общим усилением шахской власти и ослаблением военно-землевладельческой кызылбашской знати. В частности, более точно были определены обязанности и права различных ведомств и отдельных чиновников.

Если в XVI в. городское управление было в общем одинаково во всех городах, поскольку все они управлялись либо кызылбашскими эмира-

ми, либо в отдельных случаях представителями /с. 285/ местной знати, то в XVII в. положение изменилось. Прежде всего, с образованием домена (хассе) и общим разделением государства на две большие части, ряд городов (главным образом северного, центрального и южного Ирана) вошел в ведомство хассе; в них были упразднены должности хакимов-правителей и введено чисто гражданское управление. Города этого типа не содержали войск, управляли ими гражданские чиновники даруга и калантар, функции которых в этом случае были отличны от функций этих чиновников в городах государственных земель.

На территории Азербайджана к хассе был причислен при Аббасе II (1642–1667) город Ардебиль. Однако система управления Ардебилем имела свои особенности, связанные с тем, что город этот был религиозной святыней и находился в особом положении. До присоединения к хассе Ардебилем управляли хакимы (правители), являвшиеся одновременно и мутавалли (попечителями, управителями) шиитской святыни, гробницы шейха Сефи-ад-дина, предка Сефевидов. Эти мутавалли-хакимы не являлись, однако, как правило, лицами чисто духовными, а назначались из числа кызылбашских эмиров, считавшихся суфиями-мюридами ордена Сефевийе и потому в некоторой степени лицами духовными. Когда же окончательно отпало военное значение Ардебил в связи с длительным миром с Турцией, то военные полномочия с правителя Ардебил были сняты, и тем самым он был лишен титула хакима, который предполагал у носителя его и военные полномочия, а сам город с округой был причислен к хассе (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 216).

Ввиду того, что почти все города Азербайджана и Восточ/с. 286/ной Армении входили в состав земель дивани, мы не будем давать специальный обзор системы управления городов хассе, но при характеристике тех или иных должностей городской администрации попутно будем указывать и их особенности в городах хассе.

Высшей властью в городе являлся его правитель, в больших городах, центрах областей являвшийся одновременно и правителем области. В городах же центрах округов в его функции входило и управление округом. И в XVII в., как и в более ранний период, город зависел от феодала-правителя (города домена зависели непосредственно от феодального государства). Управление городом и взимание с него определенной части налогов в свою пользу являлось одним из способов эксплуатации непосредственного производителя феодалом. Разница была лишь в том, что город с его ремеслом и торговлей был еще более выгодной сферой эксплуатации, нежели сельские районы. Город являлся центром феодала, его ставкой — в XVII–XVIII вв. правители городов даже из числа кочевых эмиров сами жили в городе, там же проживали и их вооруженные вассалы — нукеры или мулязимы. В XVII в. все центральные,

удаленные от границ области вошли в состав хассе, а окраинные земли по-прежнему управлялись военно-гражданскими правителями. Азербайджан и Восточная Армения в административном отношении входили в состав четырех беглярбекств: Ширванского с центром в Шемахе, включавшего территорию нынешней Азербайджанской ССР за исключением ее западной части; Карабахского или Ганджийского с центром в Гандже (ныне Кировабад), в состав которого входили западные районы нынешней Азербайджанской ССР и горные восточные районы Армянской ССР; /с. 287/ Чохур-Са'ада или Ереванского с центром в Ереване, — в состав его, кроме основной территории Армянской ССР, входили части нынешней турецкой Армении (район Баязида) и иранской Армении (район Маку) и, наконец, Азербайджанского, с центром в Тебризе, включавшего южный, ныне иранский Азербайджан. Нахичеванский край в начале XVII в. входил в Ереванское беглярбекство, затем в середине XVII в. был передан Тебризу, а в начале XVIII в. вновь включен в Чохур-Са'ад. Во главе этих четырех больших областей стояли беглярбеки или эмир-оль-умара (эмиры эмиров), Они же управляли непосредственно и крупнейшими городами — Тебризом, Ереваном, Шемахой и Ганджой. В прочих крупных городах сидели хакимы (правители), носившие титулы ханов или султанов. В XVII в. хакимы-ханы были в Нахичеване, Ардебиле (до середины XVII в.), Чорсе, Ареше¹³⁷ и Баку¹³⁸. В прочих городах типа شهر — *ршшр* (Дербенте, Маку, Урмии, Хое, Мараге и др.) хакимы обычно носили титул султана. Что касается городов типа قصبه — *чфчшршшр* — то они входили в округу какого-либо ханства (например, Акулис подчинялся или Нахичевану, или Тебризу), а непосредственно сидевший в них глава именовался калантаром или меликом (Дневник Закария Акулиского 1939. С. 74, 76, 97, 124 и пр.).

Если мы посмотрим на список городов, в которых хакимы носили титул хана, то увидим, что это либо крупнейшие города, /с. 288/ центры областей-беглярбекств (Ганджа, Шемаха, Ереван, Тебриз), либо сильные крепости важного стратегического значения (Баку, Чорс). В Нахичеване же должность хакима была все время с XVI в. наследственной в руках глав сильного кызылбашского племени кенгерлю (ветви устаджлу), верных вассалов Сефевидов. Поэтому титул хана-главы этого племени переносился и на хакима Нахичевани; к тому же и в самом городе кенгерлинские беки составляли господствующую прослойку знати (Передняя Азия в документах 1936).

¹³⁷ Согласно «Тарих-е-алем ара», в начале XVII в. правитель Ареша носил титул султана (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 888); но в середине XVII в. он носил титул хана (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 288–289).

¹³⁸ О хане Баку Ашраф-хане см.: Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 301–302; в начале XVIII в., а возможно, и с конца XVII в. правители Баку носили титул султана.

Некоторые султаны-хакимы были независимы от беглярбеков своей области и подчинялись непосредственно шаху (della Valle 1745. Т. II. Р. 396). Такая система непосредственного подчинения центру отдельных хакимов или даже чиновников (см. ниже) появилась лишь в XVII в. и являлась одним из способов ослабления власти крупнейших местных правителей, каковыми были беглярбеки.

В XVII в. все беглярбеки и хакимы назначались шахом. Исключение составляли лишь 5 областей: Грузия, Дагестан (должно быть — Хузестан. — *Примеч. А. А.*), Курдистан, Луристан и Бахтиария, утверждение правителей которых и в этот период носило формальный характер. Ни в одном же из беглярбекств Азербайджана и Армении в XVII в. не сложилось непрерывной наследственной династии. Даже в Карабахе, где властвовали главы зияд-оглы-каджар, вернейшие сторонники Сефевидов и палачи соседней Грузии, при Аббасе I и в начале царствования Сефи I беглярбеком являлся гулям, армянин по происхождению Давуд-хан (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 763; Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 111–118; Мухаммад Ма'сум. Л. 52–54). В Ереване в XVII в. не было ни одного /с. 289/ случая правления подряд трех лиц из одной и той же фамилии, как правило, каждый новый хан был совершенно новым в области. В еще большей степени это характерно для Ширвана XVII в. Что касается Азербайджанского беглярбекства (Тебриза), то и в нем в XVII в. не было наследственного управления. После гибели в 1624 г. в Грузии беглярбека Тебриза Шахбенде-хана туркемана Аббас I утвердил беглярбеком его трехлетнего сына Пир-будак-хана; однако в самом начале правления Сефи I беглярбеком Азербайджана был назначен Рустем-хан гулям (о нем см.: Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 118, 215, 240), о котором историк Мухаммед Юсуф писал, что ко времени смерти Сефи I (1642 г.) в Иране «не было среди великих эмиров другого человека столь достойного, известного и полезного, как он» (Там же. С. 291). Но при следующем шахе Аббасе II он был казнен, и в Тебризе опять утвердился вышеупомянутый Пир-будак-хан (Мухаммад Тәхир Вахид 1329/1950. С. 48); через несколько лет он был вторично лишен должности беглярбека, а на его место поставлен тогдашний сипахсалар (главнокомандующий) Али-кули-хан (Там же. С. 138), также вскоре снятый с должности, которую отдали Алла-верды-хану, также не принадлежавшему к племени туркеман (Там же. С. 180). В 80-х годах XVII в. беглярбеком Тебриза был Хаджи-али-хан, племянник тогдашнего этемад-эд-доуле, по происхождению курд (Kämpfer 1712. Р. 68).

Лишь в ряде более мелких хакимств, но в то же время там, где имелись сильные и верные шахам племена, в XVII в. сложились /с. 290/ наследственные династии, представители которых, однако, всегда утверждались шахом. Это прежде всего кенгерлинский Нахичеван, где в XVI–XVIII вв. непрерывно управляли главы племени кенгерлю. Другой

интересный пример — город Урмия, расположенный в окружении курдских племен, большинством из которых в лучшем случае являлось непостоянными союзниками Сефевидов, а в худшем просто переходили на сторону турок. Аббас I в 1606/07 г. отдал Урмию главе курдского племени берадуст Амир-хану, который воспользовался этим, чтобы еще более укрепить неприступную урмийскую крепость против шаха. После двухлетней осады шахскими войсками Амир-хан в 1611 г. сдался на милость победителя, и хакимом Урмии был назначен Кабан-хан бикдили шамлу (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 559–562, 571–573). Однако в списке эмиров Искандера Мунши 1628 г. хакимом Урмии числился уже Калб-али-султан из рода иманлу кызылбашского племени афшар (Там же. С. 762), одна из сильнейших ветвей которого еще в XVI в. была поселена в этом районе. В дальнейшем, в XVII–XVIII вв. хакимы Урмии, насколько позволяют установить источники, происходили из этого племени. В частности, при Надир-шахе Урмией управлял Мухаммед-касим-хан афшар (Мухаммад Казим. Л. 167а, 169а), а после смерти Надира правитель Урмии Фатх-али-хан афшар являлся одно время правителем южного Азербайджана и одним из трех важнейших претендентов (наряду с Мухаммед-Хасан-ханом каджаром и Керим-ханом зендом) на наследие Надира, и лишь после упорной борьбы сдался Керим-хану в крепости города Урмии (Абӯ-л-Хасан Гулистанӣ 1359/1941. С. 268). Афшары Урмии и в на/с. 291/чале XIX в. являлись одним из сильнейших племен Ирана (Morier 1813. P. 338; Jaubert 1821. P. 254).

В итоге, можно указать, что в XVII в. наследственные хакимы существовали лишь в ряде средних или небольших городов (Нахичеван, Урмия, Берда'а и некоторые др.). В XVIII же веке, с ослаблением центральной власти, местные хакимы становятся полунезависимыми владельцами, а ханы северного Азербайджана во второй половине XVIII в. лишь формально зависимыми (да и то лишь последние полтора десятилетия правления Керим-хана зенда до 1779 г.) от центральной власти в Иране. Особо остановимся на политике Надира-шаха в отношении ханов Закавказья. Надир, центром государства которого являлся Хорасан, старался держать в подчинении важные для него в экономическом и военном отношении области Азербайджана и Армении. Не доверяя в целом хакимам из местной знати, которые после развала Сефевидского государства распоряжались в своих округах как маленькие царьки, Надир стремился по возможности заменить их верными себе эмирами, по преимуществу из своего собственного племени афшар и даже более того из афшар хорасанских¹³⁹. Всем Закавказьем вначале управлял его

---

¹³⁹ Племя афшар еще в XVI в., в основном, разделилось на три ветви: одна ветвь — уже упомянутые афшары Урмии, другая в западном Хорасане, и третья на юге Ирана в горной области Кух-Гилуйе.

родной брат Ибрагим-хан, резиденцией которого явился город Тебриз (Мухаммад Казим. Л. 136). После гибели Ибрагим-хана в горах Дагестана на его место был поставлен Амир-аслан-хан афшар из того же родного Надиру аймака кырхлу (فرخلو) (Там же. Л. 180б). Хакимы-афшары были поставлены и в других местах. В Ширване, например, /с. 292/ долгое время управлял Мухаммед-кули-хан афшар, отставленный, однако, после гибели Ибрагим-хана (Там же. Л. 167а). Правителем Еревана был Мухаммед-реза-хан афшар (Там же. Л. 318а). Все эти афшарские хакимы потеряли свои владения сейчас же после смерти Надир-шаха.

Ханы и султаны правители городов (и окрестных областей) являлись в XVII в. высшей властью в городе. Отличие от позднего периода (XVIII в.) состояло главным образом в возможности смены их со стороны центральной власти, а также в существовании наряду с ними чиновников или даже военных лиц (кутуалей крепостей), независимых от них. Сменялись ханы в XVII в. по различным причинам. Чаще всего они отстранялись либо по подозрению в слишком самостоятельных действиях, либо при невыполнении своих обязанностей в качестве военачальников. Однако иногда их лишали должностей и из-за чрезмерного корыстолюбия. Хотя ни для кого не было секретом, что все центральные и все местные должностные лица в одинаковой мере страдали этим пороком, тем не менее шахское правительство в XVII в. могло еще ограничивать тех из них, которые слишком усердствовали в своем обогащении в ущерб шахской казне. Поэтому иногда по жалобам чиновников или даже по официальному свидетельству райатов, податного сословия, в которое входили и купцы, ханы снимались с должностей с неременной конфискацией своего имущества. Так при Аббасе II в 1073 г. х. (1662/63 гг.) был отставлен за «плохое поведение» по жалобам меликов и райатов беглярбек Ширвана Мухаммеда-хан (Мухаммад Тахир Вахид 1329/1950. С. 315–316). /с. 293/

В чем состояли конкретно преступления Мухаммеда-хана, сообщает нам Тавернье, бывший в Иране вскоре после указанного события. Хан Ширвана был обвинен в том, что за 9 месяцев своего пребывания на должности собрал в свою пользу огромную сумму в 18 000 туманов, которая теперь и была конфискована (Tavernier 1681. Т. I. P. 310). Следует указать, что подобного рода конфискации производились в XVII в. шахским правительством очень часто и официально служили одним из видов государственных доходов.

Однако с конца XVII в. шахи все реже могли прибегать к такому средству пополнения казны, и лишь при Надире местные хакимы вновь почувствовали на себе тяжелую руку центральной власти.

Хаким являлся уже по смыслу своей должности командующим войсками своей области (см. ниже). Беглярбеки же, например, во время

войны подчиняли себе войска других ханов и султанов своей области, получая при этом титул сардара, т. е. военачальника, командующего (Chardin 1811. V. II. P. 196; Jourdain 1814. P. 144). Беглярбек Тебриза к тому же обычно являлся главнокомандующим всеми военными силами Кызылбашской державы («сипахсалар-е кулле Иран» (سپهسالار کل ایران)). В мирное время хакимом должен был устраивать смотры войскам и заботиться об их снаряжении, вооружении и своевременной оплате.

Хакимом являлся и высшей гражданской властью в городе. Он собирал через посредство ряда чиновников налоги, ему же подчинялся друга — высший полицейский чин города. В городе ему /с. 294/ принадлежала и высшая судебная власть (Kämpfer 1712. P. 84–85; Sanson 1694. P. 179), хотя в XVII в. его судебные права и были ограничены садром и его представителями (см. ниже), а также диван-беги в Исфагане, к которому можно было по закону обращаться как в высшую судебную инстанцию. Но если и в XVII в. хакимы часто безнаказанно превышали свои права (см., например, о злоупотреблениях шемахинского хана: Стрейс 1935. С. 257–260), то в первой половине XVIII в. они стали совершенно самостоятельными в вопросах судопроизводства.

В обязанности хакима входил личный контроль над городской жизнью. Так, беглярбек Еревана два раза в неделю, а именно по пятницам и субботам, объезжал с этой целью несколько городских кварталов. Однако стимулом к этому у него больше служило стремление к собственному обогащению, поскольку по существовавшему обычаю, если он входил в какой-либо дом, то хозяин дома обязан был давать ему ценные подарки. С этой целью беглярбека в подобных прогулках сопровождал особый чиновник, в обязанность которого входила регистрация этих подарков (Chardin 1811. V. II. P. 281).

В общем, все источники даже для XVII в. утверждают, что хакимом (беглярбек) был в своей области маленьким королем, а город являлся его столицей (Tavernier 1677. T. I. P. 595; Frayer 1915. P. 22–23; Chardin 1735. Vol. III. P. 301). Хакимы крупных городов (беглярбеки) имели собственный двор с теми же чинами, что и при дворе шаха, при выездах их сопровождала местная знать и большой конвой, играли трубы, били в литавры (Kämpfer 1712. P. 136). Хань соревновались в /с. 295/ роскоши с шахами (например, при Сефи I про беглярбека Кандагара говорили, что он имел дворец как у самого шаха (Tavernier 1677. T. I. P. 515), знаменитый полководец Аббаса I Имам-кули-хан в период своего управления Фарсом украсил центр этой области — город Шираз — многочисленными дорого стоявшими постройками и т. д. Об Имам-кули-хане см.: Herber 1928. P. 79–80; Tavernier 1677. T. I. P. 531, 537). Местные правители для обслуживания своих нужд и нужд своего двора имели, как и шахи, собственные дворцовые мастерские-кархане. В сво-

ей округе ханы имели даже право чеканки медной монеты, которая, впрочем, ходила по полной стоимости лишь в пределах их областей (Krusinski 1742. P. 50). Все это, конечно, могло совершаться лишь за счет тяжелого налогового обложения податного сословия, в том числе и городского. Уже само прибытие хана в город напоминало скорее нашествие враждебного племени, ибо ханы двигались с огромным штатом и обозами, буквально разоряя все на своем пути. Население разбегалось при встрече с этой ордой (Chardin 1811. V. VIII. P. 496).

У хакима-правителя был ближайший помощник, во время его отсутствия управлявший всеми делами города и области, В источниках в отношении этого лица употребляются три термина: векиль (وکیل), наиб (نایب) и джанешин (جانشین) — первые два слова арабского происхождения, треть — персидского, но все три одинаково переводятся «заместитель, наместник, помощник». Французские путешественники XVII в. именовали это лицо lieutenant, т. е. в сущности переводили его буквально с /с. 296/ персидского языка. Еще в XVI в. кызылбашские наместники, а точнее феодальные владельцы областей и городов, имели своих заместителей из числа риш-сефидов (старейшин) своего племени, которые в источниках именуются векилями. В обязанности этих векилей входило в отсутствие эмира управление племенем, областью или городом последнего. Векиль в XVI в. был и у шаха, причем это был эмир из числа наиболее сильных глав кызылбашских племен. Основатель Сефевидской династии Исаил I (1502–1524) сделал было попытку отнять у кызылбашских эмиров эту важную должность и передать ее гражданским лицам, но это удалось ему лишь на время (с 1508 по 1512 г. было два векиля или эмир-оль-умара всей Кызылбашской державы не из числа кызылбашей, сначала Шейх Наджм Гиляни, а затем Мир-яр-ахмед исфагани или Наджм сани; об этих векилях см.: Шереф-хāн Бидлїсї 1862. С. 145; Ғийās ад-Дїн ал-Ҳусайнї Ҳвāндāmїр 1273/1857. С. 52–53; Ҳасан-и Румлӯ 1931. С. 107, 131–133). Уже после Чалдыранского поражения 1514 г. Исаил I вынужден был вернуть эту важнейшую должность кызылбашам, у которых она и оставалась до конца столетия. В период малолетства Тахмаспа I (1524–1576) должность векиля приобрела особое значение, сделалась предметом кровавой борьбы эмиров (Horn 1890. S. 3–10 [перс. текст]; Шереф-хāн Бидлїсї 1862. С. 169–173; Ҳасан-и Румлӯ 1931. С. 182, 205). Позднее, в XVII в., векили потеряли свое значение, постепенно (окончательно лишь во второй половине XVII в.) уступая место этемад-эд-доуле, хотя сама должность векиля существовала еще и в первой половине XVII в.¹⁴⁰.

---

¹⁴⁰ При Сефи I векилем был Зейнель-хан шамлу (Искандар-бїк туркемāн Муншї 1318/1900–1901. С. 291).

Другую эволюцию претерпела должность векиля местных правителей. Она существовала и в XVII в. с той разницей, что те/с. 297/першахи сами назначали заместителей (векилей или джанешинов) хакимам. При этом они преследовали цель ограничить власть и влияние местных правителей, поставив рядом с ними чиновника-джанешина, иногда из местной знати, подотчетного двору (Chardin 1735. V. III. P. 302). Источники, к сожалению, не дают нам возможности точно установить конкретные взаимоотношения хакима и джанешина, но можно предполагать, что намерение центральной власти таким путем ограничить власть местных правителей оправдывалось мало.

Должность заместителя хакима под термином наиб встречается и в первой половине XVIII в. с тем же значением, что и в XVII в. (о наibaх Дербента и Баку см.: Гербер 1760. С. 202, 291; о наibaе ереванского хана в 30-х гг. XVIII в. Мухаммед-резе см.: Abraham de Crète 1876. P. 289); о наibaе ереванского хана в 20-х гг. XVIII в. см.: Петрос ди Саргис 1870. С. 40–43). Во второй половине XVIII в. наibaми именовались в полунезависимых ханствах ханские представители, управлявшие определенными территориями или городами ханства (о наibaх Фатх-али-хана кубинского и дербентского см.: Гмелин 1771. С. 49, 98; о наibaх Ахмед-хана хойского в Тебризе см.: Ferrières de Sauveboeuf 1790. P. 2).

Помимо хакима-правителя и его заместителя векиля-наiba-джанешина в городах имелось еще большое количество различных должностных лиц, как гражданских, так и военных. Некоторые из них функционировали не только в городе, но и во всей области (округе), другие являлись чисто городскими должностными лицами. Прежде чем перейти к изложению системы городского управления, попытаемся как-то сгруппировать в какие-то общие категории весь штат городской администрации. К. Маркс, изучая осо/с. 298/бенности развития восточных обществ на примере, главные образом, индийского и, в меньшей степени, арабского и турецкого, дал ряд ценнейших заключений, во многом помогающих уяснению специфики развития общественного и государственного строя в условиях Востока. В частности, говоря о системе управления, Маркс указывал, что «правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансовое (ограбление собственного населения), военное (грабеж внутри и в чужих странах) и ведомство общественных работ (забота о воспроизводстве)» (Маркс, Энгельс 1932. С. 494). Это положение вполне приемлемо и для Кызылбашского государства, хотя, конечно, Иран и Закавказье, составлявшие основную часть территории этого государства, имели ряд конкретных особенностей, связанных как со спецификой местных условий вообще, так и с историческим ходом развития феодализма в этих условиях. Безусловно главное и первостепенное место во всей системе управления Кызылбашского государства

занимала эксплуатация населения этого разноплеменного объединения. Этой цели служил весь налогово-полицейский аппарат, вся сложная система судопроизводства, а в случае необходимости и армия. Несколько обособленно существовавшее духовное ведомство в сущности представляло ответвление того же самого ведомства по ограблению собственного народа. Огромную роль по-прежнему играло военное ведомство, хотя удельный вес его в XVII в. несколько уменьшился и, в основном, его деятельность была во второй половине XVII в. перенесена внутрь государства. Однако его внутренние /с. 299/ функции никогда не теряли своего значения, ибо даже при самых удачных войнах и грабительских походах благосостояние кызылбашского воинства прежде всего зависело, конечно, от доходов с податного населения своей страны.

И, наконец, третье ведомство — общественных работ, также в значительной степени сохранило свою роль в Кызылбашской державе.

Точно также и всю городскую администрацию можно свести к упомянутым трем ведомствам.

Первым после хакима лицом в городе являлся калантар (كلانتار). Эта должность существовала и до XVII в., но тогда калантар являлся, как правило, представителем местной знати, полностью зависимым от феодала-владельца. Положение изменилось в XVII в., когда шахи с укреплением центральной власти старались ограничить самостоятельность местных правителей. С этого времени калантары стали назначаться из центра (du Mans 1890. P. 36). По существовавшему в XVII в. официальному положению калантар был независим от правителя-хакима. Но уже в начале XVIII в. и позднее калантары полностью зависели от хакимов (de Bruin 1718. P. 153; Der allerneueste Staat 1725. S. 261). Такое положение было вызвано вновь усилившейся независимостью местных правителей от центра. В начале XIX в. в каджарской монархии официальная независимость калантаров от правителей была восстановлена (Morier 1813. P. 331). Ряд европейских путешественников XVII—XIX вв. сравнивают калантара с мэрами или бургомистрами европейских /с. 300/ городов (de Bruin 1718. P. 153; Der allerneueste Staat 1725. S. 261; Jourdain 1814. P. 150), другие называют его купеческим старшиной (Tavernier 1677. T. I. P. 612; Chardin 1811. T. VIII. P. 14), а Олеарий именует его просто сборщиком податей (Олеарий 1870. С. 885). Сравнение свидетельств европейских путешественников с восточными источниками заставляет отвергнуть в отдельности каждое из этих определений. С этой целью и рассмотрим функции калантара, которые в XVII в. определялись особыми инструкциями, отраженными в «Тазкират-оль-мулук».

Судя по ряду данных, калантар был не просто купеческим старшиной (такое сравнение, употреблявшие его Шарден и Тавернье очевидно

дали, основываясь на калантаре купеческого предместья Исфагани — Новой Джульфы, где калантар в сущности и являлся купеческим старшиной). Калантар являлся особым должностным лицом, назначаемым из центра (см., например, о назначении калантара в Акулис в 1669 г.: Дневник Закария Акулисского 1939. С. 74), в функции которого входило административно-налоговое управление городом. Калантар назначал по представлению кварталов и цехов их старшин (кедхуда) (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 73 [перс. текст]). Четыре раза в год он обязан был собирать этих старшин и по соглашению с ними устанавливал размер налогового обложения кварталов и цехов (Tadhkirat al-Mulūk [перс. текст]; Morier 1813. P. 331). Общий список городских податей также утверждался печатью калантара. В деле сбора налогов калантар был связан с везирем (см. ниже). С начала XVIII в., с увеличением самостоятельности хакимов, в ведении калантаров осталось /с. 301/ лишь определение налогового обложения города (de Bruin 1718. P. 153).

В каждом городе был только один калантар; поэтому неправильно мнение проф. Лео о существовании в городах особого калантара для армян (Лео 1946. С. 60). Источники нигде не упоминают о существовании такого положения. Мнению Лео основано очевидно, опять-таки, на особенностях административного устройства Исфагани, где армянское предместье Джульфа имело своего особого калантара.

Калантары могли по социальному своему положению принадлежать к различным слоям господствующих классов. Известны калантары, происходившие из духовного сословия — сеидов (о калантаре Тебриза, сеиде Мирзе-Абдул-Хусейне, см.: Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 153). В XVII в. калантары чаще назначались, однако из крупных купцов, и это также, очевидно, одна из причин, почему европейские современники именуют их купеческими старшинами. Калантары являлись посредниками между купечеством и центральной властью. Тавернье, например, был свидетелем такого посредничества калантара, обратившегося от имени группы купцов с ходатайством на злоупотребления ереванского беглярбека, в результате чего последний был лишен своей должности (Tavernier 1681. V. I. P. 505–506).

Наряду с калантаром важнейшим финансовым чиновником являлся везир. В Кызылбашском государстве во все крупные области (беглярбекства) назначались из центра особые чиновники-везиры, в функции которых входил сбор налогов в центральную казну. В городах везир собирал подати через посредство калантара /с. 302/ и отсылал их в Исфаган. Везир являлся лицом независимым как от хакима, так и от калантара, и подчинялся непосредственно этемад-эд-доуле Кызылбашской державы. Собственно говоря, везир, как и хаким, не являлся чисто городским должностным лицом, а назначался на всю область или даже

на две области (беглярбекства) сразу. Так, под 1029 г. х. (1616/17 гг.) Искандер Мунши упоминает о Ходжа-Мухаммед-реза, который являлся одновременно везиром и для Азербайджана, и для Ширвана (Искандар-бик туркемāн Муншӣ 1314/1896–1897. С. 671). Но находился везир обычно в городе (например, везир Азербайджана в Тебризе) и в его функции входил сбор (через калантара и даругу) податей и с горожан. В прочие города, входившие в данное беглярбекство, от везиря периодически посылались полномочные чиновники-даруги (о деятельности этих чиновников см.: Дневник Закария Акулисского 1939. С. 76, 79). На должность везиря назначались либо крупные гражданские чиновники, либо духовные лица (о везирах Азербайджана при Сефи I, см.: Искандар-бик туркемāн Муншӣ 1318/1900–1901. С. 295).

Видным городским должностным лицом являлся даруга. В XVII–XVIII вв. этот термин употреблялся в двух значениях. Во-первых, даругой назывался городской чиновник, в обязанности которого входила охрана порядка и безопасности в городе в целом и на городских базарах как городских хозяйственных и общественных центрах, в частности. Но в XVII–XVIII вв. даругой называли также чиновников, которых владельцы небольших городов и селений посылали туда для взъяскивания податей (Krusinski 1742. P. 84–85), или же государственных чиновников такого типа, о котором говорилось выше в связи с изложением функций везира. Нас интересует собственно городской /с. 303/ даруга, глава полицейской службы в городе. В качестве такового даруга играл важную роль в городской жизни. В отличие от калантара и везира, даруга подчинялся непосредственно хакиму (de Chinon 1671. P. 49). Однако в судебной области даруга подчинялся еще и диван-беги Кызылбашской державы в Исфагане. Такого рода двойное подчинение объяснялось тем, что диван-беги являлся высшей судебной инстанцией по уголовным делам и, хотя высшая судебная власть в городе принадлежала хакиму, ограниченному, правда, в своих действиях духовным судом (об этом ниже), и практически осуществлялась в области уголовных дел даругой, тем не менее, обвиняемые могли апеллировать к диван-беги в Исфагани (Sanson 1694. P. 179), что, конечно, практически было доступно лишь для богатых и влиятельных людей.

Даруге подчинялась городская стража, которая в ночное время после закрытия базаров охраняла порядок на улицах города. В ночное время и сам даруга объезжал городские махалы с вооруженными стражниками (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 77–78 [перс. текст]). В ночной охране городского порядка даруге помогал особый помощник — мир-шаб (ночной начальник), который в ночное время патрулировал на улицах города (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 78 [перс. текст]; Chardin 1755. Т. III. P. 407; Jourdain 1814. P. 155). Должность эта была небезвыгодной. Если,

например, мир-шаб обнаруживал воровство и отнимал украденное, то по закону $\frac{1}{3}$ часть возвращенного имущества шла ему (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 78 [перс. текст]).

В обычное время служба даруги проходила, главным образом, на городских базарах. Здесь даруга являлся в полном смысле хо/с. 304/ зияном положения. Базары делились на отдельные ряды, в каждом из которых были свои старшины, подчинявшиеся даруге и под его надзором взыскивавшие пошлины и штрафы (Олеарий 1870. С. 128; Друвиль 1826. С. 98–99).

Очень важной обязанностью даруги являлось контролирование мер и весов на рынках. За их нарушение виновные подвергались по приказу даруги серьезным наказаниям. Путешественник Друвиль был свидетелем [того,] как при нем в городе Урмии отрезали нос хлебнику за найденную у него неполноценную гирию (Друвиль 1826. С. 100). Кроме даруги за соблюдением установленных мер и весов следил еще один специальный чиновник — мухтасиб. Мухтасибы назначались из центра (de Chinon 1671. P. 57) и являлись как бы государственными контролерами над рынками. Кроме контроля за мерами и весом, мухтасибы, по соглашению с главами цехов, устанавливали نرخ, т. е. цены на товары на рынке (du Mans 1890. P. 36, 37; Chardin 1755. Т. III. P. 400) и следили совместно с даругой за их соблюдением.

Как уже упоминалось выше, в руках даруги находился городской суд по уголовным делам. Суд этот был скор и прост. При уличении в краже, подделке весов, нарушении порядка, виновные присуждались либо к палочным ударам, либо сажались в колодки особой конструкции (Их изображение см.: Chardin 1755. Т. III), либо присуждались к штрафу. За воровство клеймили, отрубали пальцы, носы, уши и т. д. (Chardin 1755. Т. III. P. 416).

К смертной казни по закону мог кроме шаха присудить лишь диванбеги, но многие хакимы фактически пользовались этим /с. 305/ правом (Sanson 1694. P. 190).

Даруга получал в XVII в. плату от государства (в XVIII в. от местного хана); кроме того значительный доход он получал от «подарков» (пишкешей), а также от взяток. Даруга Исфагана при шахе Султан Хусейне (1694–1722) открыто брал выкуп с воров (Krusinski 1742. P. 111). Иезуитский патер Крусинский приводит интересный рассказ, характеризующий деятельность даруги и его беззастенчивость в деле ограбления горожан. Даруга города Акулуса заметил, что у одного горожанина осел соседя поедает виноградник. Ретивый служитель правосудия немедленно оштрафовал хозяина осла на 50 экую. Когда же хозяин виноградника, не желая ссориться с соседом заикнулся, что осел-то собственно не принес ему никакого убытка, даруга оштрафовал и его на такую же сумму, заявив, что тем самым он научит хозяина беречь свое добро (Ibid. P. 85–86). Исходя из фискальных соображений, шахи отдавали должность да-

руги, как и другие должности на откуп. Друвиль писал, что при нем в городе Урмии за должность даруги давали 10 000 туманов (Друвиль 1826. С. 97), которые, конечно, полностью затем окупались.

Непосредственно сбором налогов на рынке занимался даруга, а в самом городе особые чиновники тахсилдары (تحصيلدار) или амили (عميل). Сбор налогов производился либо через старост кварталов (махалов) (de Bruin 1718. P. 209), либо через глав цехов (эснафов). Города XVII–XVIII вв. делились на административные округа — махалы. Число их было различно. Тебриз, например, делился на 9 махалов (d'Alessandri 1873. P. 224; Chardin 1811. Т. II. P. 321), Шемаха в XVII в. даже на 26 махалов (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 296), а во второй пол./с. 306/овине XVIII в. на 9 махалов (Гмелин 1771. С. 51). Во главе кварталов стояли старосты — кедхода, избираемые населением квартала и утверждаемые калантаром. Кварталы, в свою очередь, состояли из ряда улиц. Кроме деления на кварталы, в больших городах обыкновенно существовало деление на собственно город (اندرون — андерун) и предместья; иногда город состоял из двух самостоятельных частей, каждая из которых была окружена отдельной стеной. На две отдельные части делились, например, в XVII в. Шемаха (Олеарий 1870. С. 553) и Акулис (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 75, 76, 97), город Ереван состоял из трех частей: 1) старый город (Հին Թաղ), 2) Конд (Կոնդ) и 3) Караханк (Քարահանք) (Шахазиз 1931. С. 173).

Кроме того, в XVI–XVII вв. в городах существовало разделение по религиозному признаку, по названиям двух дервишеских орденов (d'Alessandri 1873. P. 224; Chardin 1811. Т. II. P. 321).

С горожан в XVII–XVIII вв. взыскивалось большое количество податей; в целом, горожане платили не меньше, чем сельское население. Исключение составляли крупные купцы — совдакяры (таджиры или ходжи), пользовавшиеся привилегиями и платившие облегченные налоги. Основным видом городских поборов был подымный налог, налог взимавшийся с города в соответствии с числом дворов. Такая система обложения существовала в XVII–XVIII вв. и сохранилась в кадjarской монархии начала XIX в. (Jourdain 1814. P. 164). Города типа «касаба», как и сельские районы, облагались налогом именуемым «мал-у джахат», с той лишь разницей, что взимался он через го/с. 307/родского калантара и кедхуда городских районов в соответствии с доходами жителей, кварталов и, по-видимому, в зависимости от числа дворов (о сборах этого налога с Акулиса см.: Дневник Закария Акулисского 1939. С. 79).

Другим, не менее важным налогом, был бониче или налог с ремесленников (о нем см. гл. II). Кроме того, до Надир-шаха с городских жителей христиан, т. е. главным образом, армян, взыскивалась подушная подать джизия, которая в конце XVII в. равнялась 1 мискалю с человека (Kämpfer 1712. P. 96).

При Надир-шахе джизия по ходатайству католикоса Абраама Кретацци была отменена (Abraham de Crète 1876. P. 278), но во второй половине XVIII в. армянское население северо-восточной части Азербайджана, временно объединенной вокруг Кубы, вновь выплачивало подушную подать в размере 2 рублей 40 копеек с души (Гмелин 1771. С. 96). По свидетельству Гмелина, армяне в Кубинском ханстве вообще обирались еще больше мусульманского населения (Там же. С. 97).

Кроме того не следует забывать, что армянское население платило еще десятину в пользу своего духовенства. Так, в XVIII в. жители Акулиса обязаны были в год вносить в пользу католикоса по 20 диан (дианаров) с человека (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 74).

Мусульманское население также выплачивало церковную десятину, шедшую садру (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 85).

Торговцы-лавочники платили не малые пошлины за производство различных товаров, за ввоз и вывоз продукции и сырья, весовую пошлину и др. /с. 308/

Большие доходы с городов шах имел от городских бань, за пользование источниками орошения, государственными каравансараями, с публичных домов (Kæmpfer 1712. P. 96).

Кроме установленных податей существовали поборы ничем не узаконенные, взимавшиеся под видом пишкешей, т. е. подарков, всеми, без исключения, должностными лицами. Даже за поданную жалобу приходилось платить. Не случайно очевидцы отмечают, что налогов с городов всегда собиралось гораздо больше, чем положено. Крусинский приводит случай, когда армянское население города Ганджи при шахе Хусейне должно было выплачивать матери шаха 50 туманов в год, но через несколько лет только за неделю собрали однажды 300 туманов (Krusinski 1742. P. 83). Поэтому вполне объяснимо свидетельство английского путешественника Фрайера о том, что горожане в Кызылбашском государстве боялись, как бы власти не узнали величину их имущества (Frayer 1915. P. 25).

В Кызылбашском государстве со всех городов взимались особые налоги в пользу чиновников государственного аппарата, называемые «русум» (رسوم). Например, мухтасиб-оль-мамалик (государственный контролер цен, мер и весов) имел следующие русумы с городов Азербайджана и Армении (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 90–91):

с Ардебиля	— 21 туман 1 200 динаров,
с Тебриза	— 60 туманов,
с Ганджи, Еревана и Урмии	— 12 туманов 5 000 динаров,
с Хоя	— 15 000 динаров,
с Маранды	— 15 000 динаров. /с. 309/

Методы сборов налогов были самые варварские. Неплательщиков избивали, клеймили, отрезали уши, нос, сажали в колодки и ямы. Захарий Акулеци рассказывает, что когда в 1673 г. из Еревана в Акулис прибыл бек от хана для сбора суммы в 1 000 туманов для армянского католикоса, то при этом было в одну ночь повешено 35 жителей, но собрать удалось только 350 туманов (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 91–92).

Сбор налогов, также как и должности, нередко сдавались на откуп местным феодалам или богатым купцам. В Акулисе в 60-х–80-х гг. XVII в. откупали налоги обычно местные мелики (калантары), происходившие из землевладельческой знати Акулиса (Там же. С. 68, 70, 74, 122). Брат Захарии Акулеци, богатый и известный купец Симон (Шмавон), брал одно время на откуп сбор пошлин в Ереване (Там же. С. 82).

Жители городов кроме уплаты узаконенных и незаконенных сборов должны были содержать за свой счет налоговых чиновников и сверх того выплачивать в их пользу особую подать — *кулуха*, являвшуюся своеобразным вознаграждением «за труды» этих чиновников. Так, в 1670 г. из Тебриза прибыл в Акулис некий Бахрам-бек для сбора налогов; его дневное содержание обходилось в 1 туман, сверх чего ему было уплачено еще 17 туманов (Там же. С. 79) *кулуха*. До этого в Акулис приезжал с той же целью чиновник Али-кули-хан с 10 всадниками. За 20 дней на его содержание было истрачено 10 туманов и выплачено 5 туманов *кулуха* (Там же. С. 76).

О грабительских наездах налоговых сборщиков в Нахичеван и его округу в 1703 и 1717 гг. рассказывает армянский хронист Петрос Саркаваг (Жаманакагракан манр *һатвац'һер* 1956. С. 524). /с. 310/

Особенно возросли налоги в конце XVII — начале XVIII в. при шахе Хусейне. По свидетельству агванского католикоса Есаи, от этого сильно пострадало и городское население (Hassan Dchalalants 1876. P. 204).

До нас, к сожалению, не дошло почти никаких данных о размерах налоговых сборов с тех или иных городов. В середине XVII в. с Ардебиля, например, шах собирал 50 000 золотых (Evliya Çelebi 1949. S. 79) турецкой монетой (الآتون). С Акулиса в год в 60-х гг. XVII в. выжали 1 000 туманов (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 70). По другим городам мы не имеем и таких данных.

Значительная часть средств, собиравшихся с городов, расходовалась на месте, на нужды местных правителей, содержание их войск, на содержание городского административного аппарата. В Дербенте же, например, своих доходов, полностью шедших в распоряжение правителя, не хватало, и дербентский хаким получал добавочно из шахской казны 50 000 рублей в год, которые и расходовались хакимом «без отчета» (Гербер 1760. С. 202). Такое положение Дербента объяснялось его ролью как военного оплота Кызылбашской державы у гор Дагестана

и на Каспийском море. Лишь дербентские таможи в XVII в. давали большой доход шахской казне (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 311). Шаху в центр, как правило, отсылалось не более $\frac{1}{10}$ всех доходов, главным образом, натурой в виде различных редких продуктов, производившихся в этих районах (Chardin 1735. Т. III. Р. 345). В XVIII в., за исключением периода правления Надир-шаха, все городские доходы расходовались /с. 311/ местными ханами по своему усмотрению.

За активную поддержку Сефевидов при их закреплении в Закавказье шахи даровали отдельным городам право налогового иммунитета (му'афи). Так, Аббас I даровал му'афство городу Ордубаду в Нахичеванском крае (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 506) и городу Дербенту (Там же. С. 516). Освобожден от налогов был город Карабах (Эвлия Челеби 1314/1896–1897. С. 241), а при Сефи I и город Хой (Там же. С. 278).

Можно предполагать, что му'афства территориям и городам в конце XVII в. были ликвидированы в связи с общим ростом налогового обложения. Но в первой половине XVII в. дарование их довольно широко практиковалось шахами на всей территории Кызылбашского государства. Мы не можем точно судить, действительно ли от всех податей и налогов освобождались жители городов по праву му'афи. Можно предполагать, например, на основании данных Эвлия Челеби (Там же. С. 241), что освобождался город от обычных, давно и определенно установленных налогов (جميع تكاليف عرفيه دن), тогда как различного рода русумы, а также всякого рода незаконные поборы продолжали взиматься. В XVIII в. мы не знаем случаев дарования налогового иммунитета целым городам; очевидно, это право изжило себя как и ряд других институтов, свойственных более раннему времени.

Для лучшего уяснения системы городского управления необходимо остановиться на судопроизводстве в городах. Система судопроизводства в Сефевидском государстве была сложная и раз/с. 312/ветвленная. Существовали два официально признанных и употреблявшихся судебных права. В основном, судили по-прежнему на основе мусульманского права — шариата. Однако существовало еще и так наз. обычное право — урф عرف или адат. Учитывались и шахские постановления и указы. И урф, и шахские законы, в общем, подводились под нормы шариата и лишь в отдельных случаях заменяли и дополняли слишком уж устаревшие нормы мусульманского церковного права.

В Кызылбашском государстве существовали три вида суда, которые различались как по степени использования ими шариатского права, так и по делам, которые в них разрешались. Об одном из них — уголовном суде — мы уже говорили в связи с изложением функций городского да-руги. Суд этот был основан на обычном праве (урф). Главой его в рам-

ках государства был диван-беги в Исфагане (Sanson 1694. P. 178–179; Chardin 1735. Т. III. P. 405). Диван-беги имел своих представителей в провинции, в городах же ему по вопросам судопроизводства подчинялись даруги. Однако и этот суд, наиболее свободный от влияния всесильного шиитского духовенства, находился тем не менее под его контролем. Так, на осуждение смертью требовалась фетва садра, который также имел в провинции своих представителей, называвшихся «наиб-е садарат» (заместитель, представитель садра) (Sanson 1694. P. 23).

Что касается второго суда — гражданского или городского (شههر), то он находился полностью в руках духовенства (Ibid. P. 190). Главой этого суда в Кызылбашском государстве было высшее ду/с. 313/ховное лицо — садр-е азам (великий садр). Должность садра в 1670 г. была разделена на две — один из носителей ее назывался садр-е хассе (садр домена), а другой садр-е мамалик (государственный садр). Первый из них ведал церковными имуществами на территории хассе, а второй на землях давани (Kæmpfer 1712. P. 99–100; Tadhkirat al-Mulūk 1943). Но оба они имели своих представителей на местах. Представителем садра-е мамалик являлся уже упомянутый «наиб-е садарат», представителем же садра-е хассе был мударис (Sanson 1694. P. 21).

Непосредственно процессуальными делами в городе занимались два церковных судьи — кази и шейх-уль-ислам, подчинявшиеся непосредственно кази и шейх-уль-исламу в Исфагани. Последние, в свою очередь, были ответственны в своих действиях перед садром (с 1670 г. кази и шейх-уль-ислам назначались обеими садрами, соответственно садром хассе для домена и садра-е мамалик для всех остальных земель) (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 3).

И кази, и шейх-уль-ислам занимались в сущности одними и теми же делами. В их компетенцию входило: составление и утверждение договоров на продажу и куплю, дела о наследстве, опеке, утверждение брака. Разрешались эти дела по шариатскому праву и скреплялись печатью шейх-уль-ислама или кази (de Chinon 1671. P. 57; Sanson 1694. P. 23, 25).

Третий суд, занимавшийся чисто церковными делами, в провинции (в центрах беглярбегств) находился в ведении вышеупомянутых мударисов. В этом суде, например, разрешались вопросы о переходе христиан в мусульманство, равно как и об обратном воз/с. 314/врате ренегатов в лоно христианской церкви (Sanson 1694. P. 200).

Наконец, существовал и внутренний суд ремесленных и иных корпораций, ограниченный, правда, чисто внутренними делами цеха. Так, по уставу армянских ремесленников XVIII в., этот суд разрешал только дела, возникшие между ремесленниками в том случае, если дело шло о небольшой сумме, не более двух туманов, в противном случае спор выносился из пределов цеха (см. «Устав ремесленников XVIII в.» в приложении к цитированной работе В.А. Абрамян: Йалак'с археставорац 1956. С. 253).

Кази, шейх-уль-исламы, мударисы и другие лица церковного суда назначались из среды высшего духовенства. Должность их, как и многие другие, могли передаваться по наследству в одной и той же фамилии сеидов. Так, во второй половине XVI — начале XVII в. наследственной была должность кази в городе Казвине (Искандар-бик туркеман Мунши 1376/1956–1957. С. 150).

Шейх-уль-исламу и кази городов–административных центров подчинялись соответствующие судьи более мелких городов. Так, важнейшим шейх-уль-исламом Азербайджана (южного) был шейх-уль-ислам города Тебриза (Архив армянской истории 1894. С. 631).

Церковный суд находился под особым покровительством шахов и был независим в XVII в. от местных правителей. Характерен следующий пример. В 1050 г. х. (1639/40 гг.) шейх-уль-ислам Еревана был убит по подстрекательству хакима (правителя) племени байят, жившего в Ереванской области, одним из мулязимов (вассалов) хакима. Поводом для убийства послужило издание незадолго до этого шейх-уль-исламом шириатского указа против племенного главы. По приказу шаха беглярбек Еревана /с. 315/ Мухаммед-кули-хан казнил хакима, осмелившегося поднять руку на шириатского судью (Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 246).

Судьи имели большие доходы непосредственно от государства или от местных правителей. Им, как и другим должностным лицам, могли даваться тиули и союргали. В качестве примера возьмем доходы диванбеги Кызылбашского государства, который, согласно «Тазкират-ольмулук», имел жалование в 500 туманов и сверх того тиуль, оцененный в 15 туманов, на практике же дававший 92 тумана 3845 динаров, так что всего диван-беги получал 592 тумана 3845 динаров, а временами и 1 000 туманов. Кроме того, в пользу диванбеги шла $\frac{1}{10}$ всех штрафов, налагавшихся в судебном порядке (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 87–88).

Кроме официальных доходов судьи брали с населения взятки (Chinon 1671. P. 58). О беззакониях кази и шейх-уль-ислама (эти должности в данном случае занимало одно лицо) города Ордубада писал Захарий Акулеци (Дневник Закария Акулисского 1939. С. 118).

В Кызылбашском государстве в руках государства и его местных ответвлений были сосредоточены такие важные общественные и по характеру их проведения, и по системе их использования мероприятия, как проведение дорог, расчистка и культивирование новых земель (земель Гиляна и Мазандерана, отчасти Тальша в XVII в.), возведение общественных зданий (бань, рынков, караван-сараяв). Сама сельская община в сущности являлась сильнейшим рычагом в проведении этих работ. Наконец, и функция поддержания и управления оросительной сетью не могла и не бы/с. 316/ла децентрализована. Особенно ясно это

видно на примере земель хассе, где источники орошения были почти целиком подведомственны государству. В Сефевидском государстве, как и в соседней Турции, проводились массовые работы по ремонту старых оросительных систем и сооружению новых каналов. Например, в 1029 г. х. (1616/17 гг.) были проведены большие работы по орошению города Исфагана (Искандар-бик туркеман Мунши 1314/1896–1897. С. 668, 674). При Сефи I такие же работы проводились в городе Неджефе (Искандар-бик туркеман Мунши 1318/1900–1901. С. 94). В Турецкой Армении в 1561 г. проводились большие работы по проведению воды в город Ван, в которых приняло участие 8 000 лишь городских поденщиков (Архив армянской истории 1912. С. 123). Государство проводило и другие массовые общественные работы. Не говоря уже о строительстве большой дороги, связывавшей Исфаган с севером страны при Аббасе I, упомянем о строительстве при шахе Мухаммеде Худабенде (1578–1586 гг.) большого моста через Аракс, в построении которого принимало участие 12 000 рабочих (عمالا) (Мухаммад Казим. Л. 1566).

И, наконец, последний вопрос настоящей главы — вопрос о ведомстве общественных работ. К сожалению, именно по деятельности этого ведомства источники сообщают нам наиболее скудные данные. Судя по «Тазкират-оль-мулук» и другим источникам, ведомство это находилось в руках везирей провинций и местных хакимов. У везира в подчинении имелся целый штат чиновников, регулировавших всю деятельность непосредственного производителя. Существовал, например, особый оценщик урожая (ارزياب)¹⁴¹, а также землемер (مساح), в обязанности которого входило/с. 317/дил учет государственных земель, сдаваемых в аренду крестьянам и определение и регистрация урожая и доли крестьянина (اکره) (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 73, 75, 88 [перс. текст]). Не случайно, в обязанности должностных лиц входило отыскание крестьян для тех мест (на государственных и доменных землях), где их не было (Там же. С. 72 [перс. текст]). Такое правило, упоминаемое в «Тазкират-оль-мулук», определенно говорит о существовании в Кызылбашском государстве прикрепления крестьян (в т. ч. и городских) к земле.

Наконец, в компетенцию государства и местных властей входило и наблюдение за системой орошения и, как выше упоминалось, постройка новых каналов. Существовала особая должность мираба (ميراب), т. е. управляющего оросительной системой. Мирабы были в каждом беглярбекстве. Должность эта считалась очень доходной, поскольку от мираба зависело распределение воды с государственных источников орошения (Chardin 1735. V. III. P. 100). За это мирабы взыскивали в свою

---

¹⁴¹ В машинописном тексте не дописано: زيابي – Примеч. А. А.

пользу значительные «подарки», в противном же случае вода просто не давалась (Ibid. P. 100–101).

Мираб Исфагана имел таким образом доход в 4 000 туманов (Ibid. P. 100).

Мирабу подчинялись особые надсмотрщики каналов (Tadhkirat al-Mulūk 1943. P. 81 [перс. текст]). Несмотря на попытки сохранения оросительной сети и на постройку новых каналов, в общем, на протяжении XVII в. наблюдается уменьшение числа наземных и подземных каналов (кяризов). Мирза-Ибрагим, везир Азербайджана, говорил путешественнику Тавернье, что /с. 318/ за последние 80 лет (с конца XVI до 60-х гг. XVII в.) лишь территория города Тебриза потеряла 400 своих источников орошения, частично благодаря различным происшествиям (очевидно войнам, землетрясениям), частично же из-за небрежности лиц, заботам которых они были поручены (Tavernier 1677. Т. I. P. 371). По данным Шардена, в Азербайджане с начала XVII в. до 60-х гг. этого столетия число подземных каналов (кяризов) уменьшилось до 400 (Chardin 1735. Т. III. P. 100). Централизовано было орошение и в городах. В Дербенте даже в первой половине XVIII в. султан города часть своих доходов тратил на содержание каналов (Гербер 1760. С. 202).

Кроме поддержания источников орошения местные власти заботились о поддержании общественных строений (караван-сараяв, рынков, бань) (Там же). В XVII в. не только в Исфагани, но и в других городах многие подобные строения возводились государством (шахом). Существовала особая должность ма'амар-баши, т. е. главного архитектора, который ведал этими постройками и получал за это 5% с сумм, затрачиваемых на эти постройки. Ему же шло 2% с продажи домов (Chardin 1735. Т. III. P. 109). Хакимы и калантары (мелики) городов также строили базары, караван-сарай и другие сооружения (пример см. в гл. II, с. 258). При больших постройках использовался почти даровой труд ремесленников и крестьян. Большую роль при этом играли крестьянские общины и ремесленные цехи, через которые и собиралась необходимая рабочая сила. Развитие этой системы в XVIII в. проследить невозможно, ибо если по XVII в. мы имеем, хотя и скудные данные по этому вопросу, то по XVIII в. в нашем распоряжении нет и /с. 319/ этого. В общем, можно, однако, предположить, что в XVIII в. идет децентрализация этого ведомства, чем, очевидно, отчасти и можно объяснить отсутствие данных в источниках. /с. 320/

Краткие выводы

1) Система общегосударственного и городского управления в Сефевидском государстве отличалась большой сложностью, но как и в

большинстве других стран Востока может быть сведена к трем основным ведомствам: финансовое ведомство или ведомство по ограблению своего народа, ведомство по ограблению других народов (военное) и ведомство общественных работ.

Наибольшее развитие из них получило первое ведомство.

2) Система городского управления была основана на экономическом и политическом господстве феодально-землевладельческой знати с привлечением к нему (в XVII в.) крупного купечества.

3) Если для XVII в. было характерно стремление шахов ослабить власть местных (в том числе и городских) правителей, то в условиях XVIII в. крупные города становятся центрами полусамостоятельных и самостоятельных феодальных владений. В руках городских хакимов (ханов) постепенно сосредотачивается вся высшая власть (налоговая, судебная, военная). /с. 321/

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале XVII в. Азербайджан и Восточная Армения вновь вошли в состав Сефевидского государства, временно объединенного и укрепленного разноплеменной знатью кочевых племен в союзе с оседлыми феодалами Ирана и Закавказья. Усиление центральной власти и связанное с этим ослабление местной, прежде всего кочевой знати, прекращение или уменьшение феодальных междоусобий и с конца 30-х гг. XVII в. разорительных и опустошительных внешних войн, оказывавших до того времени крайне неблагоприятное воздействие на состояние и развитие производительных сил, благоприятно отразились и на развитии городов Восточного Закавказья. На протяжении всего XVII в. наблюдается увеличение числа городов и рост их населения. Происходят и определенные качественные изменения в структуре городской экономики, наиболее ярким из которых явился рост ремесленного производства, рассчитанного на внешний и внутренний рынки и появление элементарных предприятий мануфактурного типа.

Из новых явлений в социальной жизни городов следует отметить увеличение роли и влияния городского купечества и отчасти цеховой верхушки, которые в XVII в. получили доступ к участию в местном городском управлении.

В XVII в. города являются экономическими центрами своих округов и областей, в руках городского купечества сосредоточена основная внешняя торговля страны. На внешний рынок города Азербайджана и Восточной Армении поставляют разнообразные товары, среди которых видное место занимают готовые шелковые и хлопчатобумажные изделия. /с. 322/

Вместе с тем непрочность объединения, сохранение значительной роли кочевой знати, влияние которой и в XVII в. было лишь ограничено, но не уничтожено, привели к тому, что с распадом Сефевидского государства, возрождением феодальной раздробленности и началом опустошительных внешних вторжений со всеми их последствиями города испытывают тенденцию к упадку.

Распад Кызылбашского государства не следует связывать лишь с политическими событиями 20-х гг. XVIII в. Фактически это был длительный полувековой процесс, начавшийся со второго десятилетия XVIII в. и продолжавшийся до середины этого века. Лишь с развалом державы Надир-шаха можно говорить об окончательном его завершении. В итоге, и Иран, и Восточное Закавказье оказались раздробленными на ряд самостоятельных и полусамостоятельных феодальных государств, враждовавших друг с другом. В этих условиях наблюдается натурализация хозяйства, сокращение городского ремесла и сферы городской торговли, уменьшение городского населения, а в среде последнего увеличение удельного веса феодальнозависимого населения. Местные ханы, преследовавшие свои личные, частные интересы, никогда последовательно не совпадавшие с интересами народа, в условиях ослабления внутризкономических и политических связей областей не могли явиться силой, способной объединить сколько-нибудь прочно даже какую-либо значительную часть страны.

Политическая же раздробленность приводила к еще большей экономической изоляции отдельных областей, населенных одним и тем же народом. Так, во второй половине XVIII в. для Азербайджана можно выделить (приблизительно) три отдельные его части (северо-восток страны, Карабах и юг), экономически более тяготеющих к /с. 323/ соседним областям Дагестана, Северного Кавказа, Грузии и Ирана, нежели друг к другу.

В подобных условиях следует отметить как прогрессивное явление все большее увеличение экономических (торговых) связей северного Азербайджана и Восточной Армении с Россией, особенно с русскими владениями на северном Кавказе, а также все более растущую русскую ориентацию среди торгово-промышленной части населения этих областей (а также отчасти и других слоев населения, например, армянского духовенства) на Россию. /с. 324/

а) Классики марксизма-ленинизма

- Ленин В.И.* О государстве // *Ленин В.И.* Собрание сочинений. М., 1937. Т. XXIX. С. 433–451. [*Lenin V.I.* O gosudarstve (The State) // *Lenin V.I.* Sobraniye sochineniy. Moscow, 1937. Vol. XXIX. S. 433–451.] (–)
- Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // *Ленин В.И.* Собрание сочинений. М., 1935. Т. III. С. 1–535. [*Lenin V.I.* Razvitiye kapitalizma v Rossii (Development of Capitalism in Russia) // *Lenin V.I.* Sobraniye sochineniy. Moscow, 1935. Vol. III. S. 1–535.] (–)
- Маркс К.* Британское владычество в Индии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1933. Т. 9. С. 346–352. [*Marx K.* Britanskoye vladychestvo v Indii (The British Rule in India) // *Marx K., Engels F.* Sochineniya. Moscow, 1933. Vol. 9. S. 346–352.] (–)
- Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940. [*Marx K.* Formy, predshestvuyushchiye kapitalisticheskomu proizvodstvu (Forms Which Precede Capitalist Production). Moscow, 1940.] (–)
- Маркс К.* Капитал. М., 1953. Т. I–III. [*Marx K.* Capital. Moscow, 1953. Vols. I–III.] (–)
- Маркс К.* Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1955. Т. 4. С. 65–185. [*Marx K.* Nishcheta filosofii. Otvet na «Filosofiyu nishchety» g-na Prudona (The Poverty of Philosophy Answer to the Philosophy of Poverty by M. Proudhon) // *Marx K., Engels F.* Sochineniya. Moscow, 1955. Vol. 4. S. 65–185.] (–)
- Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. 3. С. 7–544. [*Marx K., Engels F.* Nemetskaya ideologiya (The German Ideology) // *Marx K., Engels F.* Polnoye sobraniye sochineniy. Moscow, 1955. Vol. 3. S. 7–544.] (–)
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения / Под ред. В. Адоратского. М., 1932. Т. 21. [*Marx K., Engels F.* Sochineniya (Works) / Ed. by V. Adoratsky. Moscow, 1932. Vol. 21.]
- Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М., 1950. [*Engels F.* Anti-Dyuring (Anti-Dühring). Moscow, 1950.] (–)
- Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии. М., 1952. [*Engels F.* Krest'yanskaya voyna v Germanii (The Peasant War in Germany). Moscow, 1952.] (–)

б) Источники

1. Архивные источники

- АВПР, фонд Сношения России с Персией, дела: 4 (1728–96 гг.), 12 (1762–1778 гг.), 13 (1763–1767 гг.), 15 (1765–1797 гг.), 17 (1767–1774 гг.), 470 (1774–1800 гг.), 479 (1776–1782 гг.). [AVPR, fond Snosheniya Rossii s Persiyey (Archive of the Russian Foreign Policy, Foundation for Relations Between Russia and Persia), dela: 4 (1728–96 gg.), 12 (1762–1778 gg.), 13 (1763–1767 gg.), 15 (1765–1797 gg.), 17 (1767–1774 gg.), 470 (1774–1800 gg.), 479 (1776–1782 gg.).]
- Государственное хранилище древних рукописей Армянской ССР. Матенадаран, Архив католикоса: папки 1, 1а, 1б, 1г, 1д, 1з, 2а, 2б, 4, 6, 242. [Gosudarstven-

noye khranilishche drevnikh rukopisey Armyanskoj SSR. Matenadaran, Arkhiv katolikosa (State Repository of Ancient Manuscripts of the Armenian SSR. Matenadaran, Archive of the Catholicos): papki 1, 1a, 16, 1g, 1d, 1z, 2a, 26, 4, 6, 242].

2. Персидские источники (изданные и рукописные)

- ‘Abd al-Fattaḥ Fūmanī. Tā’rīḫ-i Gīlān* [История Гиляна] // Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meeres / Hrsrg. B. von Dorn. St.-Petersburg, 1858. Theil III. S. 210–223. [*‘Abd al-Fattaḥ Fūmanī. Tā’rīḫ-i Gīlān* (History of Gīlān) // Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meeres / Hrsrg. B. von Dorn. St.-Petersburg, 1858. Theil III. S. 210–223.] (на перс. яз.)
- Абӯ-л-Ҳасан Гулистāнӣ. Муджмал ағ-тавāрӣḫ* [Сокращенное изложение историй]. Тегеран, 1359 г.с.х. / 1941 г. [*Abū-l-Ḥasan Gulistānī. Mujmal al-tawārīḫ* (Abridged stories). Tehrān, 1359 SH / AD 1941.] (на перс. яз.)
- Ғийāс ад-Дӣн ал-Ҳусайнӣ Ҳвāндāmӣр. Ҳабӣб ас-сийар* [Друг биографий]. Бомбей, 1273 г.х. / 1857 г. Т. III. [*Ghiyāth al-Dīn al-Ḥusaynī Ḥvāndāmīr. Ḥabīb al-siyar* (The Friend of Biographies). Bombay, 1273 AH / AD 1857. Vol. III.] (на перс. яз.)
- Искандар-бӣк туркемāн Мушӣй. Tā’rīḫ-i ‘ālam-ārā-йи* [История украшателя мира Аббаса]. Тегеран, 1314 г.х. / 1896–1897 гг. [*Iskandar-bīk Turkemān Munshī. Tā’rīḫ-i ‘ālam-ārā-yī* (History of World-decorator). Tehrān, 1314 AH / AD 1896–1897.] (на перс. яз.)
- Искандар-бӣк туркемāн Мушӣй. Зайл-и tā’rīḫ-и ‘ālam-ārā-йи* [Продолжение истории украшателя мира Аббаса]. Тегеран, 1318 г.х. / 1900–1901 гг. [*Iskandar-bīk Turkemān Munshī. Dhayl-i tā’rīḫ-i ‘ālam-ārā-yī* (Continuation of the History of World-decorator). Tehrān, 1318 AH / AD 1900–1901.] (на перс. яз.)
- Искандар-бӣк туркемāн Мушӣй. Tā’rīḫ-и ‘ālam-ārā-йи* [История украшателя мира Аббаса]. Тегеран, 1376 г.с.х. / 1956–1957 гг. Т. I, II. [*Iskandar-bīk Turkemān Munshī. Tā’rīḫ-i ‘ālam-ārā-yī* (History of World-decorator). Tehrān, 1376 SH / AD 1956–1957. Vol. I, II.] (на перс. яз.)
- Йаḥyā б. ‘Abd al-Latīf al-Qazwīnī. Лубб ағ-тавāрӣḫ* [Лучшие истории]. Рукопись. ИВ АН, № В-660. [*Yahyā b. ‘Abd al-Latīf al-Qazwīnī. Lubb al-tawārīḫ* (Best Histories). MS. IOS of Academy of Sciences of USSR, № V-660.] (на перс. яз.)
- Китāб-и Ҳусайн-‘Алӣ-хāн сардār-и Йравāнӣ [Книга Хусейн-Али-хана, ереванского сардара]. Рукопись. Матенадаран, отд. перс. рук., № М233. [Kitāb-i Ḥusayn-‘Alī-ḥān sardār-i Īrawānī (Book of Ḥusayn-‘Alī-ḥān, Sardār of Īrawān). MS. Matenadaran, Dep. of Persian Manuscripts, № M233.] (на перс. яз.)
- Лисāн ал-мулк. Tā’rīḫ-и қāджāри-йи* [История кадjarов]. Тегеран, 1273 г.с.х. / 1857 г. [*Lisān al-mulk. Tā’rīḫ-i qājāri-yī* (History of Qājārs). Tehrān, 1273 SH / AD 1857.] (на перс. яз.)
- Мӣрзā Муḥаммад Калантār. Рӯзнāме* [Дневник] / Под ред. А. Икбала. Тегеран, 1325 г.с.х. / 1946 г. [*Mīrzā Muḥammad Kalantār. Rūznāme* (Diary). Tehrān, 1325 SH / AD 1946.] (на перс. яз.) (–)
- Мӣрзā Муḥаммад Ҳалӣл. Маджма‘ ағ-тавāрӣḫ* [Собрание историй] / Под ред. А. Икбала. Тегеран, 1328 г.с.х. / 1949 г. [*Mīrzā Muḥammad Ḥalīl. Majma‘ al-tawārīḫ* (Collection of Histories). Tehrān, 1328 SH / AD 1949.] (на перс. яз.) (–)

- Мірзә Ҳасан Ҳусайнӣ Фасā'ӣ*. Фāрс-нāме-йи Нāсирӣ [Насерова Книга о Фарсе]. Тегеран, 1312 г.х. / 1894 г. [*Mīrzā Ḥasan Ḥusaynī Fasā'ī*. Fārs-nāme-yi Nāsirī (Nāsir's Book of Fārs). Tehrān, 1312 AH / AD 1894.] (на перс. яз.)
- Муҳаммад Кāзим*. Тā'риҳ-и 'āлам-ārā-йи Нāдирӣ [История украшателя мира Надира]. Т. II, III. Рукопись. ЛО ИВ АН, № Д-430. [*Muḥammad Kāzim*. Тā'riḥ-i 'ālam-ārā-yi Nādirī (History of World-decorator Nādir). Vol. II, III. MS. Leningrad Branch of the IOS of Academy of Sciences of USSR, № D-430.] (на перс. яз.)
- Муҳаммад Ма'сӯм*. Ҳулāшат ас-сийар [Извлечение из биографий]. Рукопись. ГПБ, каталог Дорна, № 303/1. [*Muḥammad Ma'sūm*. Ḥulāshat al-siyar (Extract from Biographies). MS. State Public Library, Dorn catalog, № 303/1.] (на перс. яз.)
- Муҳаммад Сāдиқ*. Тā'риҳ-и гйтйгушāй [История завоевателя мира]. Тегеран, 1317 г.х. / 1899–1900 г. [*Muḥammad Šādiq*. Тā'riḥ-i gītīgushāy (History of a World Conqueror). Tehrān, 1317 AH / AD 1899–1900.] (на перс. яз.)
- Муҳаммад Тāхир Ваҳид*. 'Аббāс-нāме [Книга Аббаса]. Эрак, 1329 г.с.х. / 1950 г. [*Muḥammad Tāhir Waḥīd*. 'Abbās-nāme (Book of 'Abbās). Arāk, 1329 SH / AD 1950.] (перс. яз.)
- Муҳаммад Йӯсуф*. Ҳулд-и барӣн [Высший рай] // *Искандар-бӣк Туркемāн Муниш*. Зайл-и тā'риҳ-и 'āлам ārā-йи. Тегеран, 1318 г.х. / 1900–1901 г. Т. VIII. С. 146–299. [*Muḥammad Yūsuf*. Ḥuld-i barīn (Sublime Paradise) // *Iskandar-bīk Turkeṁān Munshī*. Dhayl-i tā'riḥ-i 'ālam ārā-yi. Tehrān 1318 AH / AD 1900–1901. Vol. VIII. S. 146–299.] (на перс. яз.)
- Муҳаммад Йӯсуф*. Тā'риҳ-и ҳулд-и барӣн [История высшего рая]. Тегеран, 1339 г.с.х. / 1937 г. Ч. II. [*Muḥammad Yūsuf*. Тā'riḥ-i ḥuld-i barīn (History of a Sublime Paradise). Tehrān, 1339 SH / AD 1937. Part II.] (на перс. яз.) (*)
- Нāдир-Мирзā*. Тā'риҳ-и ва жоғрафий-и Дār ас-Салтāна-йи Табрӣз [История и география Местопребывания Султана — Тебриза]. Тегеран, 1323 г.х. / 1905–06 г. [*Nādir-Mīrzā*. Тā'riḥ-i wa joḡhrāfiy-i Dār al-Saltāna-yi Tabrīz (History and Geography of The seat of Sulṭān — Tabrīz). Tehrān, 1323 AH / AD 1905–06.] (на перс. яз.)
- Рашид-ад-дин*. Сборник летописей / Пер. А.К. Арендса; под ред. А.А. Ромаскевича, Е.Э. Бертельса, А.Ю. Якубовского; отв. ред. В.В. Струве. М.; Л., 1946. Т. 3. [*Rashid-ad-din [Rashīd al-Dīn]*. Sbornik letopisey [Jāmi' al-tawārīḥ] (Compendium of Chronicles) / Transl. A.K. Arends, ed. by A.A. Romaskevich, E.E. Bertals, A.Yu. Yakubovsky, V.V. Struve. Moscow; Leningrad, 1946. Vol. 3.] (*)
- Ризā-Қулӣ-ҳāн Хидайāt*. Раузат ас-сафā-йи нāсири [Насиров цветник радости]. Тегеран, 1274 г.х. / 1856 г. Т. 9. [*Rizā-Qulī-ḥān Hidayāt*. Rauzat as-safā-yi nāsirī (Nāsir's Garden of Joy). Tehrān, 1274 AH / AD 1856. Vol. 9.] (на перс. яз.)
- Ҳасан-и Рӯмлӯ*. Аҳсан ат-тавāриҳ [Избранные истории] / Под ред. Ч.Н. Седдон. Барода, 1931. Т. I. [*Ḥasan-i Rūmlū*. Aḥsan al-tawārīḥ (Selected Histories) / Ed. by Ch.N. Seddon. Baroda, 1931. Vol. I.] (на перс. яз.)
- Шереф-ҳāн Бидлӣсӣ*. Шереф-нāме [Книга Шерефа]. СПб., 1862. Т. II. [*Sheref-ḥān Bidlīsī*. Sheref-nāme (Book of Sheref). St.-Petersburg, 1862. Vol. II.] (на перс. яз.)

- Jones W.* Histoire de Nader Chah connu sous le nom de Thahmas Kuli Khan, Empereur de Perse. Traduite d'un manuscrit persan [*Mirza Muhammad Mehdi-khan Astrabadi. Tarikh-e Nadiri*]. L., 1770. (–)
- Ḥamd Allāh Mustawfī Qazwīnī.* Kitāb-i nuzhat al-qulūb. The Geographical Part of the Nuzhat-al-Qulūb / Ed. by G. Le Strange. L.; Leiden, 1915.
- Horn P.* Die Denkwürdigkeiten des Shah Ṭahmāsp I. von Persien // ZDMG. 1890. T. 44. S. 563–649.
- Hossein fils de Cheik Abdāl Zāhedi.* Silsilāt-ul-Nāsāb: Généalogie de la dynastie Sāfavy de la Perse. B., 1924.
- Ḥudūd al-‘Ālam.* The regions of the world: a Persian geography, 372 A.H. / 982 A.D. / Trans. and expl. by V. Minorsky; with the preface by V.V. Barthold. L., 1937.
- Mahdi Khan.* Histoire de Nader Chah. L., 1770. (*)
- Minovi M., Minorsky V.* Naṣīr al-Dīn Ṭūsī on Finance // BSOAS. 1940. Vol. 10 (3). P. 755–789.
- Sheikh Mohammed Ali Hazin.* The Life of Sheikh Mohammed Ali Hazin Written by Himself / Ed. and transl. by F.C. Belfour. L., 1831.
- Tadhkirat al-Mulūk / Ed. and transl. by V. Minorsky. L., 1943.
- The Early Years of Shāh Isma‘il, Founder of the Safavī Dynasty / Transl. by E. Denison Ross. L., 1896. (–)

3. Армянские источники

- Абрамян А.* Купчие и разные другие документы по хозяйственным и иным сделкам. Ереван, 1941. [*Abramyan A.* Kupchiye i raznyye drugiye dokumenty po khozyaystvennym i inym sdelkam (Bill of Sales and Various Other Documents on Economic and Other Transactions). Yerevan, 1941.] (на ср.-арм. яз.)
- Авраам Ереванци.* История войн 1722–1736 гг. / Сост. Ас. Шахназарян. Ереван, 1939. [*Avraam Yerevantsi.* Istoriya voyn 1722–1736 gg. (History of Wars 1722–1736). Yerevan, 1939.]
- Ананя Ширакаци.* Армянская география VII в. / Пер. К.П. Патканова. СПб., 1877. [*Ananiya Shirakatsi.* Armyanskaya geografiya VII v. [Aṣḥarhacoyc‘] (Armenian Geography of the 7th Century). St.-Petersburg, 1877.] (–)
- Ананун Ванецу тарегрут’йун [Анонимная летопись Вана] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Т. I. Ереван, 1951. С. 350–382. [Ananun Vanec‘u taregrut‘yun (Anonymous Chronicle of Van) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Vol. I. Yerevan, 1951. S. 350–382.] (на ср.-арм. яз.)
- Ананун Ванецу жаманакагрут’йун (Анцк’ Васпуракан ашхарһи) [Анонимная хроника Вана (Обзор области Васпуракан)] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Т. II. Ереван, 1956. С. 104–124. [Ananun Vanec‘u žamanakagrut‘yun (Anс‘k‘ Vaspurakan aṣḥarhi) (Anonymous Chronicle of Van (Overview of the Vaspurakan Region)) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Vol. II. Yerevan, 1956. S. 104–124.] (на ср.-арм. яз.) (–)
- Ананун жаманакагрут’йун [Анонимная хроника] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Т. I. Ереван, 1951. С. 178–188. [Ananun

- žamanakagrut'yun (Anonymous Chronicle) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Vol. I. Yerevan, 1951. S. 178–188.] (на ср.-арм. яз.) (а)
- Ананун жаманакагрут'йун [Анонимная хроника] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Т. I. Ереван, 1951. С. 317–332. [Ananun žamanakagrut'yun (Anonymous Chronicle) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Vol. I. Yerevan, 1951. S. 317–332.] (на ср.-арм. яз.) (б) (–)
- Ананун жаманакагрут'йун [Анонимная хроника] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Т. II. Ереван, 1956. С. 281–286. [Ananun žamanakagrut'yun (Anonymous Chronicle) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Vol. II. Yerevan, 1956. S. 281–286.] (на ср.-арм. яз.) (–)
- Архив армянской истории / Сост. Г. Аганьянц. Кн. 1–11. Тифлис, 1893–1913. [Arkhirv armyanskoj istorii (Archive of Armenian History). Books 1–11. Tiflis, 1893–1913.] (на др.-арм. яз.)
- Арак'ѐл Даврижеци. Гирк' патмут'еан [История]. Ваһаршапат, 1884. [Aṙak'ēl Davrižec'i. Girk' patmut'ean (History). Vaḥaršapat, 1884.] (на ср.-арм. яз.)
- Баһдасар Дпирѝ жаманакагрут'йун [Хроника дякя Баһдасара] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Ереван, 1951. Т. I. С. 333–349. [Baḥdasar Dpiri žamanakagrut'yun (Chronicle of the Clerk Baḥdasar) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Vol. I. Yerevan, 1951. S. 333–349.] (на ср.-арм. яз.) (–)
- Барсеһ Грчи ев Мелик К'еамали жаманакагрут'йун [Хроника Барсега писца и Мелик Кямала] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Ереван, 1951. Т. I. С. 288–291. [Barseḥ Grč'i yev Melik K'eamalī žamanakagrut'yun (Chronicle of Barseḥ the Scribe and Melik K'eamal) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Vol. I. Yerevan, 1951. S. 288–291.] (на ср.-арм. яз.) (–)
- Богданов А. [Артемий Араратский]. Жизнь Артемия Араратского. СПб., 1813. [Bogdanov A. [Artemiy Araratskiy]. Zhizn' Artemiya Araratskogo (The Life of Artemy Araratsky). St.-Petersburg, 1813.]
- Вардан Баһишецу жаманакагрут'йун [Хроника Вардана Баһишеци] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Ереван, 1956. Т. II. С. 384–401. [Vardan Baḥiṣec'u žamanakagrut'yun (Chronicle of Vardan Baḥiṣec'i) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Yerevan, 1956. Vol. II. S. 384–401.] (на ср.-арм. яз.) (–)
- Григор Камахеци. Жаманакагрут'ивн Григор вардапетѝ Камахецувој кам Даранаһцувој [Хронография вардапета Григора Камахеци или Даранагци] / Под ред. М. Ншанян. Ерусалем, 1915. [Grigor Kamaxec'i. Žamanakagrut'ivn Grigor vardapeti Kamaxec'woy kam Daranaḥ'woy (Chronography of Vardapet Grigor Kamaxec'i or Daranaḥ'i) / Ed. by M. Nshanyan. Eruṣaleḿ, 1915.]
- Григор Камахецу хмбаграц' жаманакагрут'йун [Сводная хроника Григора Камахеци] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Ереван, 1956. Т. II. С. 256–280. [Grigor Kamaxec'u xmbagracs žamanakagrut'yun (Consolidated Chronicle of Grigor Kamaxec'i) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Yerevan, 1956. Vol. II. S. 256–280.] (на ср.-арм. яз.)
- Давит' Баһишецу жаманакагрут'йун [Хроника Давида Баһишеци] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Ереван, 1956. Т. II. С. 287–378. [Davit' Baḥiṣec'u žamanakagrut'yun (Chronicle of Davit' Baḥiṣec'i) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Vol. II. Yerevan, 1956. S. 287–378.] (на ср.-арм. яз.)

- Дневник Закария Акулисского / Пер. Ас. Шахназаряна. Ереван, 1939. [Dnevnik Zakariya Akulisskogo (Diary of Zakariy Akulissky). Yerevan, 1939.]
- Жаманагракан манр hatvacner [Хроника мелких событий] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Т. II. Ереван, 1956. С. 505–538. [Žamanakagrakan manr hatvacner (Chronicle of Minor Events) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Vol. II. Yerevan, 1956. S. 505–538.] (на ср.-арм. яз.)
- Зак'ареа Саркаваг. Патмагрут'иwn [История]. Ваһаршапат, 1873. [Zak'area Sarkawag. Patmagrut'iwn (History). Vaһaršapat, 1873.] (на ср.-арм.)
- Исаһак вардапети жаманакагрут'йун [Хроника Исаака вардапета] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Т. I. Ереван, 1951. С. 297–316. [Isahak vardapeti žamanakagrut'yun (Chronicle of Isahak vardapet) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Yerevan, 1951. Vol. I. S. 297–316.] (на ср.-арм. яз.)
- Йалак'с арһеставорац [О ремесленниках] // *Абрамян В.А.* Ремесла в Армении IV–XVIII вв. / Под ред. Л.М. Меликсет-Бека. Ереван, 1956. С. 253–258. [Yaһak's arhestavorac' (About Artisans) // *Abramyan V.A.* Remesla v Armenii IV–XVIII vv. / Ed. by L.M. Melikset-Bek. Yerevan, 1956. S. 253–258.] (на ср.-арм. яз.)
- Йарут'ин Халифайеан жаманакагир [Хроника Арутюна Халифа] // Архив армянской истории / Сост. Г. Аганьянц. Кн. 10. Тифлис, 1912. С. 123–153. [Yarut'in Khalifayean žamanakagir (Chronicle of Yarut'in Khalifa) // Arkhiv armyanskoj istorii / Ed. by G. Aganjanc. V. 10. Tiflis, 1912. S. 123–153.] (на ср.-арм. яз.)
- Летопись на камнях. Собрание-указатель армянских надписей / Сост. К. Костанянц. СПб., 1913. [Letopis' na kamnyakh. Sobraniye-ukazatel' armyanskikh nadpisey (Chronicle on the Stones. Collection-Index of Armenian Inscriptions) / Ed. by K. Kostanyanc. St.-Petersburg, 1913.] (на ср.-арм. яз.) (–)
- Левонд Тоспеци.* [Хроника] // Архив армянской истории. Кн. 10. Тифлис, 1912. Стб. 491–508. [L'evond Tospec'i. [Chronicle] // Arkhiv armyanskoj istorii. V. 10. Tiflis, 1912. Col. 491–508.] (на др.-арм. яз.) (–)
- Мартирос ди Аракелу жаманакагрут'йун А [Первая хроника Мартироса ди Аракела] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Т. II. Ереван, 1956. С. 425–439. [Martiros di Arahelu zhamanakagrut'yun A (The First Chronicle of Martiros di Arahel) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Yerevan, 1956. Vol. II. S. 425–439.] (на ср.-арм. яз.)
- Мартирос Халифайи жаманакагрут'йун [Хроника Мартироса Халифы] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Ереван, 1956. Т. II. С. 479–498. [Martiros Khalifayi žamanakagrut'yun (Chronicle of Martiros Khalifa) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Yerevan, 1956. Vol. II. S. 479–498.] (на ср.-арм. яз.)
- Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Т. I. Ереван, 1951; Т. II. Ереван, 1956. [Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. (Small Chronicles of the 13th–18th Centuries). Vol. I. Yerevan, 1951; Vol. II. Yerevan, 1956.] (на арм. яз.)
- Петрос ди Саргис.* Дневник осады Испагани афганами, веденный Петросом ди Саргис Гиланенц, в 1722 и 1723 годах / Пер. и объясн. К. Патканова. СПб., 1870. [Petros di Sargis. Dnevnik osady Ispagani afganami, vedennyu Petrosom di Sargis Gilanents, v 1722 i 1723 godakh (Diary of the Siege of Ispagan by Afghans, kept by Petros di Sargis Gilanenc', in 1722 and 1723). St.-Petersburg, 1870.]

- Походы Тамас-Кули-хана (Надиршаха) и избрание его шахом в описании Акопа Шамахеци / Пер. С. Тер-Аветисяна. Тифлис, 1932. [Pohody Tamaskuli-khana (Nadirshakha) i izbraniye yego shakhom v opisaniі Akopa Shamakhetsi (Campaigns of Tahmāsp-Qulī-ḥān (Nadīr Shāh) and His Election as Shāh in the Description of Hakob Šamahec'i) / Transl. S. Ter-Avetisyan. Tiflis, 1932.]
- Симеон Ереванци. Джамбр. Памятная книга, зеркало и сборник всех обстоятельств Святого престола Эчмиадзина и окрестных монастырей / Пер. С.С. Малхасянца; под ред. П.Т. Арутюняна. М., 1958. [*Simeon Yerevantsi* [*Simeon Erewanc'i*]. Dzhambbr. Pamyatnaya kniga, zertsalo i sbornik vsekh obstoyatel'stv Svyatogo prestola Echmiadzina i okrestnykh monastyrey (Jambī. Memorial Book, Mirror and Collection of all the Circumstances of the Holy See of Etchmiadzin and the Surrounding Monasteries) / Transl. S.S. Malkhasyanc, ed. by P.T. Arutyunyan. Moscow, 1958.]
- Симеон кат'уликос Ереванци. Джамбр. Валаршапат, 1873. [*Simeon kat'ulikos Erewanc'i*. Jambī. Vałaršapat, 1873.] (на др.-арм. яз.)
- Симеон кат'уликос. Йишатакаран [Дневник] // Архив армянской истории / Сост. Г. Аганьянц. Кн. 3. Тифлис, 1894. Стб. 5–782; Кн. 8. Тифлис, 1908; Кн. 11. Тифлис, 1913. Стб. 3–444. [*Simeon kat'ulikos. Yišatakaran* (Diaries) // Arkhiv armuanskoj istorii / Ed. by G. Aganyanc. B. 3. Tiflis, 1894. Col. 5–782; B. 8. Tiflis, 1908; B. 11. Tiflis, 1913. Col. 3–444.] (на др.-арм. яз.)
- Хубов Е. Описание достопримечательных происшествий в Армении / Пер. И. Иоаннесова. СПб. 1811. [*Khubov Ye. Opisaniye dostoprimechatel'nykh proisshestviy v Armenii* (Description of Notable Incidents in Armenia) / Transl. I. Ioannesov. St.-Petersburg, 1811.] (–)
- Чамчеанц М. Патмут'иwn ҺАйоц [Армянская история]. Т. III. Венетик, 1785. [*Č'amč'eanc' M. Patmut'iwn Һayoc'* (Armenian History). Vol. III. Venetik, 1785.] (на арм. яз.)
- Энтир патмут'иwn Давит' Бѣгин [Избранная история Давид-бека] / Под ред. А. Гюламиряна. Валаршапат, 1871. [Энтир патмут'иwn Dawit' Bēgin (Selected History of David-bek) / Ed. by A. Gyulamiryan. Vałaršapat, 1871.] (на ср.-арм. яз.)
- ҺАкоб Карнеци. Телагир Верин ҺАйоц [Описание Верхней Армении] / Под ред. К. Костанянца. Валаршапат, 1903. [*Һakob Karnec'i. Telagir Verin Һayoc'* (Description of the Upper Armenia) / Ed. by K. Kostanyanc. Vałaršapat, 1903.] (на ср.-арм. яз.) (–)
- ҺАкоб Карнецу жаманакагрут'йун [Хроника Якоба Карнеци] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Ереван, 1951. Т. I. С. 239–249. [*Һakob Karnec'u žamanakagrut'yun* (Chronicle of Hakob Karnec'i) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Yerevan, 1951. Vol. I. S. 239–249.] (на ср.-арм. яз.)
- ҺАкоб Һисусин верагрвац' жаманакагрут'йун [Хроника, приписываемая Якобу Исусяну] // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В.А. Акопян. Ереван, 1951. Т. I. С. 189–200. [*Һakob Hisusin veragrvac žamanakagrut'yun* (Chronicle Attributed to Hakob Hisusyan) // Melkiye khroniki XIII–XVIII vv. Yerevan, 1951. Vol. I. S. 189–200.] (на ср.-арм. яз.)

- Abraham de Crète*. Mon histoire et celle de Nadir, chah de Perse // Collection d'historiens arméniens / Trad. par M. Brosset. St.-Petersbourg, 1876. T. II. P. 257–338.
- Arakel de Tauriz*. Livre d'histoires // Collection d'historiens arméniens / Trad. par M. Brosset. T. I. St.-Petersbourg, 1874. P. 267–608.
- Davith-Beg* // Collection d'historiens arméniens / Trad. par M. Brosset. St.-Petersbourg, 1876. P. T. II. 221–256.
- Fleurean M.* Estat present de l'Arménie. P., 1744. (–)
- Hassan Dchalalians*. Histoire d'Aghovanie // Collection d'historiens arméniens / Trad. par M. Brosset. St.-Petersbourg, 1876. T. II. P. 193–220.
- Ouosk'herdjan J.* Mémoire de Jean Ouosk'herdjan, prêtre arménien de Wagarchapad. P., 1818.
- Zakaria Diares*. Memoires historiques sur les Sofis // Collection d'historiens arméniens / Trad. par M. Brosset. St.-Petersbourg, 1876. T. II. P. 1–155.

4. Западноевропейские источники

- Белл Д.* Путешествие через Россию в разные азиатские страны. СПб. 1776. [Bell D. Puteshestviye cherez Rossiyu v raznyye aziatskiye strany (Travel Overland From Europe to Asia). St.-Petersburg, 1776.]
- Друвиль Г.* Путешествие в Персию в 1812 и 1813 годах. М.; СПб., 1826. Ч. I, II. [Drouville G. Puteshestviye v Persiyu v 1812 i 1813 godakh (Travel to Persia in 1812 and 1813). Moscow; St.-Petersburg, 1826. Part I, II.]
- Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским / Пер. Ф. Шишкевича. СПб., 1810. [Istoriograficheskiye zapiski o stranakh, lezhashchikh mezhdru moryami Chernym i Kaspiyskim (Historiographic Notes on the Countries Lying Between the Black and Caspian Seas) / Transl. F. Shishkevich. St.-Petersburg, 1810.] (–)
- Какаш и Тектандер.* Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. М., 1896. [Kakash i Tektander [Kakas I., Tektander G.]. Puteshestviye v Persiyu cherez Moskoviyu 1602–1603 gg. (A Journey to Persia Through Muscovy. 1602–1603). Moscow, 1896.]
- Олеарий А.* Подробное описание путешествия Голштинского посольства через Московию в Персию. М., 1870. [Olearyi A [Olearius A.]. Podrobnoye opisan-iyе puteshestviya Golshtinskogo posol'stva cherez Moskoviyu v Persiyu (A Detailed Description of the Journey of the Holstein Embassy Through Muscovy to Persia). Moscow, 1870.]
- Стрейс Я.* Три путешествия. М.; Л., 1935. [Struys J. Tri puteshestviya (Three Voyages). Moscow; Leningrad, 1935.]
- A Chronicle of the Carmelites in Persia and the Papal Mission of the Seventeenth and Eighteenth centuries. L., 1939. Vol. I.
- d'Alessandri V.* Narrative of the Most Noble Vincentio d'Alessandri // A Narrative of Italian Travels in Persia in the Fifteenth and Sixteenth Centuries / Transl. and ed. by Ch. Grey. L., 1873. P. 209–229.
- Bell J.* Reisen von Petersburg in verschiedene Jegendes Asiens. Hamburg, 1787.

- von Bieberstein M.* Tableau des provinces situées sur la côte occidentale de la mer Caspienne entre les fleuves Terek et Kour. St.-Petersbourg, 1798.
- de Bruin C.* Voyages par la Moscovie en Perse et aux Indes. Amsterdam, 1718. Vol. I.
- du Cerceau P.* Histoire de la révolution de Perse. P., 1729. T. I.; P., 1744. T. II.
- Cerceau J.-A.* Histoire de Thamas Kouli-kan, sopher de Perse. Amsterdam; Leipzig, 1740. Vol. I.
- Chardin J.* Voyages de monsieur le chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient. Amsterdam, 1735. T. I–III.
- Chardin J.* Voyages de monsieur le chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient / Ed. L. Langlès. P., 1811. T. II, VI, VII
- de Chinon G.* Relations nouvelles du Levant. P., 1671.
- de Claustre A.* Histoire de Thomas-kuli-khan, roi de Perse. P., 1758.
- Dapper O.* Beschreibung des Königreichs Persien. Nuremberg, 1681. (–)
- della Valle P.* Voyages de Pietro Della Valle, gentilhomme romain, dans la Turquie, l'Égypte, la Palestine, La Perse, Les Indes orientales, et autres lieux. P., 1745. T. II, III, IV.
- Der Allerneueste Staat Von Casan, Astracan, Georgien, Und Vieler Andern Dem Czaren, Sultan Und Schach Zinsbaren Und Unterthanen Tartarn, Landschaften. Nürnberg, 1725.
- du Mans R.* Estat de la Perse en 1660. P., 1890.
- Ellis G.* Memoir of a Map of the Countries Comprehended Between the Black Sea and the Caspian. L., 1788. (–)
- Ferrières de Sauvebœuf L. F.* Mémoires historiques et géographiques des voyages (...) faits en Turquie, en Perse et en Arabie depuis 1782 jusqu'en 1789. P., 1790. T. II.
- Figueroa G.* Ambassade en Perse. P., 1667. (–)
- Forster G.* A Journey From Bengal to England. L., 1798. Vol. II.
- Franklin W.* Observations Made on a Tour From Bengal to Persia, in the Years 1786–1787. L., 1790. (–)
- Fraser J.* The History of Nadir Shah. L., 1742.
- Frayser J.* A New Account of East India and Persia. L., 1915. Vol. III.
- Gardane P.A.L.* Journal d'un voyage dans la Turquie, d'Asie et la Perse, fait en 1807 et 1808. P., 1809.
- Geschichte der Unruhen in Persien und Georgien. Frankfurt-am-M., 1755.
- Hanway J.* An Historical Account of the British Trade Over the Caspian Sea. L., 1753.
- Herber T.* Travels in Persia. L., 1928.
- Jaubert A.* Voyage en Arménie et en Perse. P., 1821.
- Johnson J.* A Journey From India to England. L., 1818.
- Jourdain A.* La Perse, ou Tableau de l'histoire, du gouvernement, de la religion, de la littérature de cet empire. P., 1814.
- Juan of Persia.* A Shi'ah Catholic. L., 1926.
- Kæmpfer E.* Amœnitatum exoticarum. Fasc. V. Lemgovia, 1712.
- Kinneir J.M.* Journey Through Asia Minor, Arménie and Koordistan in the Years 1813–1814. L., 1818. (–)
- de Kotzebue M.* Voyage en Perse, à la suite de l'ambassade russe, en 1817. P., 1819.
- Krusinski J.T.* The History of the Revolutions in Persia. L., 1728. Vol. II.

- Krusinski J.T.* Histoire des révolutions de Perse. P., 1742. T. I.
- Mandelslo J.A.* Voyages célèbres et remarquables faits de Perse aux Indes Orientales. Amsterdam, 1727. T. I–II. (–)
- Morier J.* Voyage en Perse, en Armenia, en Asia Mineure et à Constantinople fait dans les années 1808 et 1809. P., 1813. T. I.
- Morier J.* Second voyage en Perse, en Arménie et dans l'Asie-Mineure, fait de 1810 à 1816. P., 1818. T. I. (–)
- Neueste ausführliche historische und geographische Beschreibung des Caspische Meeres. Danzig, 1723. (–)
- Otter M.* Voyage en Turquie et en Perse. P., 1748. T. I, II. (–)
- Ousley W.* Travels in Various Countries of the East. L., 1819–1823. T. I–III. (–)
- Perrin.* Essai sur les troubles actuels de Perse et de Géorgie. P., 1754.
- Perry J.* Der jetzige Staat von Rußland Oder Moscau unter ietziger Czarischen Majestät. Bd. I–II. Leipzig, 1717–1724. (–)
- Picault C.* Histoire des Révolutions de Perse pendant la durée du 18. siècle. P., 1810. T. I, II. (–)
- Pithander.* Herkunft, Leben und Thaten, des Persianischen Monarchens, Schachs Nadyr. Leipzig, 1738.
- Pitton de Tournefourt J.* Relation d'un voyage du Levant. Amsterdam, 1718. T. II.
- Porter R.* Travels in Georgia, Persia, Armenia etc. L., 1821–1822. Vol. I–II. (–)
- Reineggs J.* General historical and topographical description of Mount Caucasia. L., 1807. Vol. I–II.
- Relation de la mort de Schah Soliman, roy de Perse. P., 1696. (–)
- de Rhodes A.* Voyages en mission en la Chine et autres royaumes de l'Orient. Lille, 1884.
- Salmons T., van Goch M.* Die Heutige Historie und Geographie; Oder der Gegenwärtige Staat vom Königreich Persien. Leipzig, 1732. (–)
- Sanson P.* Estat present du Royaume de Perse. P., 1694.
- Schillinger F.G.* Persianische und Ost-Indianische Reise. Nürnberg, 1716. (–)
- Tavernier J. B.* Les six voyages. P., 1677. T. I.
- Tavernier J.B.* Les six voyages. P., 1681. T. I.
- The Travels of the Merchant in Persia // A Narrative of Italian Travels in Persia in the Fifteenth and Sixteenth Centuries / Transl. and ed. by Ch. Grey. L., 1873. P. 139–208.
- Thomson J.* A Journey from Moscow to Meshed. L., 1742.
- Umständliche Nachrichten von Persien. B., 1728. (–)
- Voyage en Perse fait dans les années 1807, 1808 et 1809 (...). P., 1819. (–)

5. Русские источники

- Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. I, II. [*Bronevskiy S.* Noveyshiyey geograficheskkiye i istoricheskkiye izvestiya o Kavkaze (The Latest Geographical and Historical News About the Caucasus). Moscow, 1823. Part I, II].
- Бурнашев С.Д.* Описание областей Адревиджанских в Персии и их политического состояния. Курск, 1793. [*Burnashev S.D.* Opisaniye oblastey Adrebidzhanskikh v Persii i ikh politicheskogo sostoyaniya (Description of the Adrebidjan Regions in Persia and Their Political State). Kursk, 1793].

- Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. I–III. [Butkov P.G. Materialy dlya novoy istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god (Materials for the New History of the Caucasus, From 1722 to 1803). St.-Petersburg, 1869. Parts I–III].
- Зевакин Е.С. Азербайджан в начале XVIII в. (Извлечение из дневника А.П. Вольнского). Баку, 1929. [Zevakin Ye.S. Azerbaydzhan v nachale XVIII v. (Izvlecheniye iz dnevnika A.P. Volynskogo) (Azerbaijan at the Beginning of the 18th Century (Extract From the Diary of A.P. Volynsky)). Baku, 1929.]
- Гаджанов Н.И. Путешествие по Армении в 1804 г. // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. 1898. Т. XXI. С. 28–45. [Gadzhanov N.I. Puteshestviye po Armenii v 1804 g. (Travel in Armenia in 1804) // Zapiski imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey. 1898. Vol. XXI. S. 28–45.]
- Гербер И.Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря (...) народах и землях. СПб., 1760. [Gerber I.G. Izvestiya o nakhodyashchikhsya s zapadnoy storony Kaspiyskogo morya (...) narodakh i zemlyakh (Reports About the Peoples and Lands (...) Located on the Western Side of the Caspian Sea). St.-Petersburg, 1760.]
- Гильденштедт А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809. [Gil'denshtedt A. [Güldenstädt J.A.]. Geograficheskoye i statisticheskoye opisaniye Gruzii i Kavkaza (Geographical and Statistical Description of Georgia and the Caucasus). St.-Petersburg, 1809.]
- Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. III. СПб., 1771. [Gmelin S.G. Puteshestviye po Rossii dlya issledovaniya trekh tsarstv yestestva (Travel Through Russia for Studying the Three Kingdoms of Nature). Part III. St.-Petersburg, 1771.]
- Грибоедов А.С. Путевые заметки // Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. Пг., 1917. Т. 3. С. 30–87. [Griboedov A.S. Putevyue zametki (Travel Notes) // Griboedov A.S. Polnoye sobraniye sochineniy. Petrograd, 1917. Vol. 3. S. 30–87.] (–)
- Ермолов, Могилевский 2-й. Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 г. по распоряжению главноуправляющего в Грузии Ермолова. Тифлис, 1866. [Yermolov, Mogilevskiy 2-y. Opisaniye Karabakhskoy provintsii, sostavlennoye v 1823 g. po rasporyazheniyu glavnoupravlyayushchego v Gruzii Yermolova (Description of the Qarabagh province Compiled in 1823 by Order of A.P. Yermolov, the Chief Governor of Georgia). Tiflis, 1866.]
- Зубов П. Картина Кавказского края. СПб., 1834–1835. Ч. I, II. [Zubov P. Kartina Kavkazskogo kraya (Image of the Caucasian Region). St.-Petersburg, 1834–1835. Part I, II.]
- Кафтырев Д. Исторические, географические и статистические сведения о Персии. СПб., 1829. [Kaftyrev D. Istoricheskiye, geograficheskkiye i statisticheskkiye svedeniya o Persii (Historical, Geographical and Statistical Information About Persia). St.-Petersburg, 1829.]
- Котов Ф.А. О ходу в Персидское царство и из Персиды в Турецкую землю и в Индию, и в Урмуз, где корабли приходят // Временник императорского московского Общества истории и древностей Российских. 1852. Кн. 15.

- C. 1–22. [*Kotov F.A.* O khodu v Persitskoye tsarstvo i iz Persidy v Turetskuyu zemlyu i v Indiyu, i v Urmuz, gde korabli prikhodyat (About the Way to the Persian Kingdom and from Persis to the Turkish Land and to India, and to Urmuz, Where Ships Come) // *Vremennik imperatorskogo moskovskogo Obshchestva istorii i drevnostey Rossiyskikh.* 1852. B. 15. S. 1–22.]
- Легкобытов В.С.* Обзорение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом и финансовом отношениях. Ч. I–IV. СПб., 1832–1836. [*Legkobytov V.S.* Obozreniye rossiyskikh vladeniy za Kavkazom v statisticheskom, etnograficheskom i finansovom otnosheniyakh (Statistical, Ethnographic and Financial Review of Russian Possessions Beyond the Caucasus). T. I–IV. St.-Petersburg, 1832–1836.]
- Лерхе И.* Путешествие 1733–36 гг. из Москвы в Астрахань по странам, лежащим по западному берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. 1790. Ч. 43, № 1. С. 3–53. [*Lerche J.* Puteshestviye 1733–36 gg. iz Moskvu v Astrakhan' po stranam, lezhashchim po zapadnomu beregu Kaspiyskogo morya (Travel of 1733–1736 from Moscow to Astrakhan Across the Countries, Lying Along the Western Coast of the Caspian Sea) // *Novyye yezhemesyachnyye sochineniya.* 1790. Part 43, № 1. S. 3–53.] (–)
- Нефедов Н.А.* Взгляд на Армянскую область. СПб., 1839. [*Nefedov N.A.* Vzglyad na Armyanskuyu oblast' (A Look at the Armenian Oblast). St.-Petersburg, 1839.]
- Подробное описание Персии и провинций, присоединенных к России. М., 1834. Ч. I, II. [*Podrobnoye opisaniye Persii i provintsiy, prisoyedinennykh k Rossii* (Detailed Description of Persia and the Provinces, Annexed to Russia). Moscow, 1834. T. I, II.]
- Провинция Нахичеванская // Журнал министерства внутренних дел. 1831. Кн. V. С. 65–74. [*Provintsiya Nakhichevanskaya* (Province of Nahijawān) // *Zhurnal ministerstva vnutrennikh del.* 1831. B. V. S. 65–74.]
- Соймонов Ф.Н.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний. СПб., 1763. [*Soymonov F.N.* Opisaniye Kaspiyskogo morya i chinennykh na onom rossiyskikh zavoyevaniy (Description of the Caspian Sea and the Russian Conquests Carried Out On It). St.-Petersburg, 1763.]
- Суханов А.* Проскинитарий // Палестинский сборник. 1898. Вып. 21. С. 1–300. [*Sukhanov A.* Proskinitariy (A Pilgrim's Journey) // *Palestinskiy sbornik.* 1898. Vol. 21. S. 1–300.] (–)
- Шопен И.* Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852. [*Chopin I.* Historical monument of the state of the Armenian region in the era of its accession to the Russian Empire (Historical Monument of the State of the Armenian Oblast During Its Accession to the Russian Empire). St.-Petersburg, 1852.]

6. Азербайджанские источники

- Абас-Кули-Ага Кудси Бакиханов.* Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. [*Abas-Kuli-Aga Kudsi Bakikhanov.* [‘*Abbās-Qulī-Agha Qudsī Bakīḥanov.* Gulistan-Iram (Paradise Garden). Baku, 1926.] (–)

Абдул-Латиф-эфенди. История шекинских ханов / Пер. А. Дадашева. Баку, 1926. [*Abdul-Latif-efendi*. [‘*Abd al-Latîf efendi*]. *Istoriya shekinskikh khanov* (History of the H̄ans of Shakkī) / Transl. A. Dadashev. Baku, 1926.]

Ганджийский И. Жизнь Фатали-хана кубинского // Кавказ. № 26. 1847. [*Gandzhiyskiy I.* *Zhizn’ Fatali-khana kubinskogo* (Life of Fath-‘Alī-h̄an of Qubba) // *Kavkaz*. № 26. 1847]. (–)

Джеванишир А. О политическом существовании Карабахского ханства 1747–1805. Шуша, 1901. [*Dzhevanshir A.* [*Aḥmad Javānshīr*]. *O politicheskom sushchestvovanii Karabakhskogo khanstva 1747–1805* (On the Political Existence of the Qarābāgh H̄anate 1747–1805). Shusha, 1901.] (–)

Мирза-Адигезаль-бек. Карабах-наме. Баку, 1950. [*Mirza-Adigezal’-bek.* [*Mīrzā-Adigözāl-bīk*]. *Karabakh-name* (Book of Qarābāgh). Baku, 1950.]

7. Грузинские источники

Грузинские источники об Армении и армянах / Пер. Л. Меликсет-Бека. Ереван, 1930, 1955. Т. II, III. [Gruzinskiye istochniki ob Armenii i armyanakh (Georgian sources about Armenia and the Armenians) / Transl. L. Melikset-Bek. Yerevan, 1930, 1955. Vol. II, III.] (на арм. яз.) (–)

Brosset M.F. *Histoire moderne de la Géorgie*. Т. I, II. St-Petersbourg, 1857.

8. Турецкие источники

Эвлия Челеби. Сейāḥат-нāме [Книга путешествий]. [Стамбул], 1314 г. х. / 1896–1897 г. Т. II. [*Evlīyâ Çelebî.* *Seyâḥat-nāme* (Book of Travels). [İstanbul], 1314 AH / AD 1896–1897. Vol. II.]. (на тур. яз.)

Evlīyâ Çelebî. *Seyahatname*. Çilt IV. İstanbul, 1949.

9. Издания документов (на разных языках)

Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. Тифлис, 1866. Т. I; Тифлис, 1868. Т. II. [Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiyey (Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission). Tiflis, 1866. Vol. I.; Tiflis, 1868. Vol. II.]

Армяно-русские отношения в XVII в. Сборник документов / Подг. В.А. Парсамян, В.К. Восканян, С.А. Тер-Авакимов, ред. В.А. Парсамян. Ереван, 1953. Т. I. [Armenian-Russian Relations in the 17th Century. Collection of Documents). Yerevan, 1953. Vol. I.] (–)

Грамоты и другие исторические документы XVIII в., относящиеся к Грузии / Под ред. А.А. Цагарели. СПб., 1891–1902. Т. I, II. [Gramoty i drugiye istoricheskiye dokumenty XVIII v., otnosyashchiesya k Gruzii (Letter Missives and Other Historical Documents of the 18th Century Related to Georgia). St-Petersburg, 1891–1902. Vol. I, II]

Караулов Н. Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербейджане // СМОМПК. 1901. Вып. 29. Отд. I. [*Karaulov N.* *Svedeniya arabskikh geografov IX i X vv. po R. Khr. o Kavkaze, Armenii i*

- Aderbeydzhane (Data of Arab Geographers of the 9th and 10th Centuries About the Caucasus, Armenia and Aderbeyjan) // *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza*. Tiflis, 1901. Vol. 29. T. 1.]
- Передняя Азия в документах. Тифлис, 1936. Кн. 1: Нахичеванские рукописные документы XVII–XIX вв. / Перев. и коммент. К.Н. Смирнова, Дж. Гаибова, под ред. Ю.Н. Марра. [Perednyaya Aziya v dokumentakh. Кн. 1: Nakhichevanskiye rukopisnyye dokumenty XVII–XIX vv. (Western Asia in Documents. / Transl. K.N. Smirnov, J. Gaibov, ed. by Yu.N. Marr. Tiflis, 1936: Book 1: Handwritten Documents of the 17th–19th Centuries From Nahijjawan).]
- Передняя Азия в документах. Кн. 3: Указы Кубинских ханов / Перев. Ф. Ростопчина, под ред. К.И. Чайкина. Тбилиси, 1937. [Perednyaya Aziya v dokumentakh. Кн. 3: Ukazy Kubinskikh khanov (Western Asia in documents. Book 3: Decrees of the Ĥāns of Qubba) / Transl. F. Rostopchin, ed. by K.I. Chaikin. Tbilisi, 1937.] (–)
- Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н.И. Веселовского. Т. I–III. СПб., 1890–1898. [Pamyatniki diplomaticheskikh i togovykh otnosheniy Moskovskoy Rusi s Persiyey (Written Sources of Diplomatic and Trade Relations of Muscovy with Persia) / Ed. by N.I. Veselovsky. Vol. I–III. St.-Petersburg, 1890–1898.] (–)
- Переписка грузинских царей и владетельных князей с государями российскими в XVIII в. / Под ред. А.А. Цагарели. СПб., 1890. [Perepiska gruzinskikh tsarey i vladetel'nykh knyazey s gosudaryami rossiyskimi v XVIII v. (Correspondence of Georgian Kings and Ruling Princes With Russian Sovereigns in the 18th Century) / Ed. by A.A. Tsagareli. St.-Petersburg, 1890.]
- Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1833–1838. Т. I–III. [Sobraniye aktov, otnosyashchikhsya k obozreniyu istorii armyanskogo naroda (A Collection of Acts Related to the History of the Armenian People). Moscow, 1833–1838. Vol. I–III.] (–)
- Эзов Г.А. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1896. [Ezov G.A. Snosheniya Petra Velikogo s armyanskim narodom (Relations of Peter the Great With Armenian People). St.-Petersburg, 1896.] (–)
- Hurewitz J. Diplomacy in the Near and Middle East, A documentary record. (1535–1914). Vol. I. L.; N. Y., 1956.
- Lambton A.K. Two Šafavid Soyūrghāls // BSOAS. 1952. Vol. 14, № 1. P. 44–54.

в) Литература

- 1. Русская, армянская и азербайджанская*
- Абдуллаев Г.Б. Из истории северо-восточного Азербайджана в 60–80-х гг. XVIII в. Баку, 1958. [Abdullayev G.B. Iz istorii severo-vostochnogo Azerbaydzhana v 60–80-kh gg. XVIII v. (From the History of North-Eastern Azerbaijan in the 1760–1780's). Baku, 1958.]
- Абраамян В.А. Ремесла и амкарские организации в Армении XI–XIII вв. Ереван, 1946. [Abraamyan V.A. Remesla i amkarskiye organizatsii v Armenii

- XI–XIII vv. (Crafts and Hamkar Organizations in Armenia in 11th–13th Centuries). Yerevan, 1946.] (на арм. яз) (–)
- Абрамян В.А.* Ремесла в Армении в IV–XVIII вв. Ереван, 1956. [*Abramyan V.A. Remesla v Armenii v IV–XVIII vv. (Crafts in Armenia in the 4th–18th Centuries). Yerevan, 1956.] (на арм. яз.)*
- Абрамян А.Г.* Договоры 1724 г. о взаимоотношениях между армянами и азербайджанцами // Известия АН АрмССР, сер. общ. наук. 1951, № 12. С. 41–62. [*Abramyan A.G. Dogovory 1724 g. o vzaimootnosheniyakh mezhdru armyanami i azerbaydzhantsami (Treaties of 1724 on the Relationship Between Armenians and Azerbaijanis) // Izvestiya AN ArmSSR, ser. obshch. nauk. 1951, № 12. S. 41–62.] (–)*
- Абрамян А.Г.* Страница из истории народов Закавказья и армяно-русских отношений. Ереван, 1953. [*Abramyan A.G. Stranitsa iz istorii narodov Zakavkaz'ya i armyano-russkikh otnosheniy (A Page From the History of the Transcaucasian Peoples and the Armenian-Russian Relations). Yerevan, 1953.] (–)*
- Алиев Ф.* Города Северного Азербайджана во второй половине XVIII столетия. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Баку, 1957. [*Aliyev F. Goroda Severnogo Azerbaydzhana vo vtoroy polovine XVIII stoletiya (Cities of Northern Azerbaijan in the Second Half of the 18th Century). Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Baku, 1957.] (a)*
- Алиев Ф.* Города и городская торговля в Азербайджане во второй половине XVIII в. // Труды Института Истории АН АзССР. 1957. Т. XIII. С. 133–176. [*Aliyev F. Goroda i gorodskaya trgovlya v Azerbaydzhane vo vtoroy polovine XVIII v. (Cities and Urban Trade in Azerbaijan in the Second Half of the 18th Century) // Trudy Instituta Istorii AN AzSSR. 1957. Vol. XIII. S. 133–176.] (б)*
- Алиев Ф.* К вопросу о ремесленных организациях в Азербайджане во второй половине XVIII в. // Известия АН АзССР. 1957, № 8. С. 129–142. [*Aliyev F. K voprosu o remeslennykh organizatsiyakh v Azerbaydzhane vo vtoroy polovine XVIII v. (On the Issue of Guilds in Azerbaijan in the Second Half of the 18th Century) // Izvestiya AN AzSSR. 1957, № 8. S. 129–142.] (в)*
- Алиев Ф.* Торговые пути Азербайджана во второй половине XVIII в. // Доклады АН АзССР. 1957, № 8. С. 939–942. [*Aliyev F. Torgovyye puti Azerbaydzhana vo vtoroy polovine XVIII v. (Trade Routes of Azerbaijan in the Second Half of the 18th Century) // Doklady AN AzSSR. 1957, № 8. S. 939–942.] (г) (*)*
- Али-Заде А.А.* К истории рудников и монетного обращения в Азербайджане в XIII–XIV вв. // Известия АзФАН СССР. 1942, № 7. С. 21–28. [*Ali-Zade A.A. K istorii rudnikov i monetnogo obrashcheniya v Azerbaydzhane v XIII–XIV vv. (To the History of Mines and Monetary Circulation in Azerbaijan in the 13th–14th Centuries) // Izvestiya AzFAN SSSR. 1942, № 7. S. 21–28.] (–)*
- Али-Заде А.А.* Из истории феодальных отношений в Азербайджане в XIII–XIV вв. Термин “тамга” // Известия АН АзССР. 1955, № 5. С. 51–63. [*Ali-Zade A.A. Iz istorii feodal'nykh otnosheniy v Azerbaydzhane v XIII–XIV vv. Termin “tamga” (From the History of Feudal Relations in Azerbaijan in the 13th–14th Centuries. The Concept of “Tamgha”) // Izvestiya AN AzSSR. 1955, № 5. S. 51–63.] (–)*

- Али-Заде А.А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку, 1956. [*Ali-Zade A.A. Sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya Azerbaydzhana XIII–XIV vv.* (Socio-economic and Political History of Azerbaijan in 13th–14th Centuries). Baku, 1956.]
- Альтман М.М.* Исторический очерк города Ганджи. Баку, 1949. Ч. 1. [*Al'tman M.M. Istoricheskiy ocherk goroda Gandzhi* (Historical Study of the City of Ganja). Baku, 1949. T. 1.]
- Аннинский А.* История армянской церкви (до XIX в.). Кишинев, 1900. [*Anninskiy A. Istoriya armyanskooy tserkvi (do XIX v.)* (History of the Armenian Church (Until the 19th Century). Kishinev, 1900.)
- Арунова М.Р., Ашрафян К.З.* Государство Надир-шаха афшара. М., 1958. [*Arunova M.R., Ashrafyan K.Z. Gosudarstvo Nadir-shakha afshara* (The State of Nādir Shāh Afshar). Moscow, 1958.]
- Арутюнян Б.М.* Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVII–XVIII вв. Ереван, 1940. [*Arutyunyan B.M. Krupnoye monastyrskoye khozyaystvo v Armenii v XVII–XVIII vv.* (Large Monastic Economics in Armenia in the 17th–18th Centuries). Yerevan, 1940.] (–)
- Арутюнян П.Т.* Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. М., 1954. [*Arutyunyan P.T. Osvoboditel'noye dvizheniye armyanskogo naroda v pervoy chetverti XVIII v.* (Liberation Movement of the Armenian People in the First Quarter of the 18th Century). Moscow, 1954.]
- Ахвердов Ю.Ф.* Тифлиские амкары. Тифлис, 1833. [*Akhverdov Yu.F. Tiflisskiye amkary* (Hamkars of Tiflis). Tiflis, 1833.] (–)
- Ашрафян К.З.* Распад государства Надир-шаха (1736–1747 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1950. [*Ashrafyan K.Z. Raspad gosudarstva Nadir-shakha (1736–1747 gg.)*. (The Collapse of the State of Nādir Shāh (1736–1747)). Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1950.]
- Ашрафян К.З.* Антифеодальные движения в империи Надир-шаха // Ученые записки ИВ АН СССР. 1953. Т. VIII. С. 166–204. [*Ashrafyan K.Z. Antifeodal'nyye dvizheniya v imperii Nadir-shakha* (Antifeudal Movements in the Empire of Nādir Shāh) // *Uchenyye zapiski IV AN SSSR*. 1953. Vol. VIII. S. 166–204.] (–)
- Ашурбейли С.Б.* Баку XV–XVIII вв. по описаниям путешественников // Известия АН АзССР, отд. общ. наук. 1947. Вып. 1, № 1. С. 63–72. [*Ashurbeyli S.B. Baku XV–XVIII vv. po opisaniyam puteshestvennikov* (Baku in the 15th–18th Centuries According to the Descriptions of Travelers) // *Izvestiya AN AzSSR, otd. obshch. nauk*. 1947. Vol. 1, № 1. S. 63–72.] (–)
- Бартольд В.В.* Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903. [*Bartol'd V.V. Istoriko-geograficheskiy obzor Irana* (Historical and Geographical Survey of Iran). St.-Petersburg, 1903.] (–)
- Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925. [*Bartol'd V.V. Istoriya izucheniya Vostoka v Yevrope i Rossii* (History of Oriental Studies in Europe and Russia). Leningrad, 1925.] (–)
- Бартольд В.В.* Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925. [*Bartol'd V.V. Mesto Prikaspiyskikh oblastey v istorii*

- musul'manskogo mira (The Place of the Caspian Regions in the History of the Islamic World). Baku, 1925.] (–)
- Бартольд В.В.* Иран. Ташкент, 1926. [*Bartol'd V.V.* Iran. Tashkent, 1926.] (–)
- Бархударян М.* История Албании. Тифлис, 1902. Т. II. [*Barkhudaryan M.* Istoriya Albanii (History of Albania). Tiflis, 1902. Vol. II.] (на арм. яз.)
- Беленицкий А.М.* К вопросу о социальных отношениях в Иране в Хулагуидскую эпоху // Советское востоковедение. 1948, № 5. С. 111–128. [*Belenitskiy A.M.* K voprosu o sotsial'nykh otnosheniyakh v Irane v Khulaguidskuyu epokhu (On the Issue of Social Relations in İlhanid Iran) // Sovetskoye vostokovedeniye. 1948, № 5. S. 111–128.] (–)
- Березин И.И.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850. [*Berezin I.I.* Puteshestviye po Dagestanu i Zakavkaz'yu (Travel Across Daghestan and Transcaucasia). Kazan, 1850.] (–)
- Восканян В.* Русско-армянские отношения в XVII в. // Известия АН АрмССР. 1948, № 1. С. 53–78. [*Voskanyan V.* Russko-armyanskiye otnosheniya v XVII v. (Russian-Armenian Relations in the 17th Century) // Izvestiya AN ArmSSR. 1948, № 1. S. 53–78.] (на арм. яз.) (–)
- Глинка С.Н.* Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России. М., 1831. [*Glinka S.N.* Opisaniye pereseleniya armyan adderbizhanskikh v predely Rossii (Description of the Resettlement of the Adderbizhan Armenians to Russia). Moscow, 1831.] (–)
- Григорян Г.О.* Из истории армянской передовой общественно-политической мысли (вторая пол. XVIII в.). Ереван, 1957. [*Grigoryan G.O.* Iz istorii armyanskooy peredovoy obshchestvenno-politicheskoy mysli (vtoraya pol. XVIII v.) (From the History of the Progressive Armenian Social and Political Thought (Second Half of the 18th Century). Yerevan, 1957.] (–)
- Грузия и Армения. СПб., 1848. Т. I–III. [*Gruziya i Armeniya* (Georgia and Armenia). St.-Petersburg, 1848. T. I–III.] (–)
- Гулянян Х.* Экономическое состояние Армении в первой половине XIX в. и экономические взгляды Х. Абовяна. Ереван, 1954. [*Gulanyan Kh.* Ekonomicheskoye sostoyaniye Armenii v pervoy polovine XIX v. i ekonomicheskoye vzglyady Kh. Abovyana (The Economic State of Armenia in the First Half of the 19th Century and Economic Views of Kh. Abovyan). Yerevan, 1954.] (–)
- Джафарзаде И.М.* Историко-археологический очерк старой Гянджи. Баку, 1949. [*Dzhafarzade I.M.* Istoriko-arkheologicheskij ocherk staroy Gyandzhi (Historical and Archaeological Study of Old Ganja). Baku, 1949.] (–)
- Дубровин Н.Ф.* Закавказье от 1803–1806 года. СПб., 1886. [*Dubrovin N.F.* Zakavkaz'ye ot 1803–1806 goda (Transcaucasia, 1803–1806.). St.-Petersburg, 1886.] (–)
- Егиазаров С.А.* Исследования по истории учреждений в Закавказье. Ч. I: Сельская община. Казань, 1889; Ч. II: Городские цехи. Казань, 1891. [*Yegiazarov S.A.* Issledovaniya po istorii uchrezhdeniy v Zakavkaz'ye (Research on the History of Institutions in the Transcaucasus). Kazan, 1889. T. I: Rural Community; Kazan, 1891. T. II: City Guilds.] (–)
- Еремян С.Т.* Опыт периодизации истории Армении эпохи феодализма // Вопросы истории. 1951, № 7. С. 53–73. [*Yeremyan S.T.* Opyt periodizatsii

- istorii Armenii epokhi feodalizma (Experience of Periodization of the History of Armenia in the Epoch of Feudalism) // *Voprosy istorii*. 1951, № 7. S. 53–73.] (–)
- Есяян А.М. Мулькадарское право в Армении. Ереван, 1948. [*Yesayan A.M. Mul'kadarskoye pravo v Armenii* (The Mulkadār Law in Armenia). Yerevan, 1948.] (–)
- Заходер Б.Н. История восточного средневековья. М., 1944. [*Zakhoder B.N. Istoriya vostochnogo srednevekov'ya* (History of the Oriental Middle Ages). Moscow, 1944.] (–)
- Зевакин Е.С. Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации. Баку, 1928. [*Zevakin Ye.S. Prikaspiyskiye provintsii v epokhu russkoy okkupatsii* (Caspian Provinces Under Russian Occupation). Baku, 1928.] (–)
- Зевакин Е.С. Азербайджан в начале XVIII в. Баку, 1929. [*Zevakin Ye.S. Azerbaydzhan v nachale XVIII v.* (Azerbaijan at the Beginning of the 18th Century). Baku, 1929.]
- Зевакин Е.С. Персидский вопрос в русско-европейских отношениях // Исторические записки. 1940, № 8. С. 129–161. [*Zevakin Ye.S. Persidskiy vopros v rusско-yeuropeyskikh otnosheniyakh* (The Persian Question in Russian-European Relations) // *Istoricheskiye zapiski*. 1940, № 8. S. 129–161.]
- Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М., 1952. [*Ivanov M.S. Ocherk istorii Irana* (Essay on the History of Iran). Moscow, 1952.] (–)
- Иоаннисян А.Р. Очерк истории армянской освободительной мысли. Ереван, 1955. [*Ioannisyan A.R. Ocherk istorii armyanskoй osvoboditel'noy mysli* (Essay on the History of Armenian Liberation Thought). Yerevan, 1955.] (–)
- История армянского народа / Под ред. Б.Н. Аракеляна и А.Р. Иоаннисяна. Ереван, 1951. [*Istoriya armyanskogo naroda* (History of the Armenian People) / Ed. by B.N. Arakelyan, A.R. Ioannisyan. Yerevan, 1951.] (–)
- История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века / Сост. Н.В. Пигулевская, А.Ю. Якубовский, И.П. Петрушевский и др. Л., 1958. [*Istoriya Irana s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka* (History of Iran From Ancient Times to the End of the 18th Century) / Ed. by N.V. Pigulevskaya, A.Yu. Yakubovsky, I.P. Petrushevsky. Leningrad, 1958.]
- История стран зарубежного Востока в средние века / [Под ред. Ф.М. Ацамба и др.]. М., 1957. [*Istoriya stran zarubezhnogo Vostoka v sredniye veka* (History of the Countries of the Foreign East in the Middle Ages). Moscow, 1957.] (–)
- Касумов С. Государственное устройство в ханствах Азербайджана до присоединения к Российской империи // Азербайджанский государственный университет. Тезисы докладов аспирантов на научной сессии. Баку, 1948. С. 18–20. [*Kasumov S. Gosudarstvennoye ustroystvo v khanstvakh Azerbaydzhana do prisoyedineniya k Rossiyskoy imperii* (State Structure in the Khanates of Azerbaijan Before Joining the Russian Empire) // *Azerbaydzhanskiy gosudarstvennyy universitet. Tezisy докладov aspirantov na nauchnoy sessii*. Baku, 1948. S. 18–20.] (–)
- Кишмишев С.И. Походы Надир-шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти. Тифлис, 1889. [*Kishmishev S.I. Pokhody Nadirshakha v Gerat, Kandagar, Indiyu i sobytiya v Persii posle yego smerti* (Nādir

- Shāh's Campaigns to Herat, Qandahar, India and Events in Persia After His Death). Tiflis, 1889.] (–)
- Комаров В.В.* Персидская война 1722–1725 гг. // Русский вестник. 1867. Т. 68. С. 78. [*Komarov V.V.* Persidskaya voyna 1722–1725 gg. (The Persian War of 1722–1725) // *Russkiy vestnik*. 1867. Vol. 68. S. 78.] (–)
- Крымский А.Е.* История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. М., 1909–1917. Т. I–III. [*Krymskiy A.Ye.* Istoriya Persii, yeye literatury i dervisheskoy teosofii (History of Persia, Its Literature and Dervish's Theosophy). Moscow, 1909–1917. T. I–III.] (–)
- Кузнецова Н.А.* Из истории социально-экономических отношений в Иране в первой трети XIX века (Иранский город и городское ремесло). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1952. [*Kuznetsova N.A.* Iz istorii sotsial'no-ekonomicheskikh otnosheniy v Irane v pervoy treti XIX veka (Iranskiy gorod i gorodskoye remeslo) (From the History of Socio-economic Relations in Iran in the First Third of the 19th Century (Iranian City and Urban Craft)). Diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1952.]
- Куканова Н.Г.* Русско-иранские торговые отношения в конце XVII — начале XVIII в. // Исторические записки. М., 1956. Т. 57. С. 230–234. [*Kukanova N.G.* Russko-iranskiye torgovyye otnosheniya v kontse XVII — nachale XVIII v. (Russian-Iranian Trade Relations in the Late 17th — early 18th Centuries) // *Istoricheskiye zapiski*. Moscow, 1956. Vol. 57. S. 230–234.] (–)
- Левитов В.Н.* Очерки по истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. [*Levitov V.N.* Ocherki po istorii Azerbaydzhana v XVIII v. (Essays on the History of Azerbaijan in the 18th Century). Baku, 1948.]
- Лео [Бабаханян А.].* Торговый капитал. Ереван, 1934. Т. I. [*Leo [Babaxanyan A.].* Torgovuyu kapital (Trading Capital). Yerevan, 1934. Vol. I.] (на арм. яз.) (–)
- Лео [Бабаханян А.].* История армян. Ереван, 1946. Т. III. [*Leo [Babaxanyan A.].* Istoriya armyan (History of Armenians). Yerevan, 1946. Vol. III.] (на арм. яз.)
- Лыццов В.П.* Персидский поход Петра I. М., 1951. [*Lystsov V.P.* Persidskiy pokhod Petra I (Persian Campaign of Peter I). Moscow, 1951.] (–)
- Магомедов Р.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1957. [*Magomedov R.* Obshchestvenno-ekonomicheskii i politicheskiy stroy Dagestana v XVIII — nachale XIX v. (Socio-economic and Political System of Dagestan in the 18th — Early 19th Centuries). Makhachkala, 1957.]
- Манандян Я.А.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей с древних времен. Ереван, 1954. [*Manandyan Ya.A.* O torgovle i gorodakh Armenii v svyazi s mirovoy torgovley s drevnikh vremen (About Trade and Cities of Armenia in Connection With World Trade Since Ancient Times). Yerevan, 1954.] (–)
- Мельгунов Г.В.* Поход Петра Великого в Персию // Русский вестник. 1874. Т. 110, № 3. С. 5–60. [*Mel'gunov G.V.* Pokhod Petra Velikogo v Persiyu (March of Peter the Great to Persia) // *Russkiy vestnik*. 1874. Vol. 110, № 3. S. 5–60.] (–)
- Месхиа Ш.А.* Города и городской строй феодальной Грузии (XVII–XVIII вв.). Дис. ... доктора ист. наук. М., 1954. [*Meskhia Sh.A.* Goroda i gorodskoy stroy feodal'noy Gruzii (XVII–XVIII vv.) (Cities and Urban System of Feudal Georgia (17th–18th Centuries)). Dis. ... doktora ist. nauk. Moscow, 1954.] (–)

- Миклухо-Маклай Н.Д.* О первом томе Мухаммед Казима // Советское востоковедение. М.; Л., 1948. Т. V. С. 129–136. [*Miklukho-Maklay N.D.* O pervom tome Mukhammed Kazima (About the First Volume of Muḥammad Kāzīm) // Sovetskoye vostokovedeniye. Moscow; Leningrad, 1948. Vol. V. S. 129–136.] (–)
- Миклухо-Маклай Н.Д.* О налоговой политике шаха Аббаса I // Советское востоковедение. М.; Л., 1949. Т. VI. С. 348–355. [*Miklukho-Maklay N.D.* O nalogovoy politike shakha Abbasa I (On the Taxation Policy of Shāh ‘Abbās I) // Sovetskoye vostokovedeniye. Moscow; Leningrad, 1949. Vol. VI. S. 348–355.]
- Миклухо-Маклай Н.Д.* Из истории афганского владычества в Иране (20-е годы XVIII в.) // Ученые записки ЛГУ. 1954. № 179. С. 138–178. [*Miklukho-Maklay N.D.* Iz istorii afganskogo vladychestva v Irane (20-ye gody XVIII v.) (From the History of Afghan Domination in Iran in 1720’s) // Uchenyye zapiski LGU. 1954. № 179. S. 138–178.] (–)
- Миклухо-Маклай Н.Д.* Описание таджикских и персидских рукописей Института Востоковедения АН СССР. М.; Л., 1955. Вып. I. [*Miklukho-Maklay N.D.* Opisaniye tadjhiskikh i persidskikh rukopisey Instituta Vostokovedeniya AN SSSR (Description of Tajik and Persian Manuscripts of the IOS of the Academy of Sciences of USSR). Moscow; Leningrad, 1955. Vol. I.] (–)
- Новая история стран зарубежного Востока / Под ред. И.М. Рейснера, Б.К. Рубцова. [М.], 1952. [*Novaya istoriya stran zarubezhnogo Vostoka* (Modern History of the Countries of the Foreign East). [Moscow], 1952.] (–)
- Новейшие исторические, политические, статистические и географические сведения о Турецкой империи, заимствованные из достовернейших путешествий и исследований исторических. Ч. I. М., 1828. [*Noveyshiye istoricheskiye, politicheskiye, statisticheskiye i geograficheskiye svedeniya o Turetskoy imperii, zaïmstvovannyye iz dostoverneyshikh puteshestviy i issledovaniy istoricheskikh.* Ч. I. М., 1828. [*Noveyshiye istoricheskiye, politicheskiye, statisticheskiye i geograficheskiye svedeniya o Turetskoy imperii, zaïmstvovannyye iz dostoverneyshikh puteshestviy i issledovaniy istoricheskikh* (The Latest Historical, Political, Statistical and Geographical Information About the Turkish Empire, Borrowed From the Most Reliable Travels and Historical Research). T. I. Moscow, 1828.] (*)
- Очерки истории СССР (XVII–XVIII вв.) / Под ред. Б.Д. Грекова и др. Т. 1–4. М., 1955–1957. [*Ocherki istorii SSSR (XVII–XVIII vv.)* (Essays on the History of the USSR (17th–18th Centuries)). Vol. 1–4. Moscow, 1955–1957.] (–)
- Папазян А.Д.* Аграрные отношения в Ереванском ханстве в XVII веке. Дисс. ... канд. ист. наук. Ереван, 1954. [*Papazyan A.D.* Agrarnyye otnosheniya v Yerevanskom khanstve v XVII veke (Agrarian Relations in the Īrawān Ḥānate in the 17th Century). Diss. ... kand. ist. nauk. Yerevan, 1954.] (на арм. яз.) (а)
- Папазян А.Д.* Аграрные отношения в Ереванском ханстве в XVII веке. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ереван, 1954. [*Papazyan A.D.* Agrarnyye otnosheniya v Yerevanskom khanstve v XVII veke (Agrarian Relations in the Īrawān Ḥānate in the 17th Century). Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Yerevan, 1954.] (б)
- Патканов К.П.* Библиографический очерк армянской исторической литературы // Труды Третьего Междунар. съезда ориенталистов в Петербурге: 1876. СПб., 1877. Т. 1. С. 457–511. [*Patkanov K.P.* Bibliograficheskiy ocherk armyanskoï istoricheskoy literatury (Bibliographic Digest of Armenian Historical Literature) // Trudy Tret’yego Mezhdunarodnogo s’yezda orientalistov v Peterburge: 1876. St.-Petersburg, 1877. Vol. 1. S. 457–511.]

- Пахомов Е.А.* Краткий курс истории Азербайджана. Баку, 1923. [*Pakhomov Ye.A.* Kratkiy kurs istorii Azerbaydzhana (A Short Educational Course of History of Azerbaijan). Baku, 1923.] (–)
- Пахомов Е.А.* О сословно-поземельном вопросе в Азербайджане. Баку, 1926. [*Pakhomov Ye.A.* O soslovno-pozemel'nom voprose v Azerbaydzhane (On the Estate-land Affairs in Azerbaijan). Baku, 1926.] (–)
- Петров П.И.* Поправки и дополнения к биографии Мухаммед Казима // Советское востоковедение. 1958, № 5. С. 109–114. [*Petrov P.I.* Popravki i dopolneniya k biografii Mukhammed Kazima (Amendments and Additions to the Biography of Muḥammad Kāzīm) // Sovetskoye vostokovedeniye. 1958, № 5. S. 109–114.] (–)
- Персидские документы Матенадарана. Указы. Вып. 1. (XV–XVI вв.) / Сост. А.Д. Папазян. Ереван, 1956. [*Persidskiye dokumenty Matenadarana* (Persian documents of Matenadaran). Ukazy. Vyp. 1. (XV–XVI vv.) / Ed. by A.D. Papazyan. Yerevan, 1956.]
- Петрушевский И.П.* Восстание ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 1573 г. // Известия АзФАН СССР. 1942, № 3. С. 10–19. [*Petrushevskiy I.P.* Vossstaniye remeslennikov i gorodskoy bednoty v Tebrize v 1573 g. (Uprising of Artisans and Urban Poor in Tabriz, 1573) // Izvestiya AzFAN SSSR. 1942, № 3. S. 10–19.]
- Петрушевский И.П.* Городская знать в государстве Хулагуидов // Советское востоковедение. Т. V. М.; Л., 1948. С. 85–110. [*Petrushevskiy I.P.* Gorodskaya znat' v gosudarstve Khulaguidov (Urban Grandees in the İlḥānīd State) // Sovetskoye vostokovedeniye. Vol. V. Moscow; Leningrad, 1948. S. 85–110.] (–)
- Петрушевский И.П.* Вақфные имения Ардебильского мазара в XVII в. // Труды Института истории АН АзССР. Баку, 1947. Т. 1. С. 24–39. [*Petrushevskiy I.P.* Vakfnyye imeniya Ardebil'skogo mazara v XVII . (Waqf Estates of the Ardabīl Mazār in the 17th Century) // Trudy Instituta istorii AN AzSSR. Baku, 1947. Vol. 1. S. 24–39.]
- Петрушевский И.П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949. [*Petrushevskiy I.P.* Ocherki po istorii feodal'nykh otnosheniy v Azerbaydzhane i Armenii v XVI — nachale XIX v. (Essays on the History of Feudal Relations in Azerbaijan and Armenia in the 16th — Early 19th Centuries). Leningrad, 1949.] (a)
- Петрушевский И.П.* Азербайджан в XVI–XVII вв. // Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. 1. Баку, 1949. С. 153–214. [*Petrushevskiy I.P.* Azerbaydzhan v XVI–XVII vv. (Azerbaijan in the 16th–17th Centuries) // Sbornik statey po istorii Azerbaydzhana. Vol. 1. Baku, 1949. S. 153–214.] (б) (–)
- Петрушевский И.П.* Народное восстание в Гиляне в 1629 г. // Ученые записки ИВ АН СССР. Т. III. М., 1951. С. 225–256. [*Petrushevskiy I.P.* Narodnoye vosstaniye v Gilyane v 1629 g. (Popular Uprising in Gilān in 1629) // Uchenyye zapiski IV AN SSSR. Vol. III. Moscow, 1951. S. 225–256.] (a)
- Петрушевский И.П.* Феодальное хозяйство Рашид-ад-дина // Вопросы истории. 1951, № 4. С. 87–104. [*Petrushevskiy I.P.* Feodal'noye khozyaystvo Rashid-ad-dina (Feudal Economy of Rashīd al-Dīn) // Voprosy istorii. 1951, № 4. S. 87–104.] (б) (*)

- Пигулевская Н.В.* Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л., 1956. [*Pigulevskaya N.V. Goroda Irana v ranнем srednevekov'ye* (Cities of Iran in the Early Middle Ages). Moscow; Leningrad, 1956.] (–)
- Полиевктов М.А.* Экономические и политические разведки Московского государства в XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932. [*Poliyevktov M.A. Ekonomicheskiye i politicheskiye razvedki Moskovskogo gosudarstva v XVII v. na Kavkaze* (Economic and Political Intelligence of the Muscovy in the 17th Century in the Caucasus). Tiflis, 1932.]
- Пошевктов М.А.* Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935. [*Poliyevktov M.A. Yevropeyskiye puteshestvenniki XIII–XVIII vv. po Kavkazu* (European Travelers of the 13th–18th Centuries in the Caucasus). Tiflis, 1935.]
- Рахмани А.А.* О жизни и творчестве Искандера Мунши // Труды Ин-та истории АН Азерб. ССР. 1957. Т. 12. С. 181–204. [*Rakhmani A.A. O zhizni i tvorchestve Iskandera Munshi* (On the Life and Work of Iskander Munshī) // Trudy Instituta istorii AN Azerb. SSR. 1957. Vol. 12. S. 181–204.] (на азерб. яз.)
- Современный Иран: Справочник / [Отв. ред. Б.Н. Заходер]. М., 1957. [*Sovremennyy Iran: Spravochnik* (Modern Iran: Handbook). Moscow, 1957.] (*)
- Тамай А.* Восстание 1711–1722 гг. в Азербайджане // Ученые записки Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. 1957. Т. III. С. 77–90. [*Tamay A. Vosstaniye 1711–1722 gg. v Azerbaydzhanе* (The Uprising of 1711–1722 in Azerbaijan) // Uchenyye zapiski Instituta istorii, yazyka i literatury im. G. Tsadasy. 1957. Vol. III. S. 77–90.] (–)
- Тверитинова А.С.* Восстание Кара-Языджи и Дели-Хасана в Турции. М.; Л., 1946. [*Tveritinova A.S. Vosstaniye Kara-Yazydzhi i Deli-Khasana v Turtsii* (The Uprising of Kara Yazıcı and Deli Hasan in Turkey). Moscow; Leningrad, 1946.]
- Тер-Аветисян С.В.* Город Джуга. Тифлис, 1937. [*Ter-Avetisyan S.V. Gorod Dzhuga* (City of Jūla). Tiflis, 1937.]
- Тер-Григорян С.М.* hАйк' и харавайн hНдкaстан [Армяне в северной Индии] // Базмавѐп. 1922(а). Т. 3. С. 79–82; 1922(б). Т. 5. С. 144–147; 1922(в). Т. 6. С. 182–187. [*Ter-Grigorean S.M. Hayk' i haravayin Hndkasthan* [Armenians in Northern India] // Bazmavѐp. 1922. Vol. 3. S. 79–82; Vol. 5. S. 144–147; Vol. 6. S. 182–187.] (на арм. яз.) (*)
- Туманян О.Е.* Экономическое развитие Армении. Ереван, 1954. Ч. 1. [*Tumanyan O.Ye. Ekonomicheskoye razvitiye Armenii* (Economic Advancement of Armenia). Yerevan, 1954. T. 1.] (–)
- Фехнер М.В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956. [*Fekhner M.V. Torgovlya Russkogo gosudarstva so stranami Vostoka v XVI v.* (Trade of Russia With the Oriental Countries in the 16th Century). Moscow, 1956.] (–)
- Фильрозе Н.М.* Хозяйственная жизнь шахского домена в Сефевидском Иране. Канд. дисс. М., 1945. [*Fil'roze N.M. Khozyaystvennaya zhizn' shakhskogo domena v Sefevidskom Irane* (The Economic Life of the Shāh's Domain in Šafavid Iran). Kand. diss. Moscow, 1945.]
- Фильрозе Н.М.* К вопросу о формах земельной собственности в государстве Сефевидов // Очерки по новой истории стран Среднего Востока (Индия,

- Афганистан, Иран) / Под ред. И.М. Рейснера, Н.М. Гольдберга. М., 1951. С. 175–187. [*Fil'roze N.M.* K voprosu o formakh zemel'noy sobstvennosti v gosudarstve Sefevidov (To the Question of the Forms of Land Ownership in the Şafavid State) // *Ocherki po novoy istorii stran Srednego Vostoka* (Indiya, Afganistan, Iran) / Ed. by I.M. Reysner, N.M. Goldberg. Moscow, 1951. S. 175–187.] (–)
- Хачикян Л.* Сокровища Матенадарана // *Вопросы истории.* 1951, № 2. С. 195–199. [*Khachikyan L.* Sokrovishcha Matenadarana (Treasures of Matenadaran) // *Voprosy istorii.* 1951, № 2. S. 195–199.] (–)
- Худобашев А.М.* Обзорение Армении в географическом, историческом и литературном отношении. СПб., 1859. [*Khudobashev A.M.* Oboznieniye Armenii v geograficheskom, istoricheskom i literaturnom otnoshenii (Geographical, Historical and Literary Review of Armenia). St.-Petersburg, 1859.] (–)
- Шахазиз Е.* Старый Ереван. Ереван, 1931. [*Shakhaziz Ye.* Staryu Yerevan (Old Yerevan). Yerevan, 1931.] (на арм. яз.)
- Шахов С.* К вопросу об изучении феодальной экономики Карабахского ханства // *Известия АН АрмССР, сер. общ. наук.* 1947. Вып. 4. С. 49–68. [*Shakhov S.* K voprosu ob izuchenii feodal'noy ekonomiki Karabakhskogo khanstva (On the Study of the Feudal Economy of the Qarābāgh Hānate) // *Izvestiya AN ArmSSR, ser. obshch. nauk.* 1947. Vol. 4. S. 49–68.] (–)
- Шпаковский А.Я.* Торговля Московской Руси с Персией в XVI–XVII вв. Киев, 1915. [*Shpakovskiy A.Ya.* Torgovlya Moskovskoy Rusi s Persiyey v XVI–XVII vv. (Trade of Muscovy With Persia in the 16th–17th Centuries). Kiev, 1915.]
- Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1906. Т. I, II. [*Esadze S.* Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom (Historical Report on the Governance of the Caucasus). Tiflis, 1906. Vol. I, II.]
- Эфендиев О.А.о.* Образование Сефевидского государства в начале XVI века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1955. [*Efendiyev O.A.o.* Obrazovaniye Sefevidskogo gosudarstva v nachale XVI veka (Formation of the Şafavid State at the Beginning of the 16th Century). Diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1955.]
- Эфендиев О.А.о.* О внешней политике Исмаила I // *Труды Института истории АН АзССР.* 1957. Т. XII. С. 150–180. [*Efendiyev O.A.o.* O vneshney politike Ismaila I (On the Foreign Policy of Ismail I) // *Trudy Instituta istorii AN AzSSR.* 1957. Vol. XII. S. 150–180.] (–)
- Юсупов И.Н.* О положении райатов в Азербайджане в конце XVIII в. // *Доклады АН АзССР.* 1954. Т. 10, № 5. С. 387–397. [*Yusupov I.N.* O polozhenii rayatov v Azerbaydzhane v kontse XVIII v. (On the Position of Ra'iyat in Azerbaijan at the End of the 18th Century) // *Doklady AN AzSSR.* 1954. Vol. 10, № 5. S. 387–397.] (–)
- Basmadjan K. J.* Histoire moderne des Arméniens depuis la chute du royaume jusqu'à nos jours (1375–1916). P., 1916. (–)
- Issaverdenz J.* Armenia and the Armenians. Venice, 1878. (–)
- Kevoork A.* Armenia and the Armenians From the Earliest Times Until the Great War (1914). N. Y., 1920. (–)

- Raffi A. Armenian History, Culture and Characteristics // Buxton N., Buxton H. Travel and Politics in Armenia. L., 1914. P. 163–268.
- Salmasian A. Bibliographie de l'Arménie. P., 1946. (–)

2. Иранская и турецкая

- ‘Абд ал-Қасим С. Тә’рйх-и зендегәни-йи шәх-и ‘Аббас-и Кабӣр [История жизни шаха Аббаса Великого]. Тегеран, 1325 г.с.х. / 1946 г. [*‘Abd al-Qāsim S. Tā’rīḥ-i zendegānī-yi shāh-i ‘Abbās-i Kabīr* (The History of the Life of Shāh ‘Abbās the Great). Tehrān, 1325 SH / AD 1946.] (на перс. яз.) (*)
- Иқбāl ‘А. Тә’рйх-и муфассал-и Йрән аз истилә-йи моғул тә инқирәз-и Қаджәрийи [Подробная история Ирана от монгольского завоевания до гибели Каджар]. Тегеран, 1321 г.с.х. / 1942 г. [*‘Iqbāl ‘A. Tā’rīḥ-i mufaṣṣal-i Īrān āz istilā-yi Moghūl tā inqirāz-i Qājāriyī* (A Detailed History of Iran from the Mongol Conquest to the Fall of Qājārs). Tehrān, 1321 SH / AD 1942.] (на перс. яз.) (–)
- Қӯзәнлӯ Дж. Тә’рйх-и низәмй-йи Йрән [Военная история Ирана]. Тегеран, 1315 г.с.х. / 1936 г. Т. I. [*Qūzānlū J. Tā’rīḥ-i nizāmī-yi Īrān* (Military History of Iran). Tehrān, 1315 SH / AD 1936. Vol. I.] (на перс. яз.) (–)
- Ләрӯдӣ Н. Зендегәни-йи Надӣр шәх [Жизнь Надир-шаха]. Тегеран, 1319 г.с.х. / 1940 г. [*Lārūdī N. Zendegānī-yi Nadīr shāh* (Life of Nadīr Shāh). Tehrān, 1319 SH / AD 1940.] (на перс. яз.) (–)
- Моджетеҳдӣ М. Йрән ва Ингилис [Иран и Англия]. Тегеран, 1325 г.с.х. / 1946 г. [*Mojtehedī M. Īrān wa Ingilīs* (Iran and England). Tehrān, 1325 SH / AD 1946.] (на перс. яз.) (–)
- Мо ‘еззӣ Н. Тә’рйх-и равәбит-и сийәси-йи Йрән бә дунйә [История политических взаимоотношений Ирана с миром]. Тегеран, 1325 г.с.х. / 1946 г. Т. I. [*Mo ‘ezzī N. Tā’rīḥ-i rawābit-i siyāsī-yi Īrān bā dunyā* (History of Political Relations of Iran With the World). Tehrān, 1325 SH / AD 1946. Vol. I.] (на перс. яз.) (–)
- Пәзӯкӣ Р. Тә’рйх-и Йрән аз моғул тә афшәрийи [История Ирана от Хулагуидов до Афшаридов]. Тегеран, 1317 г.с.х. / 1938 у. [*Pāzūkī R. Tā’rīḥ-i Īrān āz Moghūl tā Āfshāriyī* [History of Iran from the Īlhānids to the Āfshārids]. Tehrān, 1317 SH / AD 1938.] (на перс. яз.) (–)
- Разӣ ‘А. Тә’рйх-и муфассал-и Йрән [Подробная история Ирана]. Тегеран, 1335 г.с.х. / 1956 г. [*Razī ‘A. Tā’rīḥ-i mufaṣṣal-i Īrān* (Detailed History of Iran). Tehrān, 1335 SH / AD 1956.] (на перс. яз.) (–)
- Фалсафӣ Н. Тә’рйх-и равәбит-и Йрән бә Урӯпә дар доўре-йи Сафавӣ [История взаимоотношений Ирана с Европой при Сефевидях]. Тегеран, 1316 г.с.х. / 1937 г. Т. I. [*Falsafī N. Tā’rīḥ-i rawābit-i Īrān bā Urūpā dar doure-yi Ṣafawī* (History of Relationships of Iran with Europe Under the Ṣafavids). Tehrān, 1316 SH / AH 1937. Vol. I.] (на перс. яз.) (–)
- Фалсафӣ Н. Зендегәни-йи шәх-и ‘Аббас-и аввāl [Жизнь шаха Аббаса Первого]. Тегеран, 1335 г.с.х. / 1956 г. Т. I, II. [*Falsafī N. Zendegānī-yi Shāh-i ‘Abbās-i avvāl* [Life of Shāh ‘Abbās the First]. Tehrān, 1335 SH / AD 1956. Vol. I, II.] (на перс. яз.)
- Ақçура Ү. Osmanlı devletinin dağılma devri (XVIII. ve XIX. asırlarda). İstanbul, 1940. (–)

- Koray E.* Türkiye tarih yayınları bibliyografyası. Ankara, 1952. (–)
- Kuran A.B.* Osmanlı imparatorluğunda inkılâp hareketleri ve milli mücadele. İstanbul, 1956. (–)
- Navai B.* Les relations économiques irano-russes. P., 1935. (–)
- Pakravan E.* Agha Mohammad Ghadjar. Essai biographique. Tehran, 1953. (–)
- Sardari R.* Un chapitre de l'histoire diplomatique de l'Iran. P., 1941. (–)
- Uras E.* Tarihte ermeniler ve ermeni meselesi. Ankara, 1950. (–)

3. Западноевропейская литература

- Линч Г.Ф.* Армения: путевые очерки и этюды. Тифлис, 1910. Т. I, II. [*Lynch G.F.* Armenia: putevyue ocherki i etyudy (Armenia, Travels and Studies). Vol. I, II. Tiflis, 1910.]
- Allen W.E.D.* Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border 1828–1921. Cambridge, 1953. (–)
- Aukerian H.* A Brief Account of the Mechitaristic Society Founded on the Island of St. Lazaro. [Venice], 1835. (–)
- Bellan L.-L.* Chah Abbas I, sa vie, son histoire. P., 1932.
- Boré E.* Description de l'Arménie. P., 1842. (–)
- Brown E.G.* A Literary History of Persia. Vol. I, II. Cambridge, 1928. (–)
- Bullard R.* Britain and the Middle East From the Earliest Times to 1950. N. Y., 1951. (–)
- Driault É.* La question d'Orient: depuis ses origines jusqu'à la grande guerre. P., 1917. (–)
- Durand H.M.* Nadir Chah. L., 1908. (–)
- von Erdmann F.* Iskender Munschi und sein Werk // ZDMG. 1861. Vol. XV, № 3. S. 457–501. (–)
- Frye R.N.* Iran. L., 1954. (–)
- Furon R.* La Perse. P., 1938. (–)
- Gibb H.A.R.* Islamic Society and the West. Oxford, 1950. Vol. I: Islamic Society in the Eighteenth Century. Part I. (–)
- Hammer-Purgstall J.* Histoire de l'Empire Ottomane, depuis son origine jusqu'à nos jours. Vol. 8–15. P., 1836–1839. (–)
- Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au moyen-âge. Leipzig, 1886. T. I, II. (–)
- Hinz W.* Irans Aufstieg zum Nationalstaat im fünfzehnten Jahrhundert. B.; Leipzig, 1936. (–)
- Kapri F.M.* Zwei Vorträge über: Die historische und kulturelle Bedeutung des armenischen Volkes. Wien, 1913. (–)
- Kirk G.E.* A Short History of the Middle East. L., 1957. (–)
- Lambton A.K.S.* Landlord and Peasant in Persia. L.; N.Y., 1953.
- Lang D.M.* Georgian Relations with France during the Reign of Wakhtang VI (1711–24) // JRAS. 1950. Vol. 82, № 3–4. P. 114–126. (–)
- Lang D.M.* Georgia and the Fall of the Safavid Dynasty // BSOAS. 1952. Vol. 14. Part 3. P. 523–539. (–)
- Lang D.M.* The Last Years of the Georgian Monarchy 1658–1832. N.Y., 1957.

- Lockhart L.* Nadir Shah. L., 1938.
- Lockhart L.* The Fall of the Šafavī Dynasty and the Afghan Occupation of Persia. Cambridge, 1958.
- Malcolm J.* The History of Persia From the Most Early Period to the Present Time. L., 1829. Vol. II.
- Minorsky V.* Esquis d'une histoire de Nadir-Chah. P., 1934. (–)
- Minorsky V.* The Poetry of Shāh Ismā‘īl I // BSOAS. 1942. Vol. 10, № 4. P. 1006–1029.
- Minorsky V.* Introduction, Commentary and Appendixes // Tadhkirat al-Mulūk / Ed. and transl. by V. Minorsky. L., 1943. P. 5–36, 110–207.
- de Morgan J.* Histoire du peuple arménien depuis les temps les plus reculés de ses annales jusqu'à nos jours. P., 1919. (–)
- Rhodes A.* Shah Abbas the Great // History Today. 1956. T. 9. P. 617–626. (*)
- Seth M.J.* Armenians in India From the Earliest Times to the Present Day. Calcutta, 1957. (*)
- Storey C.A.* Persian Literature. A bio-bibliographical survey. Sect. II, Fasc. 1, 2. L., 1935–1936. (–)
- Sykes P.* History of Persia. L., 1951. Vol. II. (–)
- Wilson A.T.* A Bibliography of Persia. Oxford, 1930. (–)